ТОБОЛЬСКЪ.
Губернскому музею.

4989

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ газетѣ

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ XI.

НА 1896 ГОДЪ.

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ.

Выпускъ III-й.

Подъ редакціею И. И. Попова.

ИРКУТСКЪ.
Типографія К. І. Витковской, Харлампіев. ул., д. № 1.
1896

Содержаніе.

М Кроль. Ново-Селенгинскъ (краткій очеркъ его прошлаго и настоящаго) . 233—265

Г. Ф. Савченко. Яшка Сухарникъ . . . . . 267—279

Н. Г. Герои Татты и Амги. (Изъ дневника экскурсанта) (Продолженіе). II. Батурусскіе родоначальники . . . . . 280—304

Н. Свіягинъ. По Восточной Манчьжуріи—въ 1895—96 году . . . . 308—330

Н. І. Рабочая Интеллигенція въ текущей литературѣ . . . . . 331—346

Ново-Селенгинскъ.

(Краткій очеркъ его прошлаго и настоящаго).

Ново-Селенгинскъ еще очень молодой городъ. Это не тотъ Селенгинскъ, гдѣ полномочный посолъ Головинъ заключилъ въ 1689 г. договоръ съ монгольскими тайшами; не тотъ, куда былъ сосланъ гетманъ Демьянъ Многогрѣшный, отличившійся и въ ссылкѣ своими побѣдами надъ монголами и непокоренными еще бурятами. Тотъ, историческій Селенгинскъ, «старый городъ», теперь представляетъ жалкій поселокъ съ 2—3 десятками покосившихся домиковъ. Въ немъ, кромѣ старинной церкви и памятника Якобію (воеводѣ) ничего не осталось отъ прошлаго. Развѣ полустертыя плиты на древнемъ кладбищѣ, наполовину засыпанныя пескомъ, наведутъ посторонняго посѣтителя на размышленія о бренности всего земного... Да, канула въ прошлое кипѣвшая когда-то въ Старомъ Селенгинскѣ жизнь, даже не осталось слѣдовъ отъ нѣкогда обширнаго каменнаго гостиннаго двора.... А время дѣлало свое. Дома разрушались, вѣтра засыпали развалины ихъ пескомъ; порой Селенга приходила на помощь времени и вѣтру и производила опустошенія въ мѣстахъ жилыхъ, разрушая живыя благополучія, унося въ своихъ волнахъ свѣжіе труды обитателей города. Роль Стараго Селенгинска была сыграна, смыслъ его былъ потерянъ, источники его жизни изсякли. Торговля съ Китаемъ постепенно сосредоточилась въ Кяхтѣ, администрація была переведена въ Верхнеудинскъ, войска выведены и ненужныя больше казенныя зданія проданы на сломъ [1]). Но оставшимся въ живыхъ поколѣніямъ Стараго Селенгинска все-же хотѣлось жить. И долго они не вѣрили, не могли понять, что на развалинахъ прошлаго безъ надежды на бу-

[1]) «Русск. Стар.» за 1881 г., т. III, стр. 634. Записки М. А. Бестужева.

дущее жить невозможно. Цѣлый рядъ наводненій, гибельныхъ, опустошительныхъ наводненій, наконецъ, заставилъ нѣкоторыхъ наиболѣе предпріимчивыхъ обитателей Стараго Селенгинска искать новаго мѣста. И они остановили свой выборъ на обширной степи «Тоенъ», лежащей на лѣвомъ берегу р. Селенги, версты на $1^1/_2$—2 выше «стараго города». Вѣроятно, напуганные прошлыми наводненіями переселенцы стали строиться очень далеко не только отъ Селенги, но и протоки ея (Телячьей)—такъ далеко, что лишили себя возможности пользоваться рѣчной водой и всѣ почти вынуждены были обзавестись колодцами.

Такъ основался въ 1849 г. Ново-Селенгинскъ. По плану, составленному въ областной чертежной, Ново-Селенгинскъ долженъ былъ впослѣдствіи превратиться въ красивый городокъ съ ровными широкими улицами, съ площадью въ центрѣ и гостинымъ рядомъ и пр.; но плану не суждено было сбыться. По свидѣтельству М. А. Бестужева въ 1860 г., т. е. 11 лѣтъ спустя послѣ основанія, городъ состоялъ всего изъ 5—6 домовъ первостатейныхъ купцовъ—Старцевыхъ, Лушниковыхъ и Мельниковыхъ и 20 маленькихъ домиковъ. Даже нынѣ Селенгинскъ по размѣрамъ своимъ меньше громаднаго большинства селеній Забайкальской области, и только блескъ сошедшаго со сцены старшаго его брата помогъ ему стать окружнымъ городомъ безъ всякихъ съ его стороны заслугъ.

Въ 1863 г. Селенгинскъ преобразовывается въ окружный городъ, въ 1868 г. земскій судъ переименовывается въ окружное полицейское управленіе; въ 1875 г. въ Селенгинскѣ вводится городовое положеніе 1870 г., и съ точки зрѣнія административной въ немъ оказывается на-лицо весь механизмъ, необходимый для развитія и преуспѣянія его.

Мѣстоположеніе новаго города очень живописное. Расположенный у выхода большой Тоёнской степи на р. Селенгу, онъ представляетъ пунктъ, съ котораго во всѣ стороны открывается множество прекрасныхъ и величественныхъ ландшафтовъ. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ гряды увaловъ, точно застывшія волны гигантскаго моря, чрезвычайно красиво выдѣляются своими рѣзкими отчетливыми контурами на фонѣ чистаго неба. Безлѣсные – желтые и сѣрые близъ самаго города, эти увалы становятся все темнѣе и темнѣе къ горизонту и замыкаютъ пейзажъ черно-синей полосой густого хвойнаго лѣса. На югѣ отъ Селенгинска также раскинулись увалы, частью покрытые лѣсомъ, и между ними, какъ въ котловинѣ, виднѣются и луга, и р. Селенга, и множе-

ство острововъ, образуемыхъ Селенгой и ея многочисленными протоками. Прямо на востокѣ за Селенгой поднимается громадный Обманный хребетъ, своей лѣсистой гривой точно упирающійся въ самое небо, а съ возвышеннаго мыса (Игумновской горки) на берегу Телячьей протоки, какъ на ладони, видны слѣва Селенга, красивыми излучинами бѣгущая межъ утесистыхъ береговъ, а справа могучій Чикой, вырывающійся изъ-за громаднаго увала, чтобы слиться съ Селенгой, и опять таки луга и острова, теряющіеся далеко между песчаными увалами Цаганъ-Хошуна и Стрѣлки.

Но если Селенгинскъ можетъ доставить большое удовольствіе своими видами путешествующему туристу, то для самихъ обитателей его онъ представляетъ столько неудобствъ, что невольно приходится удивляться, какъ у основателей города не хватило сообразительности предвидѣть ихъ. Переселенцы, большею частью хлѣбопашцы, ищутъ новаго мѣста и не замѣчаютъ, что тоёнъ — это только дресвяная степь, которая при свирѣпствующихъ въ Забайкальѣ засухахъ, не годится почти для обработки, что этотъ тоёнъ, почти единственное мѣсто, гдѣ они могутъ сѣять хлѣбъ (другой пахотной земли нѣтъ по близости), подвергается каждую весну опустошительному дѣйствію вѣтровъ, дующихъ безъ перерыва почти весь мартъ, апрѣль, а иногда и май. Но всего удивительнѣе кажется то обстоятельство, что, покидая старый Селенгинскъ изъ-за наводненій, переселенцы не подумали, что тоёнъ, спускающійся къ Селенгѣ по весьма замѣтному уклону, принимающій въ себя десятки боковыхъ небольшихъ падей, въ ливень долженъ обратиться въ громадное русло для всѣхъ водъ, сбѣгающихъ съ окрестныхъ горъ, а воды эти неминуемо должны по наклонной плоскости устремиться всѣ на городъ. И Ново-Селенгинскъ неоднократно терпѣлъ отъ «буераковъ», съ ревомъ и грохотомъ заливавшихъ несчастный городъ въ лѣтнія грозы [1]). Но ошибка была сдѣлана; искать лучшаго мѣста новоселамъ, очевидно, не хотѣлось, а можетъ быть энергіи не хватило, и жители новаго города стали приноравливаться ко всѣмъ неудобствамъ своего новаго мѣстопребыванія. Худо-ли, хорошо-ли, но селенжане жили, плодились и населяли землю, изыскивали способы устраивать свою жизнь получше и выработали извѣстный порядокъ существованія, который, впрочемъ, порой не мало изумляетъ посторонняго наблюдателя.

---

[1]) Ново-Селенгинскъ не избѣгъ также наводненій. Особенно памятно наводненіе 1869 г., когда, по словамъ стариковъ, вода подступала къ горкѣ, на которой построена кладбищенская церковь, и жители Селенгинска сообщались со Стрѣлкой въ лодкахъ.

Какъ живутъ теперь селенжане, будетъ изложено ниже, а пока мы остановимся нѣсколько на данныхъ селенгинской метеорологической станціи за 1891 и 1892 гг., дающихъ наглядное представленіе о климатическихъ условіяхъ г. Селенгинска.

Селенгинскъ расположенъ на 51° 6′ сѣверной широты и 106° 53′ восточной долготы, на высотѣ 570 метровъ надъ уровнемъ моря и на 94 метр. выше Байкала. Среднее годовое барометрическое давленіе въ 1891 г.=715,1 m.m., колебалось оно въ теченіе года между 693,4 m.m. (minim.) и 739,6 m.m. (max.). Средняя годовая температура за тотъ-же годъ=2,1° C., составилась она изъ 3-хъ среднихъ, вычисленныхъ для 7 ч. утра, 1 дня и 9 вечера, а именно—5,8° C. (для 7 ч. утра), +3,0° C. (для 1 дня) и −3,4° C. (для 9 ч. вечера). Максимумъ лѣтомъ въ тѣни равняется въ 1891 г. +34,4° C., а абсолютный минимумъ по показаніямъ минимальнаго спиртового термометра зимою —41,9° C. Значитъ годовая разность въ тѣни=76,3°. Дней съ морозомъ было 233, а безъ оттепели 158.

Уже изъ этихъ данныхъ можно заключить, что климатъ г. Селенгинска отличается значительной суровостью. Разсмотрѣніе-же мѣсячныхъ колебаній температуры, дѣйствія вѣтровъ въ Селенгинскѣ и данныхъ, показывающихъ, сколько всего осадковъ выпадаетъ въ районѣ города за годъ еще больше убѣдятъ въ томъ, что климатъ селенгинскій обладаетъ всѣми свойствами сухого континентальнаго климата.

Изъ ежемѣсячныхъ отчетовъ Селенгинской метеорологической станціи [1]) за 1891 г. видно, что наибольшее колебаніе температуры приходится на февраль когда min.=—41,2° C., а max.=—4,4° C., разность=36,8° C. Въ слѣдующіе мѣсяцы колебанія нѣсколько меньше, все-же абсолютная величина ихъ очень велика.

	max.	min.	Разн.
Такъ въ мартѣ . . .	+ 1,5° C.	−25,5° C.	27°
апрѣлѣ . . .	+22,1°	−12,5°	34,6°
маѣ	+27,2°	− 1,6°	28,8°
іюнѣ . . .	+31,2°	+ 3,5°	28,7°
іюлѣ . . .	+34,4°	+11,4°	23,0°

[1]) Всѣ приводимыя нами данныя о климатѣ Селенгинска мы извлекли изъ отчетовъ селенгинской метеорологической станціи, лѣтописей главной физической обсерваторіи и обстоятельной статьи доктора Кирилова «О климатѣ Забайкалья».

303

Такія колебанія температуры въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ должны имѣть громадное вліяніе на ростъ какъ деревьевъ, такъ и культурныхъ овощей и злаковъ. Насколько ограниченъ срокъ вегетаціи въ районѣ Селенгинска, еще рѣзче бросается въ глаза, если считаться съ абсолютными минимумами за приведенные мѣсяцы. Въ апрѣлѣ этотъ минимумъ=—17,2°, въ маѣ=—7,6°, и даже въ іюнѣ онъ не поднимался выше 0, ибо равнялся —1,7°. Одинъ только іюль за весь годъ имѣлъ min. +6,2°, но такъ-какъ наблюденія производятся по новому стилю, то самымъ благопріятнымъ для растительности временемъ слѣдуетъ считать въ Селенгинскѣ періодъ отъ половины іюня до половины іюля. И 1891 годъ не былъ какимъ-нибудь исключительнымъ годомъ. Въ 1892 г. колебанія температуры были слѣдующія:

	max.	min.	Разн.
въ мартѣ . . .	4,2°	—33,8°	38,0°
въ апрѣлѣ . . .	15,4°	— 8,0°	23,4°
въ маѣ	28,3°	— 0,2°	28,5°
въ іюнѣ	30,5°	10,9°	19,6°
въ іюлѣ	30,2°	10,3°	19,9°

Абсолютные минимумы за эти мѣсяцы равнялись: за мартъ=—35,0°, за апрѣль=—12,8°, за май=—8,3, за іюнь=+3,7 и за іюль=+5,2.

Въ 1892 г., значитъ, было цѣлыхъ два мѣсяца съ температурой выше 0, что дѣйствительно хорошо отразилось на урожаѣ хлѣбовъ, хотя около Селенгинска, какъ будетъ указано ниже, хлѣбъ уродился плохо. Все-же, тотъ фактъ, что еще въ маѣ морозы по ночамъ доходили до 8°, показываетъ, какъ много препятствій приходится преодолѣвать селенжанину-хлѣбопашцу. Серьезныя опасенія, чтобы майскіе морозы не побили молодыхъ всходовъ, заставляетъ селенжанъ сѣять хлѣбъ позже, хотя, чѣмъ позже они сѣютъ, тѣмъ больше шансовъ имѣетъ хлѣбъ пострадать отъ августовскихъ и даже іюльскихъ «вредныхъ» инеевъ. Не менѣе терпятъ селенжане и отъ того, что въ ихъ мѣстѣ весною выпадаетъ очень мало осадковъ и что, съ другой стороны, какъ разъ со временемъ посѣва совпадаетъ періодъ весеннихъ вѣтровъ. Въ маѣ 1891 г. выпало всего 10 сант. дождя, причемъ max. осадковъ не превышаетъ 3,4 сант., а дожди, падая на высушенную мартовскими и апрѣльскими вѣтрами землю, едва ее смачиваютъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ жгучихъ уже лучей майскаго солнца, земля сохнетъ и обращается въ пепелъ, и первая сильная майская «погода» можетъ

сдуть сѣмена съ пашенъ, что нерѣдко и случается въ Селенгинскѣ. Всего въ 1891 г. выпало 118,0 сант. осадковъ съ max. въ 18,1 сант.

Въ 1892 г. въ апрѣлѣ выпало 1,5 с осадковъ, и въ теченіе этого-же мѣсяца вѣтра̀ дули безпрерывно, причемъ однѣхъ бурь, т. е. вѣтровъ, скорость которыхъ достигала 20 метровъ въ секунду, было 7. Въ маѣ выпало осадковъ 4,2 сант., а бурь было 11, и даже на іюнь приходится всего 6 дождей, съ общимъ количествомъ осадковъ въ 32,6 сант., и 7 бурь. Max. осадковъ за 1892 г. приходится на іюль мѣсяцъ и равняется за весь мѣсяцъ—60,5 сант., а за одинъ разъ 20,5 сант. Ясно, что въ Селенгинскѣ осадки выпадаютъ въ ничтожномъ количествѣ. Что-же касается значенія вѣтровъ въ Селенгинскѣ, то оно несомнѣнно громадно. Въ Селенгинскѣ почти не проходитъ дня безъ вѣтра. На 1047 наблюденій приходится 470 штилей и 577 вѣтровъ. Если распредѣлить вѣтра по румбамъ, то на каждый румбъ придется:

N	NE	E	SE	S	SW	W	NW
140	58	10	13	38	34	72	212,

это значитъ, что большая половина вѣтровъ приходится на N и NW. Наиболѣе часто и сильно вѣтра дуютъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ.

Селенга покрывается льдомъ между половиной и концомъ октября, хотя въ 1891 г. она стала лишь $^{4}/_{18}$ апрѣля, а въ 1892 г. $^{4}/_{16}$ апрѣля.

Зимою въ Селенгинскѣ выпадаетъ такъ-же мало осадковъ, какъ и лѣтомъ, причемъ послѣ каждаго почти снѣга поднимается вѣтеръ. Такимъ образомъ, малоснѣжныя зимы и «засушливыя» мѣста составляютъ характерныя мѣста Селенгинскаго климата, а при такихъ условіяхъ хлѣбопашество не можетъ вестись нормально. Хлѣбъ можетъ погибнуть отъ весеннихъ морозовъ, отъ засухи, сѣмена можетъ выдуть вѣтромъ; наконецъ, хлѣбъ могутъ побить августовскіе инеи. Такъ-какъ наибольшее количество осадковъ и наибольшее число дней съ дождемъ приходится на іюль, то поднявшійся и начинающій цвѣсти хлѣбъ рискуетъ, вслѣдствіе наступающихъ въ этомъ-же мѣсяцѣ холодныхъ ночей, вдругъ пріостановиться въ ростѣ; у него часто не хватаетъ силъ «наливаться», онъ «нѣжится» очень долго, пока «вредный» иней окончательно не прекратитъ его роста. Вотъ почему селенжане менѣе всего хлѣбопашцы. У нихъ даже нѣтъ своей пахатной земли. Выше уже было упомянуто, что тоёнъ единственное почти мѣсто, гдѣ селенгин-

304

скіе обыватели сѣютъ хлѣбъ, но этотъ тоёнъ не городская земля, а какая-то спорная, не то бурятская, не то казачья, не то пустопорожняя. Селенжане, правда, пользуются тоёномъ безплатно, но гадательность урожая на тоёнѣ убиваетъ всякую охоту сколько-нибудь серьезно заняться его обработкой. Хорошо, если выпадетъ дождливое лѣто, тогда 6—7 пудовъ сѣмянъ дадутъ громадный доходъ, ибо съ десятины земли, на которой засѣяли 6—7 пуд. можно собрать 100—120 пудовъ хлѣба, но селенжане знаютъ и то, что на 1 такой урожайный годъ приходится 3—4, а то и 5—6 лѣтъ неурожайныхъ, и они ѣдутъ въ поле не съ страстной надеждой крестьянина земледѣльца, а съ чувствомъ боязни, что они напрасно трудятся, напрасно сѣмена бросаютъ... Слишкомъ много разъ разрушалъ ихъ надежды загадочный тоёнъ! За превосходнымъ урожаемъ, побуждавшимъ многихъ попытать счастья, неоднократно слѣдовали годы такого неурожая, что и сѣмянъ не собирали, и площадь насѣва постепенно уменьшалась, тоёнъ забрасывался и обращался снова въ каменистую степь до перваго случая, когда счастливая попытка какого-нибудь смѣльчака пробуждала новыя надежды, и жители Селенгинска начинали снова сначала до слѣдующаго разочарованія... Понятно, что всякій селенжанинъ, посѣявшій хлѣбъ въ тоенѣ, въ то-же время принимаетъ всѣ мѣры, чтобы обезпечить себя на зиму, на случай весьма вѣроятнаго неурожая.

Достойно вниманія, что вообще въ Селенгинскѣ цѣны на хлѣбъ стоятъ невысокія, и неурожай хлѣба въ самомъ Селенгинскѣ не оказываетъ почти никакого вліянія на цѣны хлѣба [1]). Объясняется такое обстоятельство близостью къ Селенгинску многихъ пунктовъ, славящихся своими урожаями хлѣбовъ. Чикойскій хлѣбъ, Джидинскій и Хилокій находится всегда къ услугамъ селенжанъ, благодаря хорошимъ путямъ сообщенія, а конкурренція дѣлаетъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ минимальными. Нужно было сочетаніе несчастныхъ обстоятельствъ по всему Забайкалью (страшная засуха), чтобы хлѣбъ поднялся въ Селенгинскѣ до 2 р. 50 к. и даже 3-хъ рублей за пудъ, какъ это было въ 1888 г. Но такіе голодные, «страшные» годы рѣдкость въ За-

---

[1]) Въ 1890 г. стояли слѣдующія цѣны на хлѣбъ:

	Зимой.	Весной.	Лѣтомъ.	Осенью.
Ярица . .	75 к. п.	75 к.	75 к.	60 к.
Пшеница.	1 р. 20 к. «	1 р. 20 к.	1 р. 20 к.	1 р.
Въ 1891 г.:				
Ярица . .	25 к.	25 к.	20 к.	20 к.
Пшеница.	80 к.	90 к.	65 к.	65 к.

байкальѣ. Чаще всего напротивъ слышатся жалобы на дешевизну хлѣба; рыночная его цѣна бываетъ такъ низка, что хозяева считаютъ прямо убыточнымъ заниматься хлѣбопашествомъ, и многіе изъ нихъ, обрабатывающіе землю съ помощью наемныхъ работниковъ, вынуждены бываютъ сократить свое хлѣбопашество или вовсе его оставить. Въ такіе годы нѣкоторый смыслъ имѣетъ еще заниматься земледѣліемъ тѣмъ, кто не прибѣгаетъ къ наемному труду, у кого и рабочій скотъ имѣется свободный и кому все равно надо какъ-нибудь употребить свое время.

Для иллюстраціи нашей мысли сошлемся на данныя объ урожаѣ хлѣба и цѣнахъ на него въ Селенгинскѣ за 1892 г. Въ годовомъ отчетѣ Селенгинской городской управы за этотъ годъ указывается, что около Селенгинска значительная часть хлѣба не дошла,—морозы повредили, а между тѣмъ въ городѣ осенью 1892 г. цѣны на ярицу падали до 20 и даже 18 коп. за пудъ—такъ много его навезли изъ деревень. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Селенгинскаго округа, какъ напр., въ Торейскомъ селеніи, по Джидѣ, хлѣбъ продавался по 15 и даже 12 коп. за пудъ и то не на наличныя деньги, а въ обмѣнъ на товаръ, такъ что лавочники, они-же и скупщики хлѣба, брали пудъ хлѣба за 3—4 фунта соли. Неудивительно, что тѣ изъ селенжанъ, у которыхъ хлѣбъ случайно родился въ 1892 г. [1]), также жаловались на урожай, какъ прочіе, потерпѣвшіе отъ неурожая. И первые были правы съ своей точки зрѣнія. Хлѣбъ имъ нуженъ не только для ѣды, но и какъ средство пріобрѣтать прочіе предметы первой необходимости, и такъ-какъ селенжане почти все покупаютъ, то для нихъ въ высшей степени важно имѣть хоть тотъ минимумъ мѣновыхъ цѣнностей, при помощи которыхъ они могли-бы достать все имъ необходимое; если-же хлѣбъ обезцѣнивается въ сравненіи съ другими товарами, какъ это имѣло мѣсто въ Селенгинскѣ въ 1892 г., то у бѣднѣйшихъ тотчасъ-же должна явиться нужда. Правда, селенжане на себѣ не испытали всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, но только благодаря тому, что земледѣліе далеко не составляетъ основы ихъ экономическаго быта.

---

[1]) Въ Селенгинскѣ хлѣбъ часто дозрѣваетъ «кругами», т. е. отдѣльными клочками. Тутъ обыкновенно играютъ роль случайныя причины. Такъ, въ «засушливый» годъ хлѣбъ часто дозрѣваетъ въ ложкахъ, гдѣ очевидно собирается достаточно влаги. Обратно, въ дожливый годъ, хлѣбъ на низинахъ нерѣдко страдаетъ отъ морозовъ, на буграхъ же, особенно обращенныхъ на югъ, онъ родится порой превосходно.

Изъ данныхъ годоваго отчета селенгинской городской управы видно, что селенжанами было засѣяно:

	Въ 1890 г.	1891 г.	1892 г.
Пшеницы. . . .	22 дес.	43 дес.	26 дес
Овса	6 «	13 «	8 «
Ячменя.	2 «	6 «	1 «
Ярицы	238 «	230 «	174 «
Гречихи	4 «	3 «	2 «
Всего. .	272 дес.	295 «	211 «

Приведенныя цифры сразу показываютъ, что хлѣбопашество въ Селенгинскѣ весьма неустойчивое занятіе, ибо не только площадь посѣва измѣнялась замѣтно за указанное трехлѣтіе, но и количество засѣваемыхъ отдѣльныхъ сортовъ хлѣба колебалось очень сильно. Въ 1892 г. общая площадь посѣва уменьшается на $^1/_4$ противъ 1891 г., равно какъ и площадь, засѣянная ярицей, также уменьшается на $^1/_4$. Если-же еще принять во вниманіе, что нѣкоторые селенжане засѣваютъ 10, 20 и даже 30 дес., то на долю каждаго изъ остальныхъ 75—80 хозяевъ придется не больше $^1/_2$ или 1 дес. засѣянной земли. И это на самомъ дѣлѣ такъ. Мы уже говорили, что селенжане сѣютъ хлѣбъ на удачу; уродится онъ хорошо—будетъ свой хлѣбецъ; не уродится, селенжанинъ и безъ своего хлѣба обойдется. Засѣвающіе-же по 20 30 дес. преслѣдуютъ свои спеціальныя цѣли. Это все почтосодержатели, имѣющіе по нѣскольку работниковъ и нуждающіеся въ кормѣ для множества лошадей. Урожай хлѣба даетъ имъ возможность прокормить своихъ лошадей; въ противномъ случаѣ они и солому употребляютъ въ кормъ. Случалось, что нѣкоторые засѣвали обширныя площади тоена съ спекуляціонными цѣлями, но эти попытки кончались очень плохо, потому-что въ урожайные годы сборъ не оправдывалъ затратъ, а у спекулянтовъ не хватало силъ переждать годы съ низкими цѣнами на хлѣбъ; въ неурожайные-же годы спекулянты теряѣли непосильные убытки. Такимъ образомъ земледѣліе является въ Селенгинскѣ только второстепеннымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ Тоже можно сказать и о селенгинскомъ скотоводствѣ. Не смотря на то, что городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ бурятами скотоводами, что даже въ самомъ Селенгинскѣ живетъ не мало бурятъ, скотоводство среди селенжанъ далеко не развито. Это объясняется опять таки спеціальными климатическими и почвенными условіями г. Селенгинска. Сѣнокосныхъ зе-

мель у селенжанъ вполнѣ достаточно, въ ихъ распоряженіи находится вся масса острововъ между Селенгинскомъ и Стрѣлочнымъ селеніемъ и обширный лугъ, простирающійся верстъ на 5 отъ города до, такъ называемаго, «перевоза» черезъ Селенгу по Кяхтинскому почтовому тракту. Покосы селенгинскіе дѣлятся на пан, которые каждый годъ сдаются съ торговъ. Но покосы не поливные, и засухи дѣлаютъ столь-же гадательнымъ урожай травъ, какъ и урожай хлѣбовъ. Къ засухѣ иногда еще присоединяется вредъ отъ «кобылки», «червяка« и наконецъ отъ наводненія Селенги. Бываетъ такъ, что протоки выходятъ изъ береговъ и заливаютъ значительныя площади покосовъ, причемъ вода иногда по нѣскольку дней стоитъ на одномъ высокомъ уровнѣ. Когда послѣдняя спадаетъ, трава оказывается покрытой слоемъ ила и начинаетъ гнить. Если еще послѣ наводненія выпадаетъ дождь, то, обмывая траву, онъ даетъ ей возможность ожить и продолжать рости, въ противномъ-же случаѣ трава погибаетъ. Передъ всѣми этими несчастіями селенжане безсильны и, значитъ, строить прочныя надежды на будущій урожай травъ они также не могутъ.

Выгономъ селенжанамъ служитъ тотъ-же безтравный тоенъ. Проходитъ скотъ до ноября на такомъ корму, и мало онъ наберетъ силъ для селенгинской суровой зимы; ему нужно будетъ сѣно или, по крайней мѣрѣ, хорошая солома. Не уродился хлѣбъ, не уродилась трава, и зимой скотъ начинаетъ дохнуть отъ безкормицы. Понятно, что селенжанамъ рисковано держать много скота. Только пастухъ-бурятъ, перекочевывающій съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за кормомъ, всѣ свои силы и все свое время вкладывающій въ уходъ за своимъ скотомъ, можетъ еще сколько-нибудь бороться съ засухой и прочими неблагопріятными для урожая травъ условіями.

Все-же, сравнительно, въ Селенгинскѣ не мало скота.

Въ городѣ числилось скота:

	Въ 1890 г.	1891 г	1892 г.
Лошадей	489	530	532
Рогатаго скота . . .	819	830	727
Овецъ	1213	1315	874 (?)
Мериносовъ [1]) . . .	527	360	(?)

[1]) Мериносы были пріобрѣтены казной съ цѣлью распространенія этой породы овецъ среди русскихъ и инородцевъ. Для содержанія мериносовъ казной были отведены 507 дес. покосу, ибо они всю зиму должны кормиться сѣномъ. Но хорошія намѣренія иниціаторовъ

Свиней	21	47	56
Козъ	526	512	472
Всего . .	3595 гол.	3594 г.	2661 г.

Такъ-какъ въ городѣ постоянно живетъ всего семействъ 100, то на каждую семью приходится въ среднемъ (за вычетомъ мериносовъ) отъ 26—30 головъ скота. На самомъ дѣлѣ скотъ распредѣленъ далеко не равномѣрно; тѣмъ не менѣе въ Селенгинскѣ найдется не больше 10 семействъ безлошадныхъ, а корова или двѣ найдутся даже въ самой бѣдной семьѣ.

Если какое-нибудь занятіе можно назвать постояннымъ въ Селенгинскѣ, такъ это, несомнѣнно, огородничество, которое, впрочемъ, ведется исключительно женщинами. Стоитъ только посмотрѣть на громадный трудъ, вкладываемый селенгинскими женщинами въ свои огороды, на изнуряющую поливку большихъ грядъ табаку, капусты и картофеля, на кропотливый уходъ за арбузами, чтобы рѣшить тотчасъ-же, что селенгинская женщина, на которой еще, кромѣ огородничества, лежитъ все бремя веденія хозяйства, ухода за скотомъ и т. п., по своему трудолюбію и полезной дѣятельности оставляетъ далеко за собой мужчину.

Надо имѣть въ виду, что все огородничество въ Селенгинскѣ основано на поливкѣ, что никакихъ почти приспособленій для поливки при огородахъ не имѣется, что воду разносятъ по грядамъ въ ведрахъ. Благодаря засухамъ, селенжанки поливаютъ даже картофель, для каковой цѣли его садятъ не въ бороздахъ, а въ лункахъ. Капуста уже требуетъ усиленной ежедневной поливки, а табакъ и арбузы еще спеціальнаго ухода.

Селенгинскіе арбузы славятся по всему Забайкалью и обязаны своимъ происхожденіемъ, какъ разсказываютъ селенжане, опытамъ офицера Плотникова. Послѣдній развелъ на Конномъ островѣ огородъ и, выписавъ изъ столицы лучшія сѣмена, сталъ культивировать арбузы. Онъ дѣлалъ опыты надъ многими сортами арбузовъ, сообразуясь при этомъ со всѣми указаніями науки, и добился блестящихъ результатовъ—у него получались арбузы сочные, сладкіе, громадныхъ размѣровъ до 20 фунтовъ вѣсу. Г. Плотниковъ дѣлалъ гряды изъ конскаго назьму, для охра-

этого дѣла дали самые неожиданные результаты. Содержатели овецъ отдавали покосы въ аренду, а мериносовъ кормили чѣмъ попало; понятно, что мериносы вырождались и не были въ состояніи выполнить свое назначеніе. Содержатель ихъ промоталъ все свое состояніе и обанкрутился, а овцы пошли въ уплату долга нѣкоторымъ изъ его кредиторовъ.

нія арбузныхъ всходовъ отъ майскихъ холодовъ, а лунки, куда садилъ проросшія уже въ комнатѣ сѣмена, выстилалъ пескомъ. На ночь онъ покрывалъ лунки стеклянными рамами или колпаками.

Такъ-какъ въ ближайшихъ городахъ, особенно въ Кяхтѣ, арбузы очень хорошо оплачивались, то вскорѣ и селенгинскія женщины занялись ихъ разведеніемъ, перенявъ у Плотникова необходимые для этого пріемы. И онѣ также добились хорошихъ результатовъ. Съ теченіемъ времени, однако, культура арбузовъ стала падать. Плотниковъ уѣхалъ изъ Селенгинска, и многое постепенно стало забываться; арбузы становились мельче, и селенжанки не могли себѣ объяснить, почему это раньше у нихъ получались большіе, сладкіе арбузы, а въ настоящее время хорошій крупный арбузъ сдѣлался рѣдкостью. А между тѣмъ объясненіе тутъ простое, и именно то, которое мы дали. Несомнѣнно, что усвоенные наглядным способомъ пріемы забывались, исправить ошибку или недосмотръ некому было, и культура арбузовъ естественно падала. Такъ, намъ хорошо извѣстно, что ни одна селенжанка не обрѣзываетъ безплодныхъ плетей, въ то время какъ раціональное огородничество считаетъ это необходимымъ; точно такъ-же селенжанкамъ неизвѣстно, что на многоплодной плети должны быть плохіе арбузы, ибо плеть, обезсиленная множествомъ плодовъ, каждому въ отдѣльности несетъ слишкомъ мало соковъ. Тѣмъ не менѣе, даже теперь въ урожайный годъ хозяинъ средняго огорода можетъ выручить отъ 50—100 руб. за арбузы, сумму весьма порядочную для средняго селенгинскаго бюджета.

Въ настоящее время въ Селенгинскѣ разводятъ арбузы слѣдующимъ образомъ. Сначала кладутъ сѣмена, обыкновенно, выписываемыя изъ Москвы отъ Иммера, въ влажный мохъ и держатъ ихъ въ комнатѣ, пока не проростутъ. Около половины мая сѣмена высаживаютъ на гряды изъ конскаго назьму въ лунки, выстланныя тонкимъ пескомъ. Брызгаютъ въ лунки «съ вѣничка» 2 раза въ день, пока не покажутся первые листки. На ночь и вообще въ холодную погоду лунки покрываются стеклянными рамами или колпаками, или просто дранницами. Посѣваютъ арбузы въ половинѣ августа; тогда-же ихъ везутъ на продажу въ Кяхту и Верхнеудинскъ, причемъ арбузы средней величины продаются по 30—40 коп., большіе по 60—70 коп. и даже по рублю, а которые помельче—по 10—15 коп. штука; совсѣмъ маленькіе также продаются по 5 и даже 3 коп. штука.

Кой-кто дѣлалъ попытки садить мѣстныя сѣмена, но эти попытки давали плохіе результаты,—арбузы получались водянистые, безвкусные: очевидно, вынесныя сѣмена въ Селенгинскѣ въ теченіе одного поколѣнія вырождаются.

Табакъ уже давно разводится въ Селенгинскѣ. Еще М. А. Бестужевъ [1]) въ своихъ воспоминаніяхъ о Селенгинскѣ разсказываетъ, что селенжанки разводятъ въ большомъ количествѣ табакъ, который считается лучшимъ въ Забайкальѣ. Теперь табакъ также разводится въ Селенгинскѣ и почти всѣми хозяйками, благо сѣмена мѣстныя, да и мудрости особенной не требуется при уходѣ за табакомъ. Въ концѣ апрѣля или началѣ мая его садятъ въ питомникъ, даютъ подняться разсадѣ до извѣстныхъ размѣровъ, а въ началѣ іюня ее пересаживаютъ на гряды. Поливка обязательна ежедневная. Въ іюлѣ табакъ начинаетъ цвѣсти; тогда приходится обламывать цвѣтъ—процедура эта очень тяжелая, такъ-какъ одуряющій запахъ табачнаго цвѣта влечетъ за собой жестокія головныя боли. Обламываютъ цвѣтъ 3—4 раза въ теченіе всего іюля (тогда-же табакъ и полютъ, раза 3—4). Въ началѣ августа ломаютъ первый листъ—это 1-й сборъ; иногда ломаютъ и второй листъ, но это не обязательно, притомъ табакъ 2-го сбора обыкновенно невысокаго достоинства. Когда табакъ снятъ, его нанизываютъ на веревочки и вѣшаютъ сушить. При хорошей погодѣ онъ сушится мѣсяцъ, а то и больше. Затѣмъ его складываютъ въ пачуши, слегка намачиваютъ, чтобы онъ былъ мягкій и влажный, и кладутъ въ бочки или кучи, чтобы онъ «замеръ»,—принялъ коричневый цвѣтъ и сталъ крѣпкимъ. Вся эта работа очень тяжела и несомнѣнно вредна для здоровья.

Главными потребителями селенгинскаго табаку являются окрестные буряты. Иногда табакъ возятъ въ Петровскій заводъ, Верхнеудинскъ, Кяхту, въ деревни, гдѣ его обмѣниваютъ на хлѣбъ, картофель и пр. Цѣна табаку—фунтами отъ 5—20 коп. фунтъ, а пудами—отъ 1 руб. 50 коп. до 8 руб. (рѣдко) пудъ. Гряда длиною въ 10 саж. и шириною въ 1/2 саж. даетъ въ среднемъ 1 пудъ табаку. Это значитъ, что при минимальной цѣнѣ табакъ довольно плохо оплачиваетъ затраченный на уходъ за нимъ тяжелый трудъ, но при высокой цѣнѣ онъ служитъ очень хорошей доходной статьей.

По даннымъ годовыхъ отчетовъ Селенгинской городской управы за 1891 и 1892 гг. въ городѣ всего воздѣлывается свыше 4-хъ десятинъ

[1]) «Русск. Стар.» за 1881 г., т. III, стр. 636. Записки М. А. Бестужева.

табаку. Полагая, что каждыя 5 кв. саж. даютъ 1 пудъ табаку, мы получимъ, что 1 дес. дастъ 480 пуд., а слѣдовательно въ Селенгинскѣ въ годъ собираютъ до 2000 пуд. табаку.

Садятъ селенжане и огурцы, и морковь, и свеклу, и капусту, и рѣдьку и пр., но всѣ эти овощи родятся въ такомъ количествѣ, что ихъ едва хватаетъ для собственнаго потребленія. Часто селенжане даже вынуждены бываютъ прикупать капусту и картофель у «семейскихъ» и крестьянъ ближайшихъ деревень, гдѣ тотъ или другой овощъ родится очень хорошо.

Послѣ всего вышесказаннаго невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ-же собственно занимаются селенжане? На этотъ вопросъ нельзя дать краткаго опредѣленнаго отвѣта, ибо ни одна отрасль хозяйства не играетъ такой выдающейся роли въ жизни селенжанъ, чтобы ее можно было признать основной,—селенжанъ нельзя назвать ни хлѣбопашцами, ни скотоводами, ни ремесленниками, ни торговцами, но каждый изъ нихъ занимается тѣмъ, что ему въ данный моментъ обѣщаетъ выгоду. Если исключить элементъ чиновный, живущій съ своего жалованья и являющійся значительной своей частью также элементомъ пришлымъ, и лавочниковъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, то останется около 75% жителей, занимающихся самыми разнообразными работами для добыванія себѣ средствъ къ существованію. Сегодня сапожникъ, онъ завтра везетъ проѣзжающаго за хорошую плату въ Кяхту или Верхнеудинскъ, или даже до Мысовой; черезъ нѣсколько дней тотъ-же обыватель отправляется готовить пары или убирать пашню. Онъ-же содержитъ земскую квартиру и не прочь занимать какую-нибудь должность при городской управѣ. Строгое раздѣленіе труда еще преждевременно для селенгинской экономической жизни, и человѣкъ, который посвятилъ-бы себя тамъ одному какому-нибудь ремеслу, вѣрнѣе всего терпѣлъ-бы большую нужду. Вотъ почему въ Селенгинскѣ можно встрѣтить ремесленниковъ, знающихъ цѣлую массу спеціальностей, иной разъ столь разнородныхъ, что съ трудомъ вѣрится въ возможность такихъ странныхъ комбинацій. Спеціалистъ портной, напр., въ то-же время печникъ и штукатуръ, хлѣбопашецъ и брадобрей и наконецъ руководитель мѣстнаго «оркестра», въ которомъ онъ играетъ первую скрипку. Другой, слесарь и оружейникъ по спеціальности, занимается также переплетнымъ мастерствомъ, столярнымъ и токарнымъ, адвокатурой и иконописью и еще другими занятіями.

По данным годоваго отчета Селенгинской городской управы въ Селенгинскѣ въ 1891 г. числилось: хлѣбниковъ 15, булочниковъ 10, мясниковъ 5, портныхъ 2, сапожниковъ 4, печниковъ 5, маляровъ 4, кузнецовъ 2, коноваловъ 1,—всего 50 ремесленниковъ; но эти цифры скорѣе схема, нежели выраженіе дѣйствительности. Ни одинъ хлѣбникъ не могъ-бы существовать въ Селенгинскѣ, если-бы онъ не имѣлъ другихъ побочныхъ занятій, а искусство класть печи такъ сродилось тамъ съ музыкальнымъ искусствомъ, что всѣ 4 человѣка, составлявшіе городской «оркестръ», въ то-же время были печниками и штукатурами.

Мы указывали уже, что въ годовомъ отчетѣ за 1891 г. числится 5 мясниковъ, но это совершенная неправда, ибо гораздо вѣрнѣе было-бы сказать, что почти всякій селенжанинъ не прочь при случаѣ заняться мясной торговлей, хотя ни одинъ изъ нихъ не торгуетъ мясомъ систематически въ теченіе всего года. Снабжаются селенгинскіе обитатели мясомъ слѣдующимъ образомъ. Если кто случайно пріобрѣлъ или купилъ откормленную скотину и если онъ желаетъ ее бить, то онъ предварительно обходитъ зажиточныхъ селенжанъ и справляется, нужно-ли имъ мясо и сколько. Когда спросъ соотвѣтствуетъ предложенію или превосходитъ его, «мясникъ на часъ» бьетъ свою скотину, и мясо у него немедленно разбирается. Черезъ нѣсколько дней, а то и на другой день, кто-нибудь другой продѣлываетъ то-же самое. На зиму обыкновенно запасаютъ мясо только 5 - 6 хозяевъ. Совершается побойка осенью, а затѣмъ въ теченіе всей зимы мясо продается мерзлое. Практикуется побойка осенью потому, что въ это время скотъ жирный и сытный; съ наступленіемъ-же холодовъ онъ начинаетъ худѣть; спеціально откармливать скотинъ на зиму въ Селенгинскѣ невыгодно, такъ-какъ зимнія цѣны на мясо самыя низкія.

Не малое число селенжанъ берутъ на себя роль посредниковъ между городомъ и деревней. Наберутъ они немного товару и поѣдутъ въ деревню. Тамъ денегъ мало, но товаръ можно обмѣнять на хлѣбъ, на овощи и пр. Само собою разумѣется, что посредники не остаются въ накладѣ. Словомъ, пути, съ помощью которыхъ селенжане добываютъ себѣ средства къ существованію безчисленны, особенно, если у нихъ есть небольшой капиталъ для оборота. Если-же дѣла чьи-нибудь совсѣмъ плохи,то нуждающійся всегда имѣетъ возможность наняться на какой-нибудь пріискъ и, при трудолюбіи и бережливости, скопить въ теченіе года--двухъ такую сумму денегъ, чтобы стать снова на ноги.

Мы уже говорили выше, что лавочниковъ надо выдѣлить особо, такъ-какъ способы веденія торговли въ Селенгинскѣ далеко не обыкновенные. По даннымъ годоваго отчета Селенгинской городской управы, въ Селенгинскѣ въ 1891 г числилось 15 лавокъ русскихъ и 6 китайскихъ. Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, зачѣмъ столько лавокъ въ такомъ маленькомъ городишкѣ, какъ Селенгинскъ, но дѣло становится яснымъ, если принять во вниманіе, что главный контингентъ покупателей въ Селенгинскѣ составляютъ окрестные буряты. Съ этими-то бурятами селенжане ведутъ торгъ, но совершенно своеобразнымъ методомъ. Зная, что буряты очень не любятъ платить долговъ а также и то, что у бурятъ рѣдко бываютъ деньги, лавочники отпускаютъ имъ товаръ въ кредитъ по такой цѣнѣ, что если-бы даже буряты уплачивали 50% своихъ долговъ, они, торговцы, остались-бы въ барышахъ. Буряты, кромѣ того, часто платятъ долги сырыми продуктами, отдавая ихъ кредиторамъ за очень низкую цѣну; торговцы такимъ образомъ выгадываютъ вдвойнѣ. Если бурятъ должникъ во время не уплатилъ долга, кредиторъ лавочникъ отправляется къ нему въ улусъ и забираетъ у него въ счетъ долга быка, корову, шерсть, масло и пр. Буряты обыкновенно увертываются отъ своихъ кредиторовъ по мѣрѣ возможности, но въ выигрышѣ все-таки въ концѣ концовъ остаются лавочники. Кромѣ отпуска товаровъ въ кредитъ, лавочники еще практикуютъ систему «задаванія» бурятамъ денегъ впередъ подъ различными условіями, напр., подъ условіемъ, чтобы взявшій впередъ деньги поставилъ въ теченіе лѣта извѣстное количество дровъ, ягодъ и т. д. Деньги обыкновенно берутся бурятами, когда онѣ имъ очень нужны, и понятно, что эти буряты соглашаются подчасъ на самыя стѣснительныя условія, обязываясь въ страду косить траву, жать и свозить хлѣбъ чуть-ли не за полцѣны. Правда, бурятъ очень склоненъ къ нарушенію своихъ обязательствъ, но боязнь, что слѣдующей весной онъ останется безъ «благодѣтеля», заставляютъ его быть аккуратнымъ. Лавочники скупаютъ у бурятъ облѣпиху, бруснику, шкуры и т. п. Ягоды и мясо селенжане отправляютъ зимою въ Иркутскъ, гдѣ цѣны на эти товары почти всегда выше селенгинскихъ, а кожи—въ Кяхту, гдѣ на нихъ громадный спросъ, благодаря тому, что всѣ чаи, отправляемые изъ Кяхты въ Европ. Россію гужемъ, зашиваются въ кожи.

Нѣкоторые селенжане зарабатываютъ себѣ средства къ существованію ямщиной, кой-кто служитъ въ работникахъ. Многія женщины заш-

маются стиркою бѣлья и вообще черной работой. Словомъ, занятія селенжанъ очень разнообразны, но ничего организованнаго, ни къ какому опредѣленному типу экономическая жизнь Селенгинска не подходитъ. Каждый новый день родитъ запросъ на что-нибудь, и каждый день кто-нибудь другой берется удовлетворять этому запросу. Масса внѣшнихъ обстоятельствъ вовлекаетъ селенжанъ въ обмѣнъ съ другими пунктами, заставляетъ ихъ приниматься за то или другое занятіе; но въ этой экономической дѣятельности селенжанъ нѣтъ ничего устойчиваго, ничего такого, что опредѣляло-бы хоть приблизительно будущее Селенгинска, этого во многихъ отношеніяхъ удивительнаго городка.

Селенгинскъ стоитъ въ сторонѣ отъ торговаго тракта, мало самъ производитъ, а между тѣмъ жители его, такъ или иначе живутъ, и живутъ не плохо. Доказательствомъ послѣдняго служитъ простой фактъ, что селенжане не знаютъ нищихъ, что нужда совершенно имъ незнакома. Все это наводитъ на размышленія, что кругомъ Селенгинска, въ глубокихъ источникахъ сибирской жизни есть что-то новое, что это новое захватываетъ и такія захолустья, какъ Селенгинскъ, призывая ихъ къ общей дѣятельности, къ развитію таящихся въ ихъ нѣдрахъ силъ. Могучее жизненное теченіе, проникшее съ запада въ Сибирь, опередило сознаніе сибиряковъ, и оно (теченіе) ищетъ новыхъ и новыхъ путей, ищетъ людей, которые работали-бы въ унисонъ съ нимъ, помогали-бы его движенію впередъ. Въ такіе моменты человѣческая личность и ея работа цѣнится скорѣе сообразно съ внутренней ея стоимостью, нежели сообразно съ желѣзнымъ закономъ спроса и предложенія.

Мы неоднократно ссылались и впредь будемъ ссылаться на данныя годовыхъ отчетовъ Селенг. городской управы, и мы считаемъ необходимымъ сказать, что эти данныя далеко не достовѣрны и вообще составлены не совсѣмъ точно. Это тѣмъ удивительнѣе, что въ Селенгинскѣ всякій хозяинъ имѣетъ всю статистику въ своей головѣ. Оставляя въ сторонѣ данныя, касающіяся количества засѣянной земли и собраннаго хлѣба—такія свѣдѣнія надо было дѣйствительно собирать и повѣрять, мы не понимаемъ, откуда составители отчета взяли, что въ Селенгинскѣ годовая заработная плата для мужчинъ 140 руб.? Мы думаемъ, что если-бы какой-нибудь работникъ явился къ составителямъ отчета и попросилъ у нихъ такой платы, то не получилъ-бы ея, ибо краснаяцѣ на для работника въ годъ 70—80 руб. Даже работники, лучше

всего оплачиваемые, ямщики, получаютъ въ Селенгинскѣ всего 10 р. въ мѣсяцъ. Еще невѣроятнѣе цифра 18 руб. въ мѣсяцъ для работника. Поденщина показана въ годовомъ отчетѣ за 1891 г.—1 руб. для мужчины и 60 коп. для женщины, между тѣмъ какъ бурятъ поденщикъ получаетъ 25—30 коп. въ день, а мытницы по 30—40 коп. и только такіе ремесленники, какъ печники и бѣлильщики получаютъ по 1 рублю въ день въ горячую пору передъ праздниками. Косцы даже въ страду получаютъ по 2 р. за то, чтобы «свалить» десятину травы, а за 3 р. они обязаны ту-же десятину травы скосить, сгрести, поставить ее въ копны и сметать зародъ.

Такія-же неправдоподобныя цѣны проставлены въ отчетѣ на дрова.

1 сажень дровъ.	въ 1890 г.	1891 г.	1892 г.
	1 р. 70 к.	1 р. 50 к.	1 р. 35 к.,

а между тѣмъ всякому, прожившему въ Селенгинскѣ хоть немного времени, извѣстно, что селенжане «задаютъ» всегда бурятамъ деньги на дрова еще съ зимы и получаютъ лѣтомъ превосходныя «веснодѣльныя» дрова по 90 и даже 70 коп. за сажень, которая съ доставкой на дворъ обходится имъ въ 90 к или 1 р. 5 к. Правда, рыночная цѣна дровъ всегда нѣсколько выше, но она за приведенные годы ни разу не поднималась выше 1 р. 30 коп. за сажень [1])

Всѣ эти данныя показываютъ, какъ мало понимали составители отчетовъ значеніе помѣщаемыхъ ими свѣдѣній и какъ они относились къ своимъ обязанностямъ.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ г. Селенгинска,—стоитъ только обратить вниманіе на число имѣющихся въ немъ зданій и количество его населенія. Въ 1891 г. въ немъ считалось:

Зданій-деревянныхъ—	казенныхъ . . .	3
« «	общественныхъ . .	4
« «	частныхъ	194
« «	лавокъ	6
Частныхъ лавокъ.	. . . . .	17
	Всего .	224

Церквей—2 каменныхъ и 1 деревянная; часовенъ 1 камен. и 3 деревянныхъ.

[1]) Со времени введенія въ дѣйствіе въ приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ лѣснаго устава цѣны на дрова нѣсколько повысились.

Число жителей въ томъ-же 1891 г. въ годовомъ отчетѣ показано—по сословіямъ:

	Мужчинъ	Женщинъ.
Потомственныхъ дворянъ	9	10
Личныхъ дворянъ	14	21
Духовенства	9	8
Потомствен. почетныхъ гражданъ	6	2
Купцовъ	11	13
Мѣщанъ	260	286
Государственныхъ крестьянъ	6	13
Ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ (бурятъ)	11	15
Иррегулярныхъ войскъ	59	49
Отставныхъ солдатъ и женъ	17	22
Солдатскихъ дѣтей и кантонистовъ	13	—
Ясачныхъ инородцевъ	50	28
Китайцевъ	10	—
Итого	475	467,

а всего 942 человѣка.

По вѣроисповѣданію это населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Мужчинъ	Женщинъ.
Православныхъ	383	409
Римско-католическаго.	2	—
Іудейскаго	1	—
Буддійскаго (ламайскаго)	79	58
Конфуціева (китайцы)	10	—
Всего.	475	467.

Если принять во вниманіе, что большинство купцовъ только приписаны къ Селенгинску и что на самомъ дѣлѣ они живутъ въ Кяхтѣ, Кабанскомъ селеніи и другихъ мѣстахъ,—что значительный процентъ дворянъ приходится на чиновниковъ, то окажется, что коренное селенгинское населеніе состоитъ изъ мѣщанъ и бурятъ [1]). Надо замѣтить, что въ составъ селенгинскаго населенія входятъ также жители «стараго города».

[1]) Селенгинскіе мѣщане суть большею частью потомки „карымовъ“, т. е. крещенныхъ бурятъ, постепенно смѣшавшихся съ немногочисленными семействами чисторусскаго про-

Любопытную роль, между прочимъ, играютъ обитатели стараго Селенгинска по отношенію къ Новому. Хотя домики стараго города и прячутся въ сыпучихъ пескахъ, хотя кругомъ безлюдье и черезъ старый Селенгинскъ пролегаетъ только одна проселочная дорога на Хилокъ, жители его являются для Новаго города просто необходимыми производителями, обязательными поставщиками всевозможныхъ продуктовъ и предметовъ первой необходимости. Первые парниковые огурцы посылаются на селенгинскій рынокъ старогородскими огородницами. Онѣ-же въ теченіе всего лѣта поставляютъ въ Новый городъ и другія овощи, и яйца, и молоко, и ягоды, а зимой сметану, творогъ, куръ, мороженное молоко, кислую капусту и еще многое другое. Старогородскія женщины въ этомъ отношеніи просто неутомимы. Чуть свѣтъ, онѣ уже пробираются въ Новый городъ со своими продуктами и на перебой предлагаютъ обезпеченнымъ селенжанамъ все нужное въ хозяйствѣ. Зимой, когда ледъ сковываетъ Селенгу и ея протоки, разстояніе между городами, лежащими на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки, значительно сокращается. Лѣтомъ-же жителямъ стараго города приходится переправляться въ карбасѣ черезъ Селенгу, а затѣмъ еще сдѣлать нѣсколько верстъ пѣшкомъ. Весною ледъ еще не прошелъ, переправа черезъ рѣку сопряжена еще съ опасностью для жизни, а старогородскіе смѣло, иногда безумно — смѣло скачутъ по льдинамъ, неся въ рукахъ крынку молока для продажи, 2—3 десятка яицъ и т. п. По той аккуратности, съ которой старогородскія женщины и дѣвушки выносятъ на продажу свои «товары», по той настойчивости и постоянству, съ которой они совершаютъ свои путешествія въ нѣсколько верстъ туда и обратно ежедневно, а то и 2 раза въ день, сразу можно заключить, что ихъ гонитъ на рынокъ нужда. Тамъ нѣтъ нищеты, но потребности сведены до минимума. Старый городъ поставляетъ также прислугу Новому городу, благодаря чему жители послѣдняго смотрятъ нѣсколько свысока на своихъ близкихъ старогородскихъ сосѣдей, хотя, замѣчательная игра причинъ, до сравнительно недавняго времени тонъ Селенгинскому городскому самоуправленію задавали «старогородскіе».

Чтобы объяснить такое явленіе, необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на внутренней исторіи Новаго Селенгинска, изложеніе ко-

исхожденія. И это близкое родство селенгинскихъ мѣщанъ съ бурятами положило на первыхъ особенную печать и выработало изъ нихъ типъ въ антропологическомъ, этнографическомъ и даже психологическомъ отношеніи глубоко интересный для изслѣдователя.

торой, надѣемся, сдѣлаетъ вполнѣ понятнымъ странное на первый взглядъ преобладаніе въ теченіе многихъ лѣтъ въ городскомъ самоуправленіи элемента во всѣхъ отношеніяхъ отсталаго—старогородскихъ жителей. Дѣло въ томъ, что когда Ново-Селенгинскъ былъ основанъ, онъ не имѣлъ никакого значенія—ни экономическаго, ни историческаго, но онъ случайно оказался пунктомъ, гдѣ скрещивались самыя разнообразныя теченія общероссійской жизни. Эти теченія шли мимо Селенгинска и имѣли свое направленіе и свои конечныя цѣли, тѣмъ не менѣе и въ самомъ Селенгинскѣ постепенно стали складываться извѣстныя направленія, извѣстныя стремленія, и жители его пошли впередъ. Куда они шли, они, конечно, не знали, ни каждый въ отдѣльности быть можетъ, ни всѣ вмѣстѣ, но посторонніе вліянія дѣлали свое. М. А. Бестужевъ описываетъ, какъ сильно измѣнились селенжане за 25 лѣтъ, которыя онъ провелъ среди нихъ. Изъ невѣжественныхъ и грубыхъ селенжанъ за эти 25 лѣтъ успѣли выдѣлиться люди культурные и даже интеллигентные, которые уже выписывали книги и журналы и интересовались всякими общественными и научными вопросами. Несомнѣнно, что культурное вліяніе самихъ братьевъ Бестужевыхъ на селенжанъ было громадно. Открывъ свои мастерскія, Бестужевы старались ввести въ практику самыя лучшія орудія и инструменты и тѣмъ распространить знанія среди окружавшихъ ихъ русскихъ и бурятъ, и они дѣйствительно внесли цѣлую массу техническихъ знаній въ рабочую селенгинскую среду, что въ свою очередь повлекло за собой большія перемѣны въ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ селенжанъ. Но Бестужевы имѣли также громадное умственное и нравственное вліяніе на обитателей Селенгинска. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ то глубокое уваженіе, чтобы не сказать благоговѣніе, съ которымъ вспоминаютъ еще нѣкоторые живые современники Бестужевыхъ, этихъ замѣчательныхъ людей.

Въ 1863 г. Селенгинскъ былъ переименованъ въ окружный городъ, а въ 1875 г. тамъ введено было Городовое Положеніе 1870 г. По правдѣ сказать, селенгинское городское самоуправленіе работало не очень энергично, но введеніе Городового Положенія должно было оказать весьма благотворное вліяніе на культурное развитіе селенжанъ, такъ какъ это положеніе не только давало возможность и указывало пути, какъ вести разумнымъ образомъ городское хозяйство, но давало также руководящіе принципы для усовершенствованія этого хозяйства.

Чрезвычайно важно упомянуть, что около этого времени въ Селенгинскъ была переведена казачья батарея; офицеры ея, какъ элементъ культурный, внесли не мало новаго въ селенгинскую жизнь. Они познакомили, напр., селенжанъ съ тѣмъ, какъ за дешевую плату пользоваться множествомъ книгъ, основавъ свою офицерскую библіотеку и охотно предоставивъ обывателямъ возможность пользоваться книгами изъ нея. Казаки впослѣдствіи были выведены изъ Селенгинска, но извѣстныя традиціи остались, извѣстныя идеи пошли уже циркулировать среди горожанъ. Процессъ этотъ, вѣроятнѣе всего, первоначально совершался вполнѣ безсознательно, равно какъ нельзя было-бы установить съ точностью мотивовъ, побудившихъ перваго селенжанина послать своего сына въ ближайшее троицкосавское реальное училище учиться, а между тѣмъ, когда этотъ фактъ совершился, примѣръ перваго піонера повлекъ за собой еще и еще подражателей. Нѣсколько юношей съ среднимъ образованіемъ были большимъ пріобрѣтеніемъ для Селенгинска, ибо каждый изъ нихъ оказывалъ свое вліяніе не только на своихъ родныхъ, но и на всѣхъ окружающихъ, и хотя почти всѣ эти молодые люди, не нашедши себѣ подходящихъ занятій въ Селенгинскѣ, должны были оставить родной городъ; вліяніе ихъ никогда не прекращалось.

Всѣ эти измѣненія, наличность которыхъ большею частью обнаруживалась лишь въ какихъ-нибудь исключительныхъ случаяхъ, подняли значительно культурный уровень обитателей Новаго-Селенгинска, и старогородскіе ихъ сосѣди кажутся въ сравненіи съ ними деревенщиной. Начиная съ внѣшности, съ костюмовъ, обычаевъ, этикета, способовъ времепровожденія и кончая общей умственной и нравственной физіономіей, селенжане сильно разнятся отъ старогородскихъ.

Рядомъ съ модами и обычаями селенжане усвоили привычку къ чтенію, привычку обсуждать вопросы не одного только домашняго хозяйства. Многіе изъ нихъ читаютъ книги и газеты и, вычитывая что-нибудь интересное, готовы подѣлиться своими впечатлѣніями со знакомыми. Такъ, одинъ самобытный поэтъ селенгинскій не только знакомъ съ лучшими русскими поэтами, но и самъ недурно пишетъ стихи. Къ сожалѣнію, у этого господина нѣтъ опредѣленнаго взгляда на жизнь, и его произведенія страдаютъ сильной подражательностью. Протестантъ душой, но не способный импонировать ни своей личностью, ни своимъ образомъ жизни, онъ имѣетъ вѣчно столкновенія съ селенгинскими тузами, и такъ-какъ онъ человѣкъ маленькій, то свое негодованіе онъ

обыкновенно выливаетъ въ обличительныхъ поэмахъ, которыя онъ пишетъ очень быстро на всякій случай.

Другой коренной житель Селенгинска сильно поддался вліянію «толстовства» и старается быть вѣрнымъ многимъ его завѣтамъ до щепетильности. Чуткій и отзывчивый ко всему хорошему и честному, онъ, при всей пассивности своей морали, выдѣляется сразу среди многихъ другихъ селенжанъ. Въ Селенгинскѣ можно встрѣтить и такой сюрпризъ, какъ старика, обыкновеннаго мѣщанина — хлѣбопашца, восхищающагося стихотвореніями Розенгейма—за то, что у него много глубокихъ и хорошихъ мыслей. Всѣ эти явленія ясно доказываютъ, что безсознательно до сихъ поръ совершавшійся культурный и умственный прогрессъ въ Селенгѣ уже начинаетъ выдѣлять изъ среды селенжанъ свою интеллигенцію. Было-бы несправедливо не упомянуть о томъ, что распространенію грамотности въ Селенгинскѣ содѣйствовали много селенгинскія училища. Въ городѣ имѣется 2-хъ классное городское училище съ 6-ю отдѣленіями и женское начальное училище съ 3-мя отдѣленіями. Эти два учебныхъ заведенія въ состояніи были-бы обучить всѣхъ селенгинскихъ дѣтей школьнаго возраста, и многія дѣти дѣйствительно тамъ получили начало своего образованія, но здѣсь-же умѣстно будетъ сказать, что городское 2-хъ классное училище съ самаго перваго дня своего основанія было такъ плохо поставлено, что оно не давало городу и десятой доли того, что могло-бы дать при удачномъ составѣ учителей. Не смотря на то, что городъ ежегодно выдаетъ училищу 500 р пособія, сумму громадную для селенгинскаго бюджета [1]), ибо женскому училищу городъ также отпускаетъ около 450 р. ежегодно, училище оставалось безъ учебныхъ пособій, ученики не имѣли даже самыхъ необходимыхъ учебниковъ, преподаваніе велось черезъ пень колоду, и селенжане до такой степени потеряли уваженіе къ своему училищу, что охотно лишили-бы его пособія въ 500 р. «Помилуйте, негодуютъ селенжане, когда рѣчь заходитъ объ ихъ городскомъ училищѣ, мы отдаемъ своихъ дѣтей на 6 лѣтъ, а они выходятъ изъ училища почти безграмотными».

Будь въ Селенгинскѣ учителя настоящіе, преданные своему дѣлу, помнящіе, что сѣять доброе честная великая святая обязанность учителя,—при Селенгинскомъ городскомъ училищѣ были-бы и глобусы и

[1]) Въ 1892 г. городскихъ доходовъ было 4303 р. 29 к., а расходовъ 5265 р. 36 коп., передержка 965 р. 7 к.

карты и хорошая библіотечка; тамъ устраивались-бы воскресныя чтенія, ставились-бы ученическіе спектакли, словомъ дѣлалось-бы то, что дѣлать надлежало. А то не диво-ли, что училище, имѣющее въ своемъ распоряженіи прекрасное зданіе, располагающее услугами 3-хъ преподавателей (1 законоучитель), насчитываетъ всего отъ 30 — 40 учениковъ [1]), въ то время, какъ въ сосѣднемъ Стрѣлочномъ селеніи, поселкѣ, имѣющемъ какихъ-нибудь 30—40 домовъ съумѣли открыть школу грамотности съ 20 учащимися? Можно сказать съ увѣренностью, что если-бы учителя стояли на высотѣ своей задачи, въ Селенгинскомъ городскомъ училищѣ училось-бы по крайней мѣрѣ въ два раза больше учениковъ, чѣмъ теперь.

Какъ плохо удовлетворялась училищемъ потребность учениковъ въ чтеніи, можно заключить изъ того, что когда младшій учитель этого училища, сознавъ нужду учениковъ въ книгахъ, выписалъ на свои средства штукъ сто книжекъ изданія «Посредника», то эти книжки брались мальчиками нарасхватъ, такъ что въ какихъ-нибудь 3—4 мѣсяца всѣ были перечитаны, и мальчики остались снова безъ чтенія. Тогда-же обнаружилось, на сколько вообще сильна потребность въ книгѣ у грамотнаго Селенгинскаго населенія, ибо и старики и многіе почтенные обыватели города брали съ удовольствіемъ изданія «Посредника» для чтенія. Такой живой спросъ на книгу навелъ нѣкоторыхъ селенжанъ на мысль, что въ Селенгинскѣ было-бы своевременно учредить хоть небольшую библіотеку, и когда эти лица стали наводить справки, какъ отнесется публика къ проекту открытія библіотеки въ Селенгинскѣ, то не только оказалось много сочувствующихъ такому дѣлу, но также выяснилось, что Селенгинскъ издерживаетъ ежегодно довольно много денегъ (отъ 200—300 р.) на выписку періодическихъ изданій. Правда, и въ 1861 г., по словамъ М. А. Бестужева, въ Селенгинскѣ выписывалось книгъ и журналовъ рублей на 300, но это все-таки не противорѣчитъ нашему утвержденію, что Селенгинскъ далеко пошелъ впередъ въ умственномъ отношеніи за 30 лѣтъ, отъ 1860—1890 г., ибо въ 1860 г. книги и журналы выписывались исключительно богачами Лушниковыми, Старцевыми и т. д.; теперь же рѣдко кто выписываетъ больше одного журнала или газеты, а между тѣмъ въ 1892 г. въ Селенгинскѣ получались: «Вѣстникъ Европы»,

---

[1]) Въ Селенгинскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ числилось учениковъ: въ 1890 г.—32 уч., въ 1891 г —35 уч. и 1892 г.— 39 уч.

«Русская Мысль», «Русское Богатство», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Старина», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», нѣсколько экземпляровъ «Недѣли», «Нивы», «Живописнаго Обозрѣнія», «Сынъ Отечества», «Русскія Вѣдомости», «Восточное Обозрѣніе» и т. д

Казалось-бы, что вопросъ о библіотекѣ, разъ онъ возникъ, долженъ былъ-бы скоро разрѣшиться въ самомъ благопріятномъ смыслѣ, ибо дѣло стояло за думой, которой надлежало отвести подъ библіотеку помѣщеніе и обезпечить хоть небольшой субсидіей, но тутъ-то оказалось что городское самоуправленіе велось элементами, которыхъ такіе вопросы, какъ библіотечный, не интересовали нисколько, и что тонъ въ думѣ задавали всему тѣ самые «старогородскіе», къ которымъ жители Новаго города относятся обыкновенно свысока. Какъ это произошло? Очень просто. Старогородскіе имѣли постоянное занятіе — хлѣбопашество и огородничество и опредѣленный modus vivendi; у нихъ былъ строго выработанный патріархальный взглядъ на жизнь и вполнѣ опредѣленная программа дѣйствій. Они знали, что имъ нужны покосы, и они серьезно относились къ дѣлежу ихъ; они знали, что у нихъ есть расходы, и ревниво слѣдили за доходами,—за тѣмъ, чтобы снявшіе въ аренду покосы своевременно платили арендную плату, чтобы съ кяхтинскаго общества пароходства взыскивали за то, что послѣднее складываетъ дрова на той части берега, которая принадлежитъ городу и т. д. Городской голова тяготѣлъ къ старогородскимъ, ибо они ему приходились по душѣ и своимъ консерватизмомъ и тѣмъ почтеніемъ, которое они оказывали ему, именитому купцу г. Селенгинска. Напротивъ между молодыми новоселенгинскими гласными не было солидарности; до выработки общей программы дѣйствій они еще не додумались, да и общихъ жизненныхъ интересовъ у нихъ еще не было. Этихъ «молодыхъ», конечно, интересовали и покосы, и прочее, но душа ихъ не лежала къ слишкомъ ординарному хлѣбопашеству; кто себѣ поторговывалъ въ лавченкѣ, кто служилъ гдѣ-нибудь — въ почтовомъ вѣдомствѣ или въ полицейскомъ управленіи, кто содержалъ почтовыхъ или обывательскихъ лошадей, кто велъ всякаго рода дѣла съ бурятами или возлагалъ надежды на пріисковый заработокъ. Поэтому, если кто-нибудь изъ «молодыхъ» и поднималъ голосъ противъ какого-нибудь давно заведеннаго хозяйственнаго обыкновенія, то, не поддерживаемый часто своими-же и встрѣчаемый единодушнымъ протестомъ старогородскихъ, онъ терпѣлъ неудачу и сходилъ со сцены. Надо от-

дать справедливость «молодымъ», ихъ новшества нерѣдко бывали очень несимпатичнаго свойства. Такъ, въ 1891 г. одинъ «молодой» усиленно сталъ пропагандировать мысль объ обложеніи китайцевъ-торговцевъ особымъ налогомъ, ибо послѣдніе страшно понижаютъ цѣны на товары и съ ними нѣтъ возможности конкуррировать, и старогородскіе совершенно справедливо выступили противъ такого предложенія, доказывая, что если они начнутъ тѣснить китайцевъ, тѣ убѣгутъ изъ Селенгинска, и городъ окажется въ прямомъ убыткѣ, ибо съ китайскихъ лавокъ получается порядочный доходъ за торговыя свидѣтельства, да и хозяева лавокъ потерятъ. Другой новоселенжанинъ предложилъ новый способъ отдачи покосовъ въ аренду, способъ, благодаря которому лучшіе участки попали-бы въ руки нѣсколькихъ уже появившихся въ Селенгинскѣ кулаковъ. Но и этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія у большинства. Къ сожалѣнію, такую-же неудачу потерпѣлъ въ 1890 г. проектъ объ открытіи въ Селенгинскѣ общественной библіотеки. Когда въ 1890 г. на одномъ изъ засѣданій думы городской голова внесъ предложеніе объ открытіи въ Селенгинскѣ общественной библіотеки, старогородскіе встрѣтили это предложеніе весьма враждебнымъ молчаніемъ, а нѣкоторые изъ ново-селенгинскихъ консерваторовъ, воротилъ, стали доказывать, что они не нуждаются въ библіотекѣ, что есть болѣе неотложныя нужды... Само собою разумѣется, что вопросъ о библіотекѣ былъ снятъ съ очереди. Но «молодые» встрѣчали часто противодѣйствіе со стороны старогородскихъ и въ такихъ случаяхъ, когда предлагаемыя ими нововведенія отличались и разумностью и цѣлесообразностью. Такъ, «молодые» были очень недовольны постановкой медицинскаго дѣла въ Селенгинскѣ и настаивали на улучшеніи этой части. Въ 1890 г. въ городѣ имѣлся только 1 окружный врачъ, который къ тому значительную часть года разъѣзжалъ по служебнымъ обязанностямъ. Въ его отсутствіе въ городѣ оставался городской фельдшеръ. Вотъ изъ-за фельдшера и изъ-за аптечки и возникали разногласія въ думѣ. Какъ только въ городѣ случалось серьезное заболѣваніе, въ городской аптечкѣ не оказывалось самыхъ необходимыхъ лѣкарствъ. Городъ выписывалъ ежегодно лѣкарствъ всего на 100 р., а аптечки въ немъ не имѣется. Такъ-какъ чаще всего болѣли дѣти, то родители больныхъ дѣтей и возставали противъ безпорядковъ въ городской аптечкѣ, старогородскихъ-же такой тонкій вопросъ, какъ «аптечный», не очень занималъ; городской голова въ этомъ случаѣ также стоялъ на сторонѣ старогородскихъ. Недовольны были также «молодые» старого-

родскими за ихъ индифферентное отношеніе къ неудовлетворительному состоянію городского училища. Всѣ подобныя разногласія накопляли постепенно вражду между партіями. Молодые, наконецъ, стали сплачиваться, и въ 1894 г. имъ удалось одержать верхъ надъ старогородскими и выбрать своего голову. Когда-же въ 1895 г. Селенгинскъ на основаніи новаго городового положенія остался при городскомъ старостѣ и уполномоченныхъ, выбранныхъ притомъ по высокому цензу, то старогородскіе оказались предетавленными въ новомъ составѣ въ весьма маломъ числѣ. Такъ, новыя теченія наживы, эгоизма и стремленія къ образованію восторжествовали надъ патріархальной селенгинской жизнью.

Посвятивъ столько мѣста развитію самосознанія у селенжанъ вплоть до зарожденія у нихъ идеи о необходимости библіотеки, мы считаемъ не лишнимъ изложить и послѣдующую исторію библіотечнаго вопроса. Неудача въ думѣ не обезкуражила тѣхъ, кто серьезно былъ занятъ мыслью объ основаніи библіотеки въ Селенгинскѣ, и они стали изыскивать средства для того, чтобы, въ будущемъ хоть, осуществить свою мысль. Былъ поставленъ любительскій спектакль въ пользу будущей библіотеки и начатъ былъ сборъ пожертвованій книгами, который превзошелъ всѣ ожиданія, такъ-какъ одинъ С. Д. Старцевъ пожертвовалъ цѣлую библіотеку. Въ числѣ этихъ книгъ было много прекрасныхъ сочиненій на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. По самымъ цѣннымъ пожертвованіемъ его были старые журналы за много лѣтъ, въ которыхъ можно было найти лучшія сочиненія русскихъ и даже иностранныхъ классиковъ. Журналы эти были разобраны по отдѣламъ, и изъ подобранныхъ статей были составлены сборники, значительная часть которыхъ была переплетена. Сборники тотчасъ-же пошли по рукамъ. Вскорѣ нѣсколько человѣкъ стали выписывать журналы и газеты сообща, условившись, чтобы всѣ эти журналы по прочтеніи сдѣлались собственностью будущей общественной библіотеки. Но всего этого было мало для открытія библіотеки; иниціаторамъ этого дѣла нужна была поддержка денежная и нравственная, и эту поддержку они прежде всего нашли въ Кяхтѣ у А. М. Лушникова, селенгинскаго уроженца. Со свойственной ему щедростью и благородствомъ А. М. Лушниковъ не только обѣщалъ возможное содѣйствіе, но взялъ даже на себя труды извѣстить нѣкоторыхъ проживающихъ въ Китаѣ селенжанъ о предполагающемся открытіи библіотеки въ Селенгинскѣ и такимъ образомъ заручиться ихъ сочувствіемъ и помощью. Въ то-же

время А. М. сообщилъ въ Селенгинскъ, что находитъ проектъ учрежденія въ родномъ ему городѣ библіотеки весьма разумнымъ, что онъ лично охотно придетъ городу на помощь, и выразилъ надежду, что селенжане съ своей стороны также сдѣлаютъ все возможное для успѣха такого хорошаго дѣла, какъ учрежденіе библіотеки. Вскорѣ получился изъ Китая отвѣтъ отъ извѣстнаго благотворителя А. Д. Старцева, что онъ радъ успѣхамъ Селенгинска и съ удовольствіемъ внесетъ свою лепту въ пользу библіотеки книгами. Послѣ этого настроеніе селенжанъ по отношенію къ библіотечному вопросу измѣнилось окончательно. Старогородскіе замолкли; сдѣланный въ самомъ Селенгинскѣ единовременный сборъ въ пользу будущей библіотеки далъ свыше 200 руб., и городской думѣ осталось только ассигновать въ пользу общественной библіотеки ежегодную субсидію (ассигновали 20 р.!!), отвести помѣщеніе, выработать надлежащій уставъ и войти съ ходатайствомъ къ высшему начальству объ утвержденіи устава и разрѣшеніи открыть въ г. Селенгинскѣ общественной библіотеки. Черезъ нѣкоторое время изъ Москвы были получены пожертвованныя А. Д. Старцевымъ книги—это превосходная коллекція русскихъ классиковъ въ изящныхъ переплетахъ; А. М. Лушниковъ въ свою очередь пожертвовалъ массу старыхъ журналовъ; распорядительный комитетъ Троицкосавской общественной библіотеки постановилъ выслать въ Селенгинскъ всѣ имѣющіеся у нихъ дубликаты. Такъ, селенгинская библіотека изъ мечты обратилась черезъ 5 лѣтъ въ дѣйствительность. Въ виду того, что помѣщеніе, отведенное думою было не велико, а денегъ ею также было ассигновано мало, то С. Д. Старцевъ, одна изъ свѣтлѣйшихъ личностей города Селенгинска, отвелъ въ своемъ домѣ просторное помѣщеніе подъ библіотеку и взялъ на себя безкорыстно трудъ по устройству и веденію ея. 4-го февраля 1896 г. Селенгинскъ праздновалъ торжество открытія городской общественной библіотеки.

Для города это было событіемъ огромной важности, ибо въ библіотекѣ онъ пріобрѣлъ одно изъ могущественныхъ средствъ просвѣщенія,—и это будетъ уже вина селенгинской интеллигенціи, особенно учителей, если они не употребятъ всѣхъ усилій, чтобы дать надлежащее развитіе такому прекрасному учрежденію. Уставъ библіотечный въ значительной степени поправляетъ скупость города, ибо даетъ воз-

можность изыскивать средства для библіотеки самыми разнообразными цутями.

Мы не сомнѣваемся, что кяхтинцы и проживающіе въ Китаѣ селенжане и впредь будутъ приходить на помощь селенгинской библіотекѣ, но нужны также люди на мѣстѣ, которые вкладывали-бы душу въ это святое дѣло, которые предавались-бы ему всецѣло, а не ради того только, чтобы о нихъ говорили, что они дѣло дѣлаютъ.

Распространяться о пользѣ книги не приходится. Эта истина признается аксіомой всѣми. Здѣсь-же достаточно будетъ сказать, что доставлять и старикамъ, и дѣтямъ, и мужчинамъ, и женщинамъ, и знающимъ, и начинающимъ возможность удовлетворять насущнымъ духовнымъ потребностямъ, давать пищу ихъ уму и незримо, при помощи книги, помогать имъ разбираться въ многосложныхъ явленіяхъ жизни есть величайшее благодѣяніе, величайшая заслуга человѣка передъ своими собратьями.

Изъ вышеизложеннаго читатель могъ, конечно, убѣдиться, что въ Селенгинскѣ, какъ и во всякомъ другомъ, болѣе или менѣе культурномъ пунктѣ, жизнь имѣла свою особенную физіономію, что и тамъ нарождались одновременно различныя умственныя теченія и боролись весьма противоположные экономическіе интересы, которые заставляли обитателей г. Селенгинска принимать ту или иную группировку, вырабатывать тѣ или иные пути для достиженія своихъ эфемерныхъ цѣлей. Но такъ-какъ элементъ сознательности до самаго почти послѣдняго времени отсутствовалъ въ борьбѣ общественныхъ силъ, то и жизнь селенгинская текла по направленію равнодѣйствующей всѣхъ составлявшихъ ея стихійныхъ факторовъ. Совершавшіяся въ ней перемѣны происходили незамѣтно для глаза, и надо было имѣть цѣлый рядъ фактовъ за многіе годы, чтобы подвести итоги ихъ значенію; другими словами, селенгинскія событія возможно было до сихъ поръ оцѣнивать только ретроспективно, съ исторической точки зрѣнія.

Въ Селенгинскѣ нельзя было отмѣтить ни одного настолько выдающагося экономическаго или общественнаго явленія, которое могло-бы приковать къ себѣ вниманіе посторонняго наблюдателя; ни одного учрежденія (кромѣ недавно основанной библіотеки и училищъ, поставленныхъ далеко не удовлетворительно), въ которомъ перерабатывались-бы лучшіе запросы жизни селенжанъ, при посредствѣ котораго сознательные руководители его направляли-бы эту жизнь по опредѣлен-

ному пути къ ясно намѣченной цѣли. Входить во всѣ мелочи жизни населенія не всякій могъ и желалъ; большинство опредѣляло свое отношеніе къ своему мѣстопребыванію по тому, насколько оно удовлетворяло ихъ привычнымъ запросамъ, а въ послѣднемъ отношеніи Селенгинскъ оказывался вполнѣ несостоятельнымъ. Жизнь изо-дня въ день, какъ-бы безъ цѣли и смысла, вотъ что каждый наблюдалъ въ Селенгинскѣ, завѣтнѣйшей мыслью дѣлалась мысль, какъ можно скорѣе вырваться изъ этого города. Мы знаемъ доподлинно, что ради того, чтобы выбраться изъ Селенгинска нѣкоторые выхлопотали, чтобы завѣдываемыя ими учрежденія были перенесены въ лучшіе пункты, въ Верхнеудинскъ, и Троицкосавскъ.

Невольно напрашивается вопросъ, въ чемъ-же заключается жизненный нервъ г. Селенгинска, чѣмъ онъ жилъ и чего онъ ждетъ для себя отъ будущаго? Отвѣта на эти вопросы можно ждать далеко не отраднаго, пока Селенгинскъ не имѣетъ никакихъ гарантій, что его будущее обезпечено; у него пока нѣтъ ни одного элемента, который могъ-бы сдѣлать его независимымъ, несущимъ въ себѣ самомъ зерно развитія и роста. Въ немъ все случайно. Случайно онъ былъ основанъ, многое въ немъ также совершалось случайно, и даже теперь благосостояніе его зависитъ отъ слишкомъ многихъ причинъ, лежащихъ внѣ его. Мы видѣли выше, что у селенжанъ нѣтъ прочной экономической основы жизни, что ихъ земледѣліе, скотоводство и даже торговля обязаны своимъ существованіемъ обстоятельствамъ весьма неустойчиваго характера, и опасенія, и тревоги за будущее заставили селенжанъ въ послѣдніе годы серьезнѣе отнестись къ вопросу, какъ выйти изъ такого положенія. Ни для кого изъ нихъ не секретъ, что областное начальство давно уже признало непормальнымъ такое административное дѣленіе, при которомъ въ Селенгинскѣ сосредоточивается окружная администрація, а такія громадныя селенія, какъ Бичура, Куналей, Урлукъ и пр., въ которыхъ насчитывается помногу тысячъ жителей, остаются деревнями. Уже нѣсколько лѣтъ поговариваютъ объ упраздненіи Селенгинскаго округа и основаніи новаго, Хилоцкаго, и перенесеніи окружнаго полицейскаго управленія въ Бичуру или Куналей. Что Селенгинскъ тогда обратился-бы въ поселокъ, не подлежитъ сомнѣнію, ибо разъ округъ въ Селенгинскѣ будетъ упраздненъ, измѣнится и весь финансовый механизмъ города, произойдетъ коренная перемѣна въ его бюджетѣ, и селенжане не въ силахъ будутъ про-

изводить такіе расходы, какіе они производятъ теперь. Надо имѣть въ виду, что большая часть доходовъ г. Селенгинска составляется изъ сборовъ за торговыя свидѣтельства и патенты, а съ оставленіемъ города за штатомъ доходы эти сразу упадутъ до минимума. Черезъ 2—3 года сибирская желѣзная дорога прорѣжетъ Забайкалье. Главный магистралъ пройдетъ черезъ г Верхнеудинскъ, но уже теперь проектируется вѣтка на Кяхту. Какія отъ этого произойдутъ послѣдствія для Селенгинска, само собою понятно. Въ Верхнеудинскѣ и Кяхтѣ товары станутъ еще дешевле, чѣмъ теперь; почтовый трактъ на Селенгинскъ будетъ упраздненъ, и городъ останется совершенно въ сторонѣ отъ начинающейся новой жизни въ Забайкальѣ. Буряты, единственные почти покупатели въ городѣ, будутъ имѣть всѣ выгоды покупать необходимые имъ товары въ Верхнеудинскѣ или Кяхтѣ. Селенгинскъ можетъ пасть еще ниже, и въ худшемъ случаѣ селенжане могутъ быть вынуждены забросить свой тоёнъ и искать счастья въ другомъ мѣстѣ.

При какихъ-же условіяхъ Селенгинскъ можетъ сохранить свое существованіе? По нашему мнѣнію только при такихъ, когда селенжане найдутъ постоянное занятіе у себя на мѣстѣ, и когда это занятіе, обезпечивая въ достаточной степени ихъ существованіе, дастъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность пустить глубокіе корни въ родномъ углу. Это отлично поняли теперь и сами селенжане, и первымъ ихъ желаніемъ стало—обзавестись своей пахатной землей. Тоёнъ не ихъ, но у нихъ есть громадный лугъ, простирающійся верстъ на 5 въ длину и на 1—$1^1/_2$ версты въ ширину. Этотъ лугъ до сихъ поръ служилъ покосомъ и иногда давалъ хорошій урожай травы, но чаще всего суха на немъ выжигала окончательно растительность. И вотъ одному селенжанину, пришельцу собственно, но уже успѣвшему натурализоваться, пришла мысль въ голову,—нельзя-ли провести изъ Селенги оросительную канаву на лугъ, благо этотъ лугъ имѣетъ нѣкоторый уклонъ, а воды въ Селенгѣ—славу Богу. У селенжанъ на глазахъ дошедшіе было до нищеты, жители Нижнеубукинскаго селенія (въ 57 в. отъ Селенгинска по Верхнеудинскому тракту) возродились и разбогатѣли только благодаря тому, что провели оросительную канаву изъ горной рѣчки Убукунки на свои поля. Сдѣлавшись обладателями 300 дес. поливной пашни, нижнеубукунскіе крестьяне въ нѣсколько лѣтъ выплатили долги, въ которые они впали въ голодные годы и за то время, когда копали свою канаву въ 20 верстъ, и теперь они не зна-

ютъ уже нѣсколько лѣтъ, что такое неурожай. Такъ вотъ, примѣръ нижнеубукунскихъ крестьянъ натолкнулъ и жителей Селенгинска на мысль о канавѣ. Спора нѣтъ, если-бы идея о канавѣ оказалась осуществимой,—селенжане сразу получили-бы такое богатство, какъ много сотъ десятинъ поливной земли, но мѣсто, гдѣ единственно возможно отвести воду изъ Селенги, не рискуя окончательно залить острова и покосы, каменистое. Надо вложить много труда въ это дѣло, надо быть готовымъ на жертвы, ибо предварительно необходимо еще при помощи инструментовъ убѣдиться, что вода пойдетъ, куда нужно; слѣдуетъ пригласить спеціалиста для изысканій, словомъ нужно организовать серьезное дѣло, а селенжане къ такимъ вещамъ еще очень мало привыкли. Это можно было заключить изъ всего изложеннаго и то-же подтверждаетъ любопытный фактъ, что селенжане, собравъ специальное собраніе въ 1893 г. для обсужденія вопроса о проведеніи оросительной канавы на лугъ и ассигновавъ на предварительныя изысканія 50 р., очень скоро забыли о поднятомъ вопросѣ. Инженера не пригласили, но деньги лежатъ себѣ въ городской кассѣ безъ пользы.

Селенжане имѣютъ еще богатство—это досугъ и массу человѣческой энергіи, которые у нихъ теперь пропадаютъ отъ бездѣлья. Селенгинскъ могъ-бы стать центромъ промышленности, если-бы селенжане были предпріимчивѣе, захотѣли утилизировать свое время и силы. Кругомъ нихъ живутъ буряты скотоводы, продающіе свои сырые продукты за очень низкія цѣны. Селенжане могли-бы заняться выдѣлкой кожъ всѣхъ сортовъ, они могли-бы выписать хорошихъ техниковъ и мастеровъ и устроить образцовые кожевенные заводы, ибо у нихъ подъ руками и конскія кожи и коровьи и телячьи шкуры и баранья. Они могли-бы создать самостоятельныя отрасли промышленности,—мытье бараньей шерсти, изготовленіе изъ нея матерій, тканей и пр. Для этого только нужно желаніе работать. Вѣдь моютъ-же шерсть на Удунѣ (въ 70 в. отъ Селенгинска)! И дѣло это при небольшихъ расходахъ даетъ прекрасный доходъ. Хорошихъ мастеровъ всегда можно найти, а за деньгами, при современной организаціи кредита изъ государственнаго банка, дѣло тоже не стало-бы.

Именно потому, что Селенгинску самой судьбой назначено остаться внѣ главнаго теченія нарождающейся новой жизни въ Сибири, селенжанамъ слѣдовало-бы у себя создать такія отрасли производства, ко-

торыя дали-бы имъ возможность вступить въ живыя сношенія съ растущими ближайшими культурными центрами. Тогда, и только тогда селенжане могли-бы говорить о своемъ будущемъ безъ боязни и опасеній; но пока всего этого не будетъ, пока Селенгинскъ будетъ сохранять свое status quo, онъ будетъ только производить впечатлѣніе города, доживающаго свои послѣдніе дни, медленно угасающаго вслѣдствіе того, что источники его жизни начинаютъ изсякать.

М. Кроль

ЯШКА-СУХАРНИКЪ.

I.

— Ну, чего, Халзановъ, всѣ?

— Однако, Семенычъ, одного не хвататъ.

— Какъ не хватаетъ?

Молодой, щеголеватый фельдфебель быстро пробѣжалъ вдоль шеренги арестантовъ, тыкая каждаго рукою въ грудь, потомъ пересчиталъ сидѣвшихъ на телѣгахъ и остановился въ раздумьи.

— А, вѣдь, и впрямь, ребята, одного не хвататъ...

— Да вы, господинъ фельдфебель,—закричалъ староста, стоявшій у праваго фланга шеренги,—хохла, буторщика-то, считали? Эй, ты, Черногузенко!

Изъ-за телѣги съ арестантскими вещами выдвинулся маленькій старичекъ въ поношенномъ халатѣ.

— Ну, такъ и есть! Ахъ, ты хохлацкая морда!... Ты чего-же это прячешься, язви тебя?!...

— Та я тутъ, коло бутору...

— «Коло бутору!» Мазница проклятая! Мазепа!... зашумѣла партія.

— Ну, чего, пошелъ!—крикнулъ фельдфебель.

Партія тронулась. Впереди шли два солдата въ бѣлыхъ рубахахъ, потомъ кучка арестантовъ, опять нѣсколько солдатъ и нѣсколько телѣгъ съ больными и арестантскими вещами.

Это была обратная партія. Каждую недѣлю, почти круглый годъ, по большому иркутскому тракту идутъ партіи арестантовъ, слѣдующихъ въ каторгу. Приблизительно, черезъ каждыя сто верстъ разстоянія конвой мѣняется, каторжанъ принимаетъ новая команда, а прежняя,

отдохнувши день или два, принимаетъ слѣдующихъ обратно и возвращается съ ними домой. Въ обратной партіи идутъ кончившіе срокъ каторжане, идутъ осужденные на поселеніе въ Якутскую область, а также поселенцы и крестьяне, зашедшіе на Амуръ безъ паспорта; идутъ еще иногда амурскіе солдатики, присужденные въ Иркутскую дисциплинарную роту. Никому изъ этихъ арестантовъ нѣтъ особеннаго разсчета бѣжать, и конвой не стѣсняетъ партію. Фельдфебель и большая часть конвоя размѣщаются по телѣгамъ

Арестантская партія всегда начинаетъ путь отъ этапа быстрымъ, крупнымъ шагомъ. Пройдя двѣ-три версты, передовые замедляютъ шагъ, закуриваютъ и заводятъ разговоры.

Солнце выплывало далеко влѣво, изъ-за горъ, тянувшихся вдоль быстрой, горной рѣки. Трава еще блестѣла росой; пронесся свѣжій утренній вѣтерокъ.

— Однако, ребята, и попаритъ-же насъ сегодня,—замѣтилъ высокій, худощавый арестантъ, шагавшій въ первомъ ряду.

— Да-аа!...

— А большой сегодня станокъ?

— А вотъ надо левизора спросить. Эй, Сергачевъ! Сколько севодни верстъ?

Сергачевъ, низенькій, полный арестантъ, съ большой клочковатой бородой, отвѣтилъ густымъ басомъ:

— По штату, въ родѣ, какъ восемнадцать и три четверти.

— А много-ли прошли?

— По-моему, четверту идемъ, а на столбахъ чего-то напутано: то-ли три, то-ли пять... Дай-ка прикурить...

— Эхъ, ты! А пишо левизоръ называешься?... Долженъ буквально знать...

— Какой онъ ревизоръ? На Карѣ бабъ ревизовать—это его дѣло...

— А знаете, ребята, Сергачевъ мнѣ вчера признался... началъ Яшка-сухарникъ и остановился, лукаво оглядывая слушателей. Слушатели улыбнулись, заранѣе уже предвкушая удовольствіе. Ахметка, молодой,

высокій, плечистый татаринъ, шагавшій рядомъ съ Яшкой, загоготалъ во всю глотку. Изъ задпихъ рядовъ нѣкоторые, услышавъ Яшкинъ голосъ, прибавили шагу; но Яшка, въ качествѣ присяжнаго разсказчика и балагура, сдѣлалъ большую паузу, полѣзъ за пазуху, вынулъ трубку, кисетъ, раскурилъ, откашлялся.

— Ну, что разсказать, что-ли?—обернулся онъ черезъ плечо къ Сергачеву.

— Чего сказывать? Ничего я тебѣ не признавался. Ты хлопуша извѣстная....

— Валяй, валяй, Яшка!.... нетерпѣливо закричали слушатели.

— Подлѣзъ онъ ко мнѣ вчерась вечеромъ на нарахъ. Милый, говоритъ, Яшенька, такъ-какъ я, говоритъ, по старой вѣрѣ, у попа на духу не бываю, хочу я, говоритъ, тебѣ сказать, что у меня на тайныхъ мысляхъ. Надоѣла мнѣ, говоритъ, жисть арестантская. Вотъ какъ въ волость приду, охота мнѣ семью завести. Высватаю себѣ дѣвицу лѣтъ шестнадцати, чтобъ съ лица была бѣлая, румяная, коса русая до пятокъ. Поживу, говоритъ, съ ней маленько, а потомъ подамся въ городъ и высватаю себѣ другую, штобъ съ лица была смуглая, глаза черные съ отливомъ и волосъ черный.... Потому—я, говоритъ, одной масти не люблю... Штобъ одна была блонденка, а другая въ родѣ, какъ брунетка и штобъ одна меня завсегда блинамъ кормила, а друга —пельменямъ....

— Го-го-го!...—заревѣла партія.—Вотъ тебѣ и старикъ!

— Чего врать-то?—сердито забурчалъ Сергачевъ.—Совѣсти у тебя нисколько. Сказано: сухарникъ [1]).

— Это я-то вру?—неподдѣльно изумился Яшка.—Ахъ, ты!.. Да отсохни правый рукавъ, коли я вру!.. Вонъ и Ахметка рядомъ лежалъ, весь разговоръ слышалъ...

Ахметка оскалилъ большіе, бѣлые зубы.

— Нѣ-ѣтъ, братъ, другой разъ не скажи... Я брехуномъ не былъ... Меня и мамаша научали, когда мы съ ней въ Одессѣ на старомъ

---

[1]) *Сухарникомъ* арестанты называютъ смѣнщика, т. е. того, кто нанялся за какую-нибудь плату отбывать за другого каторгу. Случалось, въ голодные годы, что, получивъ нѣсколько фунтовъ сухарей, осужденный на поселеніе, шелъ лѣтъ на 20 въ каторгу.

базарѣ хрухтою коммерцію вели: по правдѣ, говоритъ, Яшенька, живи, по правдѣ и очи вылѣзутъ. Слушаю, говорю, маменька, да изъ выручки половину себѣ въ карманъ...

— А что, Яшка,—спросилъ, послѣ нѣкоторой паузы, молодой, щеголеватый арестантъ Суворовъ,—какихъ ты бабъ больше уважаешь: рассейскихъ, али сибирячекъ?

— Ну, стану я ровнять чалдонку къ рассейской, а особливо къ нашей адесской...

— А по мнѣ, задумчиво возразилъ Суворовъ, всѣмъ бабамъ одна цѣна,—все равно...

— Равно, да не одно... Коли-бы равно, лазили-бы въ окно, а то норовятъ все больше въ двери... Чалдонка тѣмъ только и хороша, что къ нашему брату приверженность имѣетъ... Ужь на что семейскія: на головѣ цѣлая колокольня, глаза въ землю и все: «спаси Христосъ!» А мигни только правымъ зубомъ, ну и готово!.. Чалдонка ни испечь тебѣ, ни сварить, ничего этого не понимаетъ... У ей только и работы, что по субботамъ ножомъ полъ скребетъ, да того.... блины печетъ... Жили это, примѣрно, въ маленькой деревушкѣ, чалдонъ съ чалдонкой. Ну, вотъ, чалдонка и скажи своему мужу: паря, подломай у купца амбаръ: къ празднику съ крупчаткой будемъ.—Дура ты, говоритъ чалдонъ, да вѣдь вся деревня знаетъ, что мы крупчатки не покупали; какъ-же мы пеcть будемъ?...—Не бойся, говоритъ Селифонтьевна, никто не узнаетъ: я испеку, хуже ярчнаго будитъ...

— Го-го-го! Ишь, стерва: «хуже ярчнаго!»...

— Вотъ это хозяйка... Ну, а что-жъ чалдонъ?

— Чалдонъ? Трататонъ, конешно, снялъ со стѣны черезсѣдельникъ, да и давай свою Селифонтьевну благословлять: «не пакости муки, не пакости муки, крупчатка понѣ шесть цѣлковыхъ».

— Ну и волынщикъ Яшка!... Что выдумалъ!...

— Зачѣмъ выдумалъ?... Чалдонъ даромъ што дуракъ, а хитрый, жадный.... Попробуй у него украсть чего-нибудь, самую послѣднюю, негодящую вещь, такъ вить онъ сто верстъ будетъ гнаться, коня загонитъ, а своимъ не попустится...

— Ну, и языкъ у тебя, Яшка!.. Однако ты, хлопче, черезъ свой языкъ въ Сибирь попалъ.

— Нѣтъ, дяденька, больше черезъ свои руки... А показать вамъ, какъ богатый чалдонъ съ поселенцемъ разсчитывается?

— Ну, ну, валяй!...

— Ну, вотъ только закурю.

Яшка свернулъ цигарку, закурилъ.

— А вить такъ за разговоромъ-то время легче проходитъ .. Брешешь, брешешь, глядишь, а пять верстъ и прошло... Все равно, какъ солдаты подъ музыку.. Вы-бы мнѣ, ребята, на починку струменту, примѣрно, хоть по пятиткѣ-бы накинули...

— Не сорветъ-ли, Яшенька?... Больно, ужь, жирно кушать хотите: должно, оберъ-граиское воспитаніе получили.

— Ничего, я къ жирному привышенъ: меня чалдонки все блинами на гольномъ маслѣ кормили...

— Да ну, будетъ вамъ волынку-то тереть...—вмѣшался сутуловатый, старый арестантъ, Блоха, съ приплюснутымъ носомъ на широкомъ, почти безусомъ и безбородомъ лицѣ.—Никто тебѣ и копѣйки не дастъ: все равно, на этапѣ проиграешься .. И тѣ бабы еще не родились, што-бы тебя блинами на гольномъ маслѣ кормили... Вашего брата больше мордой объ столъ угощаютъ...

— Вѣрно, братъ, не отказуюсь... Случится, такъ и мордой объ столъ шлепнутъ. Да и Блохѣ, однако, фартило: поди все объ ха-а-рошій, дубовый столъ мордой стукали... Вишь морда-то у нашей Блохи блиномъ стала, а носъ куды-то, должно, въ командировку отправился!...

— Го-го-го! Съ этимъ Яшкой свяжись, все одно, какъ съ фальшивой монетой.

— Я, братъ, за словомъ въ карманъ не полѣзу: у меня, братъ, языкъ не втянетъ... Мы съ Сергачевымъ смѣлые. Знаете, какъ Сергачевъ на Карѣ съ завѣдующимъ сурьезный разговоръ имѣлъ? Сергачевъ слово, а завѣдующій его въ морду. Сергачевъ, конешно, нисколько не оробѣлъ, да опять ему слово, а завѣдующій его, конешно, опять въ

морду; ну и пошло... Сергачевъ слово, завѣдующій въ морду, Сергачевъ слово, завѣдующій въ морду... А все-жъ таки Сергачева верхъ вышелъ: первому-то завѣдующему надоѣло въ морду давать... Сергачева ужь пороть повели, а онъ все кричитъ: я молчать не стану, и покуль пороли, все ревѣлъ...

— Кто тебѣ повѣритъ, продажная твоя душа,—пробурчалъ сердито Сергачевъ,—ты, должно, и совѣсть свою за сухари продалъ.

— Да ну, будетъ вамъ! Ты лучше, Яшка, про чалдона-то, да про поселенца.

— Валяй, Яшенька, валяй!

Яшка откашлялся, подмигнулъ всѣмъ. Изображая въ дальнѣйшемъ разсказѣ «чалдона», Яшка говорилъ въ носъ, изображая поселенца, старался подражать Сергачеву.

— Богатый чалдонъ Трататонъ Иванычъ Безматерныхъ этта поужиналъ, сидитъ ноги вытянулъ, икаетъ, пузо чешетъ. Поселенецъ (Сергачевъ, къ примѣру сказать) пришелъ съ куфии, сталъ коло порога. Дальше у ихъ идетъ разговоръ

— Тебѣ чего, паря?

— Къ вашей милости, господинъ хозяинъ: такъ-што завтра отправляться думаю, дозвольте разсчетъ получить.

— Разсчетъ, говоришь?

— Разсчетъ.

Трататонъ Иванычъ поковырялъ въ носу.

— Ну, чего-жъ бы, однако... Сколь тѣ слѣдуетъ?

— Двѣнадцать цѣлковыхъ, если вашей милости будетъ вгодно...

— Двѣнадцать?... Чего-то, однако, дивно... Паря-баба, подай-ка пишоты! .. Двѣнадцать, двѣнадцать... А ты пошто штрафы-то не считашь?

— Каки штрафы, Трататонъ Иванычъ? Кажись, изъ послѣднихъ силъ возможности...

— Ты въ Николу хозяйку шлюхой облаялъ: полтора-то цѣлковыхъ скостить надоть...

— Да вить я выпимши былъ... Вы мнѣ въ тѣ поры морду во какъ набили...

— Морду набилъ, на то я хозяинъ. Тебя въ каторгѣ-то, поди и не такъ парили.. Ну, Богъ съ тобой, будетъ съ тебя и цѣлковый... Со стряпкой въ Ильинъ день на заимку ѣздилъ,—три цѣлковыхъ. Тутъ, ужь, паря, ничего не скощу.

— Помилуйте, мы за сѣномъ ѣздили. Никакихъ глупостевъ у меня и въ головѣ не было..

— Ну, это, паря, твое дѣло, было али не было... Не было—самъ дуракъ... А коли принесетъ, такъ мнѣ расходъ: и бабкѣ и попу платить... Кошкѣ опять на хвостъ наступилъ...

— Да это грабежъ!

— А вотъ, поговори больше, такъ я тѣ покажу грабежъ. Побью опять морду, да и выгоню безо всего...

— Вѣрно, Яшка!... закричали арестанты.—Такъ, такъ, совсѣмъ по-чалдонски!...

— Ну, не со всякимъ-же поселенцемъ такъ поступятъ,—замѣтилъ Суворовъ,—другой въ зубы-то ему глядѣть не станетъ... Это вонъ съ Сергачевымъ, либо съ хохломъ буторщикомъ...

Ну, ужь, парень, какъ пофартитъ... Въ зубы давать, такъ надо такой разсчетъ вести, что, можетъ, и самому отвѣтъ придется получать.. .

— Эй, вы! Пошто хлестко побѣжали?!—закричали отставшіе отъ Яшки и его слушателей солдаты и арестанты.

— Што вы, съ кола штоли сорвались? Язви васъ!—закричалъ ефрейторъ.

Кучка арестантовъ остановилась.

— Да мы вонъ за имя идемъ,—указалъ одинъ изъ арестантовъ на двухъ конвойныхъ, шагавшихъ впереди.

— Пошто бѣжать-то? Станокъ небольшой...

— Да это, господинъ ефрейторъ, Сергачевъ все впередъ бѣжитъ, къ невѣстѣ поспѣшаетъ: какъ-бы кто не перехватилъ....— замѣтилъ Яшка при общемъ хохотѣ.

— Ну, чего? Пошелъ ровнымъ шагомъ! Версты три пройдемъ и привалъ будетъ...

Партія замедлила шаги. Дорога шла по узкому промежутку между нависшими, отвѣсными скалами и быстрой горной рѣкой. Отъ рѣки повѣяло свѣжестью... Партія обошла скалу и вышла на высокую широкую площадку. Яшка наклонился надъ перилами, заглянулъ внизъ, гдѣ шумно бѣжала по камнямъ рѣка, глубоко вздохнулъ и обернулся.

— Эхъ, господинъ фельдфебель, сдѣлаемъ здѣсь привалъ: ишь какъ тутъ ловко!...

— Ну, чего, сдѣлаемъ, лѣниво отвѣтилъ фельдфебель, протирая полусонные глаза. Солдаты стали большимъ полукругомъ. Арестанты присѣли на землю, другіе, отвязавъ отъ телѣгъ котелки, отправились къ рѣкѣ пить воду. Яшка растянулся и заложилъ руки подъ голову.

— Э-эхъ, ребята, кабы теперь въ Адестѣ на прикрасномъ мѣстѣ: Команъ ву портеву, на Пересыпѣ живу, на Дерибасовску гулять хожу... Славный городъ, да не пришлось въ ёмъ жить .. Теперь это выйдешь на бульваръ, станешь коло Дюка: по морю пароходы бѣгутъ, по берегу чугунка свиститъ... А то подашься на вокзалъ, Куликово поле .. Кажный день поѣзда и приходятъ и уходятъ, только не зѣвай... У насъ тамъ самая настоящая работа была... Бывало, въ день рублей по десяти на брата приходилось... Какъ первый звонокъ вдарятъ, суета подымется, не приведи Господь: кажный въ вагонъ спѣшитъ... Ну, тутъ и себѣ бѣжишь да въ дверяхъ еще нарочно станешь, чтобъ больше толкотни было.. Чудной народъ бываетъ на свѣтѣ, особливо барыни. Пошла это у нихъ мода—маленькія сумочки на цѣпочкахъ въ рукахъ носить. Коли, молъ, у меня въ рукахъ, такъ ужь накрѣпко, никуды не дѣнется... Высмотрѣлъ я это себѣ одну такую: ходитъ по пержу, тарнюромъ крутитъ... Зашла это она на самый конецъ пержа, народу кругомъ никого нѣту; я подбѣжалъ да за эту самую сумочку: «давай сюды!» Она отъ страху только руки разставила. Я сумочку сбрилъ, да между вагоны. Слышу, потомъ, барыня реветъ не своимъ голосомъ, а меня, ужь, помнинай: Митькой звали.

— Ну, а чего было въ сумочкѣ-то?

— Въ сумочкѣ?... Партаманетъ дамскій, рублей этакъ пятьдесятъ въ ёмъ деньгами, платокъ, письмо, должно отъ милаго: цѣлую, гово-

рить, тебя нечетно и въ губы и въ зубы.. И все это амбре-духами наскрозь прошло.. Должно къ милому собиралась ѣхать..

— Вотъ тебѣ и поѣхала!..

— Ничего! Достала другихъ пятьдесятъ рублей... Развѣ барынѣ долго достать: раза два передъ мужемъ хвостомъ вильнула—и пятьдесятъ рублей.

— Знаешь ты очень барынь-то!

— Должно знаю, коли говорю.

— Да ну, будетъ вамъ!...

— Одначе, ребята, скоро нашъ фартъ въ Одессѣ кончился.. Стали жандары примѣчать. Ну, мы тоже на фокусы пустились: повѣсишь сумку черезъ плечо; билетъ, этта, старый какой-нибудь подъ ленту на шляпу засунешь, ну, конешно, въ хорошемъ пальтѣ, при часахъ, совсѣмъ будто фонъ-баронъ какой въ дорогу собрался... Былъ тамъ, одначе, зда-а-аровый жандаръ, за старшаго у нихъ считался, и такая со всего свѣту шельма... Подойдетъ, этто, къ тебѣ и штобъ лишняго скандалу въ публикѣ не дѣлать, вѣжливо такъ склонится: «господинъ, говоритъ, васъ тамъ дама изволитъ на крыльцѣ спрашивать», а самъ глазами-то сердито вертитъ: «идп, молъ, не то худо будетъ». Идешь, этто, онъ сзади вѣжливо провожаетъ, а выведетъ на крыльцо, да какъ засвѣтитъ по шеѣ, такъ ступеньки мордой и пересчитаешь... А крыльцо-то высокое, ступеньки-то, чертъ ихъ побери, все каменныя.. И што-жь вы думаете? И вить заставили съ родного городу уѣхать, а то-бъ я развѣ Одессу покинулъ когда-нибудь?..

— Ну, трогай, ребята! крикнулъ фельдфебель....

II.

Партія сумеричала. Часть арестантовъ лежала на нарахъ въ разныхъ позахъ. Кто мурлыкалъ про себя пѣсню, кто насвистывалъ. Кто-то на верхнихъ нарахъ зѣвалъ и приговаривалъ: «охъ, грѣхи тяжкіе!» Въ узкомъ проходѣ между нарами и стѣной прогуливался молодой арестантъ и въ полголоса напѣвалъ:

Отецъ мой въ Москвѣ, а мать моя въ Тамбовѣ,
А я, какъ дуракъ...

Дуракъ и есть! крикнули съ верхнихъ наръ.

Блоха, партіонный майданщикъ, зажегъ было свѣчку, разложилъ на постланномъ на нарахъ халатѣ двѣ колоды картъ и рубля на два мелочи, но желающихъ играть въ штоссъ не оказалось, и Блоха, закрывъ «банкъ», затушилъ свѣчу и легъ на нары. Неподалеку отъ него нѣсколько человѣкъ сидѣли на нарахъ, поджавъ подъ себя ноги и занимались разговорами.

— Такъ ты въ которомъ, говоришь, рудникѣ былъ?

— По первости-то въ Зерентуѣ, а опосля того въ Алгачахъ.

— Ну, а работа-то, чего, чижолая?

— Работа-то ничего, а вотъ пишша-то скверная, да и начальство все злющее, не приведи Господь .. Розги да плети,--только у ихъ и приказу есть....

— А на Карѣ-то, думаешь, лучше?—замѣтилъ Сергачевъ—еще почище проды-то будутъ. Думаешь, хорошій-то человѣкъ пойдетъ въ тюремные-то смотрителя?

— А вамъ зачѣмъ хорошій человѣкъ понадобился?—вставилъ Яшка-сухарникъ, который до сихъ поръ лежалъ на нарахъ, задравши кверху ноги и напѣвалъ: «по карманамъ вѣтеръ вѣетъ, кошелекъ пустой лежитъ»...—Вѣдь вы хорошаго человѣка на сухомъ берегу утопите.... «Розги, да плети!» .. А вамъ чего-же? Шампанскаго, да бляманже што-ли? Шпана вы проклятая! Тоже не нравится имъ!

— Да ты чего, Яшка, взъѣлся?.. На носъ тебѣ наступили, чего-ли? Не про тебя и рѣчь..

— Терпѣть не люблю, когда эта шпана вякаетъ.

— «Шпана, шпана!»— сердито вмѣшался Блоха.—А ты хто такой, продажная твоя душа?!.. За фунтъ сухарей въ каторгу продался, а туда-же лѣзетъ...

Всѣ затихли. Многіе слѣзли съ наръ и обступили спорящихъ. Блоха былъ старый бродяга. Въ Срѣтенскѣ, какъ только сформировалась партія, онъ обзавелся картами, свѣчами, нѣсколькими фунтами сахару и табаку и сталъ майданщикомъ. Во время игры въ карты, онъ сужалъ

играющихъ деньгами за большіе проценты и подъ залогъ халатовъ, бродней и другихъ арестантскихъ вещей. Характера Блоха былъ угрюмаго, разговаривать не любилъ и глядѣлъ исподлобья. Онъ, да еще Сергачевъ не смѣялись остротамъ Яшки-сухарника.

— Ну, ребята,—крикнулъ Яшка,—теперь шпана не робѣй. у ей абвакатъ выискался!... Теперь на эту самую Блоху надо черный фракъ съ хвостомъ надѣть, голову пополамъ расчесать, на носъ пиксне надѣть... И выйдеть: франтъ—сапоги въ рантъ, подлѣ носа папероса, подлѣ вуха оплеуха..

— Вотъ, видишь, какой ты подлецъ: сейчасъ и въ кусты убѣжалъ...

— Чего убѣжалъ?.. Нисколько не убѣжалъ; это у меня присказка, а сказка пойдетъ впереди; а тольки чудно мнѣ, что эта самая Блоха, которая што она со шпаны кровь сосетъ, и вдругъ абвакатомъ за шпану объявляется... Дѣвствительно, я сухарникъ.... Придетъ нужда и въ парашники наймешься, а тольки я, братъ, майданщикомъ не бывалъ, своего брата не опутывалъ... Оно, конешно, кажному человѣку не въ примѣръ пріятнѣе въ собственномъ домѣ сидѣть, съ собственной бабой чаи распивать, наливку пряниками закусывать, чѣмъ, такъ сказать подъ розги ложиться, либо морду подъ чужой кулакъ подставлять.... А хто-жь всему этому причиненъ?... Кажный человѣкъ самъ себѣ причиненъ и нихто больше... Конешно, и начальство всякое бываетъ. Такого какъ Палкина племянникъ, по всему свѣту не сыскать.. А тольки: по Сенькѣ шапка, по Сенькиной матери колпакъ. По шпанѣ и начальство... Былъ на Карѣ смотритель Яковъ Львовичъ Большаковъ —всѣхъ мѣръ господинъ. И вотъ къ примѣру сказать, два человѣка на свѣтѣ: смотритель Яковъ Львовичъ, который што ни пайкомъ арестантскимъ, ни одежей пользоваться не хочетъ, а наказывать человѣка розгами за грѣхъ почитаетъ, и есть арестантъ Яшка-сухарникъ, первый крутель по Карѣ, столяръ, маляръ, плотникъ и воровать охотникъ... Одинъ человѣкъ съ полной совѣстью, а другой съ потерянной... Ну, вотъ Яковъ Львовичъ и говоритъ: «вотъ тебѣ, Яшенька, паекъ полностью, вотъ тебѣ одежа полностью, осудили тебя, конешно, другіе люди въ каторжную работу, и ты, слѣдственно, какъ состоишь обяза-

тельнымъ, то долженъ ты съ Суворовымъ, да съ Ахметкой поставить на казну кажный день двѣ сажени дровъ... Слушаю, говорю, ваше благородіе .. Ваше дѣло приказывать, мое дѣло сполнять... Ну, конешно, утро вечера мудренѣе... Пришло утро, я первымъ дѣломъ къ Ахметкѣ и къ Суворову: такъ и такъ, молъ, ребята, чорта-ли намъ сажени ставить, пойдемъ лучше золотишка помоемъ... Суворовъ и Ахметка ребята, конешно, дружные: не ставить, такъ не ставить, пущай имъ чортъ сажени ставитъ... Отправился я первымъ дѣломъ въ зимовье, а тамъ добрые люди штоссъ разложили... Сёмъ-ка я карту поставлю. Вынулъ изъ кармана сколько было, поставилъ на карту,—бита... Снялъ халатъ, поставилъ,—бита... Снялъ бродни,—бита... и въ концѣ концовъ умылъ я всю одежу полностью, весь паекъ полностью, да еще и за два мѣсяца впередъ... Блохѣ, конешно, фартъ, потому вся одежа пошла ему за два цѣлковыхъ, паекъ за цѣлковый... Блохѣ дивидентъ большой!... А Яшка-сухарникъ залѣзъ нагишомъ подъ нары и лежитъ... Лежитъ Яшка день, другой, а въ концѣ того спектакля доложили Якову Львовичу, што никакихъ дровъ на Ключевкѣ не поставлено. Пошелъ Яковъ Львовичъ по зимовьямъ ревизію производить... Вытащили Яшку изъ-подъ паръ .. «Ты что это, Яшенька, нагишомъ?»—«Не пофартило, ваше благородіе»...—«Подлецъ ты, подлецъ, Яшенька! Дайте ему, подлецу, полнякъ»... Выдали мнѣ опять одежу полностью, а къ вечеру я опять нагишомъ подъ нарами.. Вытащили меня опять изъ-подъ паръ и давай меня Яковъ Львовичъ изъ собственныхъ рукъ палкой благословлять.. Бьетъ, а самъ плачетъ: «никогда я палачемъ не былъ, черезъ васъ, подлецы, въ злодѣи попалъ»... Ну, я, конешно, реву: «тоже, смотри на него, людей мучитъ; загнали человѣка отъ родного отца-матери, мучаютъ бѣдну спроту, кровопивцы!» Въ то само время хлѣбопекъ промотался: до перваго числа еще дёнъ десять, а у него муки ни пылинки. Купилъ Яковъ Львовичъ на свои деньги муки, велѣлъ смѣнить хлѣбопека и выбрать другого... Собрала шпана въ зимовьѣ въ родѣ какъ засѣданіе.. Кого выбирать?... Кого? Конешно, Яшку-сухарника: парень проигрался, надо ему поправиться... И сталъ Яшка хлѣбопекъ, какъ никакъ—шишка... Поморщился Яковъ Львовичъ, однако, какъ-же про-

тивъ всей артели иттить... И сталъ Яшка казенну муку заметать... Яшка парень ловкій: пропгралъ муку, пропгралъ кули... Пропгралъ-бы казенную печь, да Блоха подъ ее ничего не даетъ. Выстроилъ Яковъ Львовичъ всю артель передъ конторой, вывели Яшку съ темнаго карцеру... «Вы его, говоритъ, ребята, выбрали, вы его и судите»... Стали Яшку пороть при всемъ народѣ: двое держатъ, двое дерутъ... Конешно, «смотритель злодѣй, тигра лютая, арестантской кровью питается!». А такихъ Яшекъ у Якова Львовича больше сотни, а Яковъ-то Львовичъ одинъ... И какъ пришла ему смѣна, не оказалось у Якова Львовича ни дровъ, ни муки, ни вещей казенныхъ... Кто-жъ теперь, слѣдовательно, подлецъ выходитъ?

Отвѣта на Яшкинъ вопросъ не послѣдовало.

Съ шумомъ распахнулась дверь, вошелъ ефрейторъ со свѣчей въ рукахъ, за нимъ нѣсколько человѣкъ солдатъ

— Ну, чего, ребята, становься на повѣрку!..

І. Ф. Савченко.

Герои Татты и Амги.

(Изъ дневника экскурсанта).

(Продолженіе).

II.

Батурусскіе родоначальники.

Нашъ маленькій поѣздъ подвигался тихо и медленно отъ юрты къ юртѣ. Послѣ весеннихъ мятелей дороги не было видно совсѣмъ, и мы ощупью пробирались по круглымъ аласамъ и продолговатымъ впадинамъ ручейковъ, то и дѣло сбиваясь и ныряя въ глубокихъ снѣжныхъ заносахъ.

Зимній сезонъ кончался, и якуты торопились вывезти съ покосовъ остатки сѣна; на каждомъ шагу, издали, раздавалось: «тохто! тохто, догор!» (стой, постой, другъ!) и мы всѣ останавливались. Разспросивъ ямщика, куда онъ везетъ русскаго, зачѣмъ и за сколько, якуты, сидя верхомъ, поворачивали своихъ быковъ въ противоположную отъ насъ сторону, и мы объѣзжали возы, цѣпляясь полозьями и осыпаемые трухой сѣна. Эти частыя остановки, а еще болѣе того безконечные разспросы, видимо, надоѣдали иногда даже моему терпѣливому ямщику, но онъ сдерживался и выполнялъ обычный ритуалъ съ такомъ и выдержкою, которые сдѣлали-бы честь и не столь молодому дипломату. Къ тому-же онъ извлекалъ выгоду изъ этого обмѣна любезностей: его кони отдыхали, а самъ онъ, въ свою очередь, узналъ новости—городскія и наслежныя—о цѣнахъ, о пріѣзжихъ изъ города (городчикахъ), о дѣяніяхъ мѣстнаго тоёна и т. п.

Только однажды, послѣ долгой стоянки и продолжительной бесѣды, потерялъ онъ свое обычное равновѣсіе: наскучивъ безконечными и назойливыми вопросами, онъ, вдругъ, взмахнулъ своимъ кымни (кнутъ и въ тоже время скребница) и такъ больно ударилъ имъ по головѣ передового быка, что бѣдное животное бросилось въ сторону, а сѣдокъ полетѣлъ въ сугробъ съ протянутой рукой и словами: «той-

онумъ, бирпсь! бирь хамса!» (подѣлись, господинъ! на одну трубку!) Мы промчались мимо.

Нельзя сказать, чтобы мой возница артистически справлялся со своими обязанностями: онъ былъ молодъ, неопытенъ и впервые командированъ въ такое «дальнее плаваніе»; разспросамъ и остановкамъ не было конца, и мы не пропускали ни одной юрты, чтобы не заглянуть въ нее. Въ сущности я былъ доволенъ этимъ. Мнѣ нравились эти частые заѣзды съ безконечными чаепитіями и обычнымъ «кэпсе» въ этихъ бѣдныхъ и грязныхъ земляпкахъ, гдѣ запахъ человѣческаго жилья вытѣсненъ атмосферой хотона (хлѣва), гдѣ вперемежку тѣснились люди и животныя, гдѣ болѣзни и всякія невзгоды мгновенно забывались за чашкою чаю и трубкою табаку.

Пріѣздъ удивительнаго путча (русскій) всегда производилъ переполохъ: всѣ, кто помоложе,—дѣти и подростки,—преодолѣвъ любопытство, быстро прячутся въ невѣдомые тайники полуосвѣщеннаго хотона; вѣстовые изъ сосѣднихъ юртъ чутко прислушиваются къ ходу разговора, чтобы тотчасъ-же донести, куда слѣдуетъ; хозяева оффиціально и натянуто исполняютъ обычный пріемъ гостей кругомъ недовольныя лица, недовѣрчивые взоры Но вотъ разъяснилось, что «тоёнъ съ юга» не такъ страшенъ и сговорчивъ, что онъ даже не прочь угостить чаемъ и табакомъ,—и настроеніе мѣняется: за нами ухаживаютъ, стараются всячески услужить и угощаютъ лучшими сливками къ чаю. Юрта переполняется любопытными, пьютъ чай, угощаются, разспрашиваютъ и разсказываютъ,—цѣлый праздникъ въ глухой и однообразной жизни наслега. Иногда кто-нибудь изъ толпы—помоложе—проситъ у меня сылабарь-кулгага, т е. самоварное ухо, какъ прозвали якуты мой динамометръ. Если я не отказываю, начинается своеобразный спортъ съ шумомъ, крикомъ и безконечными спорами: выступаютъ лучшіе молодцы, стараются перетянуть другъ друга, горячатся, спорятъ,—и я устанавливаю репутацію. Еще болѣе забавляло ихъ «срѣзываніе портретовъ»—патрет быгар—фотографированіе,—это чудесное и таинственное священнодѣйствіе, которое они приписывали заклинанію особаго духа. Но мнѣ рѣдко приходилось «шаманить». Приближалась весна, и я торопился еще въ одинъ населенный пунктъ, прежде чѣмъ выѣхать на Татту.

Былъ уже апрѣль мѣсяцъ, но весна еще не приходила. Безпокойно и тревожно слѣжу я за упорной и нескончаемой борьбой зимы и лѣ-

та. Напрасно я выглядываю въ окно, выбѣгаю на дворъ, чтобы привѣтствовать побѣду свѣта и тепла: предо мною все та-же снѣжная даль, тѣ-же толщи льда въ окружающихъ насъ озерахъ. Незамѣтно поглощаютъ онѣ разрушительное дѣйствіе весеннихъ лучей и съ заходомъ солнца вновь обрѣтаютъ крѣпость для борьбы завтрашняго дня. Вотъ, тамъ, въ отвалѣ озера, въ началѣ лѣса, я ясно вижу большое, черное пятно и на немъ густую, нескошенную атаву, желтый подснѣжникъ и даже, какъ будто, зелень выбивающейся травы; вотъ на горизонтѣ съ востока явно показались черныя точки,—онѣ увеличиваются и растутъ,—это навѣрное заморскіе гости—утки и турпаны—выходцы съ восточнаго моря, ищущіе прѣсной воды... Но, увы, все это продукты нетерпѣливаго воображенія. Обманчивая сила жгучихъ лучей и эта видимая стойкость холодной твердыни наполняютъ душу смутными опасеніями за будущее и ожиданіемъ чего-то невозможнаго и неосуществимаго... Съ нетерпѣніемъ жду возможности двинуться далѣе.

Мнѣ все кажется, и я боюсь, что видѣнное мною и слышанное до сихъ поръ не настоящее, доподлинно-якутское, что тамъ, впереди, я найду чистое, безъ примѣсей, якутское племя и сохранившійся первобытно-тюркскій типъ. Тамъ меня ждетъ откровеніе,—я уясню себѣ прошлое якутовъ и найду ключъ къ уразумѣнію настоящаго. Чѣмъ объяснить столь рѣзко выраженные два противоположные типа,—низкорослый, широкоголовый и плосколицый и 2-й—высокаго роста съ длиннымъ выпуклымъ лицемъ и горбатымъ носомъ? Есть-ли это двѣ разновидности одного племени или продуктъ смѣшенія двухъ расъ? Откуда они пришли и гдѣ была ихъ родина? Какія племена встрѣчали они на пути своемъ и на мѣстахъ осѣданія, велись-ли войны и сохранились-ли въ памяти народной преданія изъ этого далекаго прошлаго?...—Якуты не знаютъ своей исторіи,—сказалъ мнѣ однажды интеллигентный инородецъ, развлекавшій меня въ скукѣ ожиданія. Да и откуда-же намъ знать ее? Въ нашихъ сказкахъ говорится, что предки наши, съ Омогой-баемъ во главѣ, потеряли свою письменность во время долгаго кочеванія внизъ по долинѣ Лены, когда, тѣснимые другими племенами, они должны были оставить свою первоначальную родину и искать новыхъ мѣстъ для себя и скота своего. Съ тѣхъ поръ мы ничего не писали и не записывали; другіе тоже мало интересовались нашимъ прошлымъ. Единственные наши источники — это устныя преданія, переходящія отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ по-

колѣнія. Память у насъ крѣпкая, зимніе вечера очень длинные, и мы слушаемъ другъ друга съ неослабнымъ вниманіемъ и забываемъ очень мало. Въ разныхъ мѣстахъ, при опросахъ, вамъ, конечно, не разъ приходилось слышать названія мѣстностей, напр. Намчи, Чурапчи, *) или рода, напр., Хомос (ковшъ), Кутуях (мышь) и т. п. Вамъ скажутъ, что такъ звали родоначальниковъ этихъ мѣстъ или родовъ, по ихъ наружнымъ или душевнымъ свойствамъ. Оно такъ и бываетъ, но изъ устъ знатока вы нерѣдко услышите длинную исторію этого «ковша» со всѣми подробностями его родословной или-же цѣлый рядъ подвиговъ, войнъ и всякихъ передрягъ, въ которыхъ эта «мышь» играла первостепенную роль. Иногда вамъ встрѣтятся два рода одного названія и въ мѣстахъ столь отдаленныхъ другъ отъ друга, что вамъ трудно допустить какое-либо родство между ними, и вы скорѣе готовы объяснить это случайнымъ совпаденіемъ имени. Но если вы углубитесь въ родословную ихъ, то легко узнаете, что они ведутъ свое происхожденіе отъ одного предка и представляютъ развѣтвленія одного первоначальнаго рода. Таковы, напр., кангаласскіе роды двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга улусовъ, какъ Баягантайскій и Намскій. Кангаласкій родъ послѣдняго улуса ведетъ свое происхожденіе отъ выходца изъ Кангаласкаго улуса, по имени Боттой. Онъ былъ рабомъ одного Кангаласкаго тоёна и отданъ имъ, въ числѣ приданаго своей дочери, нѣкой шаманкѣ (удаган) Аллах-кын, вышедшей замужъ за намскаго якута, по имени Налтанъ. Обязанностью приданаго раба (эпне-кулут) было всюду сопровождать свою госпожу и подставлять ей спину, когда она сходила съ коня или садилась на него. Съ нею-то прибылъ онъ въ Намскій улусъ къ ея мужу, женился, имѣлъ дѣтей, и отъ нихъ нынѣшніе потомки 1-го кангаласкаго выходца. Такова-же родословная и баягантайскихъ кангаласцевъ, отпрысковъ того-же первичнаго рода. Таково-же преданіе о происхожденіи бетюнскихъ якутовъ по Амгѣ и Ленѣ (Батурусскаго и Намскаго улусовъ).

Правда, закончилъ онъ, всѣ эти сказанія похожи на вымыселъ, изукрашены небылицами и всякими преувеличеніями, но все-же они освѣщаютъ намъ темную даль нашего прошлаго и путаницу отношеній въ настоящемъ...

Въ серединѣ мая снѣгъ сталъ, наконецъ; земля обнажилась, и по ней бродилъ группами и вразсыпную отощавшій скотъ, жадно щи-

*) Чурапчи,—деревянное кольцо въ ноздряхъ быка.

ная жесткую и желтую атаву. Вдали голый лѣсъ пестрѣлъ бѣлыми, еще не стаявшими въ чащѣ, пятнами снѣга. Только озера сдавались медленно и напоминали еще о суровомъ прошломъ: покрытыя почти сплошными крупными льдинами, они грозно бѣлѣли издали; отъ нихъ вѣяло холодомъ. Но ручьи и ручейки дѣлали свое разрушительное дѣло,—изломали въ куски рыхлый и позеленѣвшій ледъ, и на берегахъ озеръ появились маленькія будки—засѣдки, изъ которыхъ то и дѣло раздаются ружейные выстрѣлы. «Анды-келе!» (турпаны летятъ!)—звонко раздается въ воздухѣ и якуты со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ озерамъ, каждый спѣшитъ поставить въ воду свои чучела (мунчук), залѣзть въ будку съ ружьемъ на ночевую и ждать, когда эти глупыя птицы, въ своемъ любовномъ жару, примутъ мунчуки за настоящихъ самокъ и стаей бросятся къ нимъ. Цѣлыя ночи не умолкаетъ канонада; гулко раздается она въ тиши, когда на часъ засыпаетъ все кругомъ; звучно аккомпанируетъ она нестройному хору причудливыхъ голосовъ лѣсныхъ и озерныхъ птицъ, оглашающихъ воздухъ криками жизнерадостнаго настроенія. Знойный день смѣняется сумерками; неугасающая заря освѣщаетъ природу поэтическимъ блѣднымъ свѣтомъ; воздухъ полонъ звуковъ и аромата,—онъ опьяняетъ животныхъ и растенія; все оживаетъ и живетъ быстрой лихорадочной жизнью. Чудныя бѣлыя ночи! Давно забыты всѣ невзгоды зимней стужи, и холодъ, и голодъ, и скука безконечной ночи... Апатію, сонливость смѣнили бодрость и энергія; дышится легко, живется весело,—и голосъ туземца присоединяется къ общему ликованію торжествующей жизни..

Въ одну изъ такихъ почей тронулись мы въ путь. Лѣтняя дорога еще не установилась; вздувшіеся и разбушевавшіеся ручьи еще не вошли въ свои берега; мосты были снесены, и мы переправлялись въ бродъ, нерѣдко погружаясь въ воду вмѣстѣ съ вьюками, висѣвшими по обоимъ бокамъ лошадей; навьюченные кони ступали тихо и неровно, бросаясь въ сторону передъ каждою лужею и оттягивая переднихъ за хвостъ и шею, къ которымъ были привязаны веревкою.

Рѣка Татта, обыкновенно мелководная и мѣстами пересыхающая въ жару, теперь представляла величественное зрѣлище многоводной рѣки, усѣянной зеленѣющими островами и съ шумомъ катящей мутныя волны.

Подъ утро мы уклонились влѣво, и первые лучи восходящаго солнца освѣтили передъ нами обширный алась, испещренный неболь-

шими клочками вспаханной и огороженной земли, тонувшими въ зеленомъ фонѣ луговъ. На противоположномъ крутомъ берегу, у самаго лѣса, мелкими точками виднѣлись юрты, а внизу, у подошвы его, миріадами искръ блестѣло продолговатое озеро,—видимо, остатокъ нѣкогда величаваго озера, наполнявшаго котловину до вершинъ нынѣ обрывистыхъ и еще безлѣсныхъ береговъ. Изъ самой воды выдѣлялся огромный, круглый съ зубчатыми вершинами курганъ (булгуньях). Со всѣхъ сторонъ омываетъ его озеро, со всѣхъ сторонъ виденъ этотъ стражъ аласа, и его четыре головы точно облысѣли и покрылись трещинами отъ вѣковой и несмѣняемой службы...

«Нѣкогда, очень давно,—сказалъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ жителей,—этотъ булгуньях представлялъ иной видъ: вершина его не была еще такъ изрѣзана и состояла изъ нѣсколькихъ впадинъ — озеръ, въ которыхъ водилась рыба. Въ дѣтствѣ я бывалъ тамъ часто и видѣлъ въ одной изъ нихъ часть куюра (сачокъ для ловли рыбы), а дѣдъ мой передавалъ объ этой ловлѣ, какъ о свѣжемъ преданіи. Послѣ смерти Кыччи, вода ушла изъ этихъ маленькихъ озеръ, изрѣзавъ вершину кургана длинными и поперечными горбами; пропала также и растительность на немъ». *) Я спросилъ, кто такой Кыччи и почему съ его именемъ связана исторія кургана.

«Кыччи былъ одинъ изъ древнѣйшихъ нашихъ родоначальниковъ, жившихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Преданія о немъ утеряны и забыты; мы знаемъ только, что онъ былъ старшій сынъ и наслѣдникъ богатаго и знаменитаго Батыра или Батура, именемъ котораго называется нынѣшній Батурускій улусъ (Батур-уга-потомки Батура). Когда вы достигнете рѣчекъ Тея и Нангмара, впадающихъ въ Татту, вамъ не разъ придется услышать о двухъ его сыновьяхъ—Агаі и Кутуях'ѣ,—вѣчно ссорившихся между собою и воевавшихъ съ другими соперниками. Я-же разскажу вамъ о печальной участи младшаго сына, любимца его.

Звали его Кут-Оенген. Онъ былъ молодъ и холостъ. Хотя ему было всего 18 лѣтъ, но по своему богатырскому виду, силѣ, удали и росту онъ не зналъ соперниковъ во всей округѣ. Въ плечахъ имѣлъ

*) Въ Бахсинскомъ наслегѣ Мегинскаго улуса есть два кургана, съ которыми связано преданіе о знаменитомъ ерѣ «Бахсы тоепо» (ерь—злой духъ, воплотившійся въ тѣло умершаго и напускающій на людей всякія бѣды и болѣзни). Передъ смертью кого-либо въ окрестностяхъ этого мѣста—яльбистях—вершина большого кургана разверзается и образуетъ впадину—могилу. Никто изъ якутовъ не рѣшается заглянуть туда.

косую сажень, тяжесть его тѣла выносилъ одинъ его конь. Ростомъ онъ превосходилъ всѣхъ богатырей Татты. Мѣряясь съ ними, онъ прислонялся къ высокому дереву и пальмой дѣлалъ надъ головой зарубку; верхомъ подъѣзжали богатыри и, къ огорченію своему, едва доставали отмѣтки, держа кыми въ вытянутой рукѣ.

По обычаю времени брать женъ изъ чужихъ родовъ и дальнихъ мѣстъ,—Кыччи высваталъ сыну невѣсту въ нынѣшнемъ Борогонскомъ улусѣ. Женихъ не разъ навѣщалъ свою невѣсту; дорога проходила мимо жилища извѣстнаго въ то время стараго шамана, по имени Тябиресь. Однажды, ему пришлось проѣзжать верхомъ на конѣ мимо шамана въ то время, какъ старикъ стояли возлѣ своей юрты, поддерживаемый подъ руки сыномъ и мочился. «Что за видѣніе такое? человѣкъ-ли это, чудовище или гора движется? Что-то страшное!» — воскликнулъ въ испугѣ его сынъ, увидѣвъ проѣзжаго богатыря. Слѣпой шаманъ велѣлъ сыну позвать и остановить его. «Кто-бы ты ни былъ, необыкновенное существо, куда-бы и зачѣмъ ни ѣхалъ, остановись; такъ велитъ шаманъ Тябиресь; остановись и скажи, кто ты!»

Но женихъ торопился къ своей невѣстѣ и, не отзываясь на крики, подвигался впередъ. Ему встрѣтились 4 воза сѣна, которые онъ могучимъ своимъ тѣломъ заслонилъ отъ глазъ любопытныхъ, на крики высыпавшихъ изъ юрть шамана. Старикъ обидѣлся, разсердился и сказалъ: «Ослушаніе и пренебреженіе къ старому шаману не пройдетъ тебѣ даромъ, молокососъ! и ты отвѣтишь за это передъ духами!»

По прибытіи въ домъ своей невѣсты, Кут заболѣлъ, палъ въ безсознательное состояніе и скоро умеръ. Въ бреду онъ все повторялъ: «Тябиресь, старый шаманъ, о пощади меня и не такъ больно терзай (грызи) мою голову!»

Узнавъ причину смерти своего любимаго сына, Кыччи немедленно собралъ свое родовое войско и двинулся на Борогонскаго шамана. Они разграбили его имущество, убили его самого и семью его, увели въ плѣнъ женъ родовичей, дѣтей, весь его скотъ и многихъ рабовъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ нѣкто, по имени—Нысъ. Отъ него ведетъ свое происхожденіе цѣлый родъ этого имени, живущій въ нашихъ мѣстахъ. Съ его потомками вы имѣете дѣло теперь»,—добавилъ разсказчикъ.

Онъ, видимо, зналъ родословную того населенія, среди котораго мнѣ предстояло прожить не мало времени, и я просилъ его разсказать ее, какъ она сохранилась въ памяти этого населенія.

Мы, зарѣчные якуты, началъ онъ, т. е. живущіе по правую сторону Лены, особенно же, жители сѣверо-восточныхъ улусовъ, ведемъ свое происхожденіе отъ Эллея (или Эллян), женившагося на пріемной дочери Омогойбай-тоена (Омогоя-богатаго человѣка). Этотъ Омогой жилъ гдѣ-то далеко отсюда, въ южной странѣ. Тѣсимый другими племенами, онъ оставилъ свою родину и вмѣстѣ съ родовичами, женами, дѣтьми, рабами, и скотомъ своимъ укочевалъ на сѣверъ, разыскивая просторныхъ и урожайныхъ мѣстъ для житья. Выйдя въ долину большой рѣки, они болѣе не покидали ея и шли все дальше. Они подвигались медленно и долго и въ пути лишились своихъ желѣзныхъ орудій, замѣнивъ ихъ костяными. Потерявъ желѣзныя вещи и забывъ это мастерство, они не научились еще дѣлать нужные предметы изъ дерева.

Наконецъ, они пришли къ большому озеру въ этой долинѣ, что недалеко отъ нынѣшняго города, названнаго Сайсары, и тутъ расположились на житье. Они не знали никакихъ ремеслъ и занимались однимъ скотоводствомъ.

У Омогой-бай-тоёна было нѣсколько женъ, 4 сына и двѣ дочери,—одна красавица родная и другая—пріемная, не красивая собой.

Такъ жили они на Сайсары.—Вскорѣ, изъ той-же южной родины къ нимъ пришелъ Эллей, по прозванію Эр-соготох (одинокій мужчина). [1])

Эллей былъ высокаго роста, красивъ лицомъ, скроменъ и трудолюбивъ. Онъ умѣлъ все дѣлать, и все спорилось въ его ловкихъ рукахъ. Кромѣ того, онъ былъ мастеръ и кузнецъ, имъ-же принесены столярные и кузнечные инструменты, какъ арбыjа̀, адылга̀, кӧбӱj (скобель), сӱтӓ (топоръ), быгах (ножъ), и т. п. Онъ познакомилъ и другихъ съ желѣзнымъ мастерствомъ и научилъ ихъ дѣлать деревянную посуду и разную утварь. Будучи одинокимъ и бѣднымъ, онъ поступилъ въ работники къ Омогою богатому господину. Эллей, работалъ у него долго и усердно; своимъ смиреніемъ, кроткимъ нравомъ и ровнымъ обхожденіемъ онъ стяжалъ себѣ общую любовь и расположеніе. Но главная жена Омогоя не разъ замѣчала, что мужъ ея терялъ свое обычное величавое спокойствіе, начиналъ волноваться и даже дрожать всѣмъ тѣломъ каждый разъ, какъ неожиданно появлялся Эллей,—и вообще при встрѣчахъ съ нимъ. Однажды, она замѣтила ему это и спросила, отчего это происходитъ. Омогой разсердился, сказалъ, что она все выдумываетъ, и чуть не прибилъ ея, но жена не унималась и заявила, что докажетъ правоту своихъ словъ. Она подала ему боль-

шой чоронъ наполненный кумысомъ; въ это время въ юрту вошелъ Эллей, и у Омогоя такъ затряслись руки, что онъ пролилъ и расплескалъ кумысъ по полу. Тогда Омогой-бай признался въ своей слабости и сказалъ женѣ, что Эллей, ихъ работникъ, не простой-же человѣкъ, что онъ, должно быть, хорошаго происхожденія и вполнѣ заслуживаетъ быть ихъ зятемъ. Поэтому, не отдать-ли за него одну изъ своихъ дочерей. Эллею сдѣлано предложеніе, и онъ сказалъ, что изъ двухъ сестеръ возьметъ себѣ жену по своему выбору. Высмотрѣвъ мѣсто, гдѣ онѣ мочились, онъ замѣтилъ, что пріемная дочь Омогоя выпускала большее количество пѣнистой мочи, изъ чего заключилъ, что она должна быть плодовита. Послѣ этого заявилъ, что женится на ней. Родная-же дочь Омогоя, давно неравнодушная къ красивому и удалому работнику съ досады и горя удавилась собственными косами. Ожиданія Эллея сбылись: они жили счастливо и имѣли многочисленное потомство.

Когда на Сайсары стало очень многолюдно и жить вмѣстѣ стало тѣсно, потомки Омогой-бая и Эллея раздѣлились и со своими стадами разбрелись въ разныя стороны, отыскивая простора и кормовыхъ мѣстъ. Возлѣ рѣки Лены, особенно по лѣвую сторону ея, остались сыновья Омогоя и ихъ потомство, изъ котораго и вышелъ знаменитый Тыгынъ, такъ долго воевавшій съ русскими. [2]).

На правую сторону рѣки и дальше на сѣверъ, въ лѣса, вышли потомки Эллея; со своими стадами, главнымъ образомъ, коннаго скота, они тянулись въ разныя мѣста, занимая долины рѣчекъ и котловины аласовъ, кочуя съ мѣста на мѣсто и промышляя лисицу, соболя и горностая, которые водились еще тогда въ дремучихъ лѣсахъ. Первыми вышли туда четыре сына Эллея: Ан-Очяі-оіуи (1-й шаманъ въ тѣхъ мѣстахъ), Кытанах-баллы, Альчагар-нямнях и Ӱрӱнг-бас-Болтонго (ӱрӱнг-бас—бѣлая голова). Ихъ прямые потомки стали лучшими людьми и родоначальниками среди якутовъ тѣхъ мѣстъ; пользуясь вліяніемъ среди нихъ и отдаленностью разстоянія, они дольше всѣхъ сопротивлялись завоеванію русскихъ, не признавали ихъ власти и не платили ясакъ. Многіе изъ нихъ погибли, попавъ въ ловушку, разставленную хитрымъ русскимъ военачальникомъ: онъ построилъ просторный навѣсъ на подвижныхъ столбахъ, покрылъ его тяжелыми бревнами, засыпалъ ихъ землей, и пригласилъ на празднество многихъ родоначальниковъ изъ наиболѣе строптивыхъ и упорныхъ. Якуты не

устоятъ передъ угощеніемъ, и ихъ собралось множество. Когда гости, усѣлись за столами, уставленными яствами и выпивкой, по знаку начальника, столбы были выдернуты, и тяжелый навѣсъ обрушился на головы неосторожныхъ гостей *).

Родоначальникомъ нашего улуса былъ внукъ Эллея и сынъ младшаго изъ 4-хъ братьевъ—Ӱрӱнг-бас-Болтонго, по прозванію Батыръ или Батуръ. Это былъ богатый тоёнъ, владѣвшій безчисленными стадами скота и толпой рабовъ. Возлѣ него кормилось множество бѣдныхъ, и со всѣхъ сторонъ къ нему обращались за помощью; его называли не иначе, какъ «бай-тоенъ». Изъ дальнихъ странъ и даже люди другого племени приходили къ нему и находили пріютъ и пищу. Такъ, однажды съ рѣчки Куолома (притокъ Алдана) пришла къ нему цѣлая семья тунгусовъ, по прозванію Тобохъ **). Они пришли къ бай-тоену и сказали: «Промыселъ нашъ оскудѣлъ, стада наши (оленей) погибли отъ безкормицы, наши люди повымерли отъ голода и болѣзней и мы сами, оставшіеся, едва живы,—накорми насъ, бай-тоёнъ, помоги, и мы будемъ вѣчные рабы твои!» Батуръ накормилъ ихъ, далъ имъ скота и отправилъ обратно въ ихъ прежнія мѣста. Тамъ они жили еще долгое время, посылая дани богачу, но въ концѣ-концевъ тунгусы вернулись вновь къ Батуру и были приняты въ число его работниковъ. Съ теченіемъ времени они перемѣшались съ его родовичами и вошли въ составъ тѣхъ родовъ, которые произошли отъ поколѣнія Батура. У него было много женъ, и одну изъ нихъ (главную) звали Хатылы. Ея именемъ называются и понынѣ якуты, считающіе свою родословную по ея прямому потомству (хатылинскіе наслеги). Изъ многихъ сыновей Батура мы знаемъ одного только Кыччи, о которомъ сохранилось преданіе; объ ихъ женахъ намъ извѣстно только то, что, по обычаю того времени, онѣ не называли тестя по имени, даже въ отсутствіе его и въ разговорахъ между собою; большею частью, онѣ прибѣгали къ описательнымъ словамъ и кличкамъ, выражавшимъ особенности его наружности или характера; но чаще всего, онѣ также звали его «бай-тоенъ». Изъ сыновей Кыччі'я вы уже знакомы съ младшимъ Кут-Оешгеі; двухъ старшихъ звали Кутуях и Агаі; послѣдній былъ моложе и одинъ изъ первыхъ принялъ крещеніе; сынъ его

*) Эта-же легенда приведена І. С. Москвинымъ въ его статьѣ «Воеводы и начальники г. Якутска и ихъ дѣйствія». Памятная книжка Якутской области за 1863 г. Дѣйствіе отнесено имъ ко времени воеводы Головина (1638—1643 гг.).

**) Тобох—остатокъ, вѣроятно, рода.

Джогджинъ—по крещеніи Михаилъ—былъ мой дѣдъ. Я помню его хорошо и отъ него я узналъ все, что разсказываю теперь». Съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣлъ я на этого якутскаго аристократа и носителя древнихъ фамильныхъ преданій. Во всей его фигурѣ, нѣсколько тучной и дородной, въ его осанкѣ, медлительной и величавой, было, дѣйствительно, что-то важное и родовитое. Широкое, скуластое лицо, длинный, толстый и горбатый носъ, темный цвѣтъ волосъ, глазъ и лица дополняли образъ первобытнаго тюркскаго бай-тоёна, какимъ я представлялъ его себѣ. Но иллюзію разрушали густые темные съ просѣдью бакены, черные усы, не совсѣмъ чисто выбритый подбородокъ и широкія дугообразныя брови. Все это, вмѣстѣ, скорѣе придавало ему видъ краснаго карымскаго князька, чѣмъ чистаго представителя племени. При этомъ я вспомнилъ многихъ видѣнныхъ мною новоиспеченныхъ тоёновъ съ большою примѣсью русской крови; я вспомнилъ также двухъ бородатыхъ его родственниковъ, своею наружностью выдѣлявшихся изъ безбородой, скуластой и косоглазой толпы инородцевъ,—и на моемъ лицѣ невольно сказалось, вѣроятно, внутреннее сомнѣніе...

— Вы, видимо, удивляетесь моей наружности,—сказалъ онъ, какъ-бы угадывая мои мысли. Моя бабушка съ материнской стороны была русская, дочь казака, нѣкогда поселившаяся среди насъ въ качествѣ писаря. Всѣ мы—Бѣлгородовы и наша родня Павловы и Иполитовы,—такъ-же, какъ и всѣ прямые потомки нашихъ именитыхъ предковъ, меньше всего сохранили чистоту нашего племени. Вліянію русскихъ подвергались больше всего наши лучшіе и родовитые люди: они первые крестились, они-же чаще и смѣшивались съ пришельцами. Личные разсчеты, желаніе закрѣпить за собою власть въ округѣ и упрочить свое положеніе, роднясь съ власть имущими, побуждали тоёновъ измѣнять обычаямъ предковъ; съ другой стороны, недостатокъ женщинъ заставлялъ русскихъ брать женъ изъ среды инородцевъ и, по преимуществу, изъ наиболѣе зажиточныхъ, родовитыхъ и именитыхъ. Но эти явные и открытые браки—ничто въ сравненіи съ тѣми многочисленными тайными связями, которыя въ теченіе вѣковъ видоизмѣняли нашу первоначальную внѣшность. Я не говорю уже о тунгузской примѣси. Вспомните только ту массу поселенцевъ, писарей, казаковъ и всякаго люда, который изъ года въ годъ приходилъ въ наши захолустья, а также и то, что каждый населенный пунктъ дѣ-

лался центромъ управленія съ значительнымъ числомъ представителей свѣтской и духовной власти; вспомните, что въ нашихъ мѣстахъ вотъ уже полтораста лѣтъ пролегаетъ Охотскій трактъ съ его непрерывнымъ движеніемъ русскихъ: отправкой каторжныхъ въ заводы -- въ началѣ вѣка, ѣздою купцовъ—по торговымъ дѣламъ и т. п., и вамъ станетъ вполнѣ ясно, откуда среди насъ эти бородатые и свѣтлоглазые люди, которые такъ тщательно скрываютъ свою родословную и которые, нерѣдко, служатъ предметомъ шутокъ и остротъ со стороны своихъ-же родовичей.

Мы заговорились далеко за полночь и не замѣтили, какъ наступило утро: красная полоса востока разгоралась сильнѣе, обливая окрестности розоватымъ отблескомъ зари; столбы испареній, поднимавшихся съ болотъ и озеръ, какъ изъ дымовыхъ трубъ, слились въ одно сплошное облако тумана и окутали густой пеленой всю котловину; очертанія береговъ стушевались,—лишь чуть мерещилась голая вершина булгуньяха. Притихшія, было, птицы вновь занѣли свои веселыя пѣсни; сбившійся въ кучу возлѣ дымокура скотъ, потягиваясь и расправляясь, брелъ въ разныя стороны. Трава была совсѣмъ мокрая, въ воздухѣ сыро и холодно. Работники уже сновали по двору, женщины суетились и готовились къ первому удою. Мы разошлись по своимъ мѣстамъ.

Но этотъ безпрерывный и дразнящій свѣтъ, врывавшійся въ окна вмѣстѣ съ отзвуками не утихающей лихорадочной жизни, больно рѣзалъ мои закрытые глаза и ударялъ по и безъ того напряженнымъ нервамъ. Я уже не старался уснуть и невольно отдался власти впечатлѣній.

Я вспоминалъ эти «предметы шутокъ и остротъ», какъ выразился мой хозяинъ. Я видѣлъ ихъ—этихъ метисовъ—вездѣ и даже въ такихъ глухихъ углахъ, гдѣ присутствіе ихъ казалось мнѣ необъяснимымъ. Они всегда представляли необычайную смѣсь типическихъ особенностей съ преобладаніемъ признаковъ господствующаго племени. Они отличались отъ него только отклоненіями въ окраскѣ кожи и волосъ, болѣе правильнымъ построеніемъ и большимъ благообразіемъ лица, нерѣдко красотой его, особенно женщины. Глядя, на эти выразительныя лица, на эти крѣпкія фигуры, я всегда припоминалъ ходячія мнѣнія о вырожденіи и печальныхъ слѣдствіяхъ смѣшенія двухъ раз-

пародныхъ расъ. Я удивлялся ассимиляціонной способности этого живучаго и энергичнаго якутскаго племени, силѣ и устойчивости его основныхъ признаковъ, которые не сглаживаются въ теченіе вѣковъ чуждыми и разнородными вліяніями. Каждый разъ при этомъ мнѣ припоминался и мой крестьянинъ—ямщикъ, и многіе другіе амгинцы,— и я убѣждался, что это индивидуальныя отклоненія и оттѣнки одного того-же первоначальнаго облика. И мнѣ кажется, что возвратъ къ основному типу поддерживается количественнымъ преобладаніемъ древнихъ признаковъ и относительною слабостью чуждой примѣси; — достигается-же, главнымъ образомъ, древними обычаями якутовъ и, въ частности, склонностью ихъ къ экзогенетическому браку. Якуты берутъ себѣ женъ, по возможности, изъ дальнихъ странъ и не близкихъ по крови родовъ. Этимъ путемъ, чуждая примѣсь изъ центровъ обрусѣнія заносится въ самые дальніе, неподверженные посторонимъ вліяніямъ, углы; хотя она и вызываетъ тамъ упомянутыя отклоненія, но постепенно растворяется и ослабляется въ преобладающихъ и болѣе устойчивыхъ особенностяхъ племени. Но тѣмъ-же путемъ достигается реставрація утерянныхъ и уклонившихся признаковъ. Въ эти центры со всѣхъ сторонъ и непрерывно движутся первобытныя свѣжія силы и неуклонно приносятъ съ собой старые, устойчивые элементы;—послѣдніе легко выдерживаютъ борьбу съ неустановившимися и шаткими измѣненіями, вытѣсняютъ ихъ и, по меньшей мѣрѣ, ослабляютъ въ значительной степени.

Такимъ образомъ, эти центры обрусѣнія нерѣдко обращаются въ настоящіе очаги невидимой расовой борьбы, шансы которой переходятъ отъ одной стороны къ другой. Мнѣ казалось, что побѣдительницей не всегда выходила «низшая раса», что въ борьбѣ она теряетъ нѣкоторыя свои типическія особенности и, въ большинствѣ случаевъ, является обновленной и окрашенной характернымъ колоритомъ своего противника.

Особенно замѣтно это на прекрасныхъ представительницахъ племенной борьбы. Я не помню ни одной безобразной метиски; напротивъ, въ моей памяти встаютъ вереницы стройныхъ, дородныхъ, бѣлолицыхъ и свѣтлорусыхъ красавицъ, явно указывающихъ на физическое совершенствованіе, а не на деградацію и вырожденіе. Красота ихъ не типична и оригинальна; ихъ происхожденіе обличается сразу всѣми особенностями русскаго вліянія и вы безошибочно опредѣляете даже степень

его. Это не простая случайность: женщины и дѣти—наилучшіе выразители чистоты типа, всѣхъ его особенностей и отраженныхъ вліяній прошлаго. Во многихъ юртахъ, среди населенія наименѣе монголовиднаго, мое вниманіе приковывали дѣтскія лица—настоящія Katzengesichter, по выраженію Миддендорфа,—плоскія, круглыя лица съ плоскими-же носами, узкими, далеко отстоящими глазами, маленькими заросшими лбами, торчащими ушами и т. п. наиболѣе рѣзко выраженными чертами монгольскаго типа. То-же встрѣчается и среди женщинъ. Послѣ дѣтей, онѣ наиболѣе сильно проявляютъ особенности своего племени и представляютъ два рѣзко отличные физическіе типа: тюрко-монгольскій и тюрко-славянскій.

Въ проявленіи послѣдняго типа, быть можетъ, не малую роль играетъ наслѣдственная передача свойствъ отъ отца къ дочери. Извѣстно, что русскія женщины рѣдко выходятъ замужъ за якутовъ, да и вообще ихъ мало среди инородцевъ; значительно-же чаще, въ большинствѣ случаевъ смѣшанное потомство происходитъ отъ браковъ русскихъ съ якутами.

Такъ думалъ я и, наконецъ, заснулъ. Было уже совсѣмъ поздно, когда меня разбудили къ чаю. Въ испугѣ открылъ я глаза,—мнѣ снились какіе-то страшные сны. Я помню, что являлся мнѣ Омогой-бай—толстый, тучный тоёнъ съ короткими конечностями и длиннымъ туловищемъ, плосколицый и плоконосый съ широкими скулами и узкими косыми глазами,—настоящій выходецъ монгольскихъ степей, раздобрѣвшій на обильныхъ кормовищахъ богатой долины Сайсары; съ нимъ былъ его работникъ Эллей—высокій стройный юноша съ длинными руками, съ смуглымъ продолговатымъ и слегка скуластымъ лицемъ и крючковатымъ носомъ; онъ созывалъ народъ и всѣ бѣжали къ рѣкѣ. Въ лодкѣ сидѣли два казака, изможденные и усталые со сверкающими голубыми глазами и что-то показывали на воду, жестикулируя веслами. Толпа бросилась къ лодкѣ, видимо, желая опрокинуть ее, но весла взмахнули, какъ крылья, и унесли ее далеко, далеко...

Стараюсь спрятаться и быть незамѣченнымъ. Волненіе еще не улеглось. Присматриваюсь къ толпѣ и съ изумленіемъ вижу на темномъ фонѣ волнующихся черныхъ головъ свѣтлыя точки: бѣлыя лица, русые волосы, сѣрые глаза. Я стараюсь приблизиться и уловить ихъ взоромъ, но онѣ ускользаютъ, эти лица прячутся и скрываются. Откуда и почему онѣ здѣсь? Смѣхъ и шутки въ толпѣ...

За чаемъ мы вновь разговорились, и я узналъ продолженіе генеалогіи моего хозяина. Его прадѣдъ Агаі былъ младшій братъ Кутуяха. Оба они равно наслѣдовали огромныя богатства своего отца—Кыччи. Оба они были одинаково богаты и вліятельны среди инородцевъ своей страны. Но духъ соперничества, тщеславіе и жажда славы мѣшали имъ жить въ мирѣ. Каждый изъ нихъ старался вытѣснить и заслонить другого, упрочить свое вліяніе въ ущербъ другому, угодить властямъ и уронить въ ихъ глазахъ противника. Особенно, усердствовалъ Кутуяхъ. Онъ вѣчно спорилъ и ссорился съ братомъ, льстилъ и всячески домогался признанія своей единоличной власти въ краѣ.

Въ числѣ другихъ родоначальниковъ, Кутуяхъ былъ, однажды, вызванъ *) въ Иркутскъ, а оттуда въ столицу, гдѣ въ то время были озабочены вопросами объ устройствѣ якутовъ и крещеніи ихъ. Что обѣщалъ онъ и крестился-ли самъ,—не извѣстно. Извѣстно только, что на родину онъ прибылъ съ большею пышностью, украшенный кафтаномъ и кортикомъ. Ему также поручено было собирать ясакъ, чинить судъ и расправу среди инородцевъ.

У себя, дома, Кутуяхъ засталъ большія перемѣны: братъ его—Агаі, распоряженіемъ съ юга-же, назначенъ князьцемъ, носилъ кортикъ и исполнялъ тѣ-же обязанности, какія поручены ему. Въ качествѣ старшаго и наибольшаго въ своихъ владѣніяхъ, онъ зоветъ брата къ отчетности и устраиваетъ ему западню: при въѣздѣ во дворъ, Агаі видитъ множество полускрытыхъ вооруженныхъ людей, на него сыплются тучи стрѣлъ, но онъ ловко уклоняется отъ ударовъ и, выхвативъ пальму у одного изъ нападавшихъ, рубитъ ею направо и налѣво. Досада Кутуяха удвоилась и онъ жаловался на брата за причиненныя ему обиды; онъ обвинялъ его въ томъ, что тотъ, вооруженный, ворвался къ нему въ домъ съ явнымъ намѣреніемъ убить его самого и убилъ многихъ изъ защищавшихъ его рабовъ. Онъ жаловался также и на непослушаніе брата, какъ младшаго и подчиненнаго по должности. Власти оправдали Агаі, но Кутуяхъ не унимался, продолжалъ тяжбу и кляузы, доводя ихъ до свѣдѣнія высшихъ чиновъ, и умеръ въ городѣ, не дождавшись окончательнаго рѣшенія.

Агаі былъ вызванъ въ Иркутскъ, гдѣ успѣлъ оправдаться и получить одобреніе. Одинъ изъ сановниковъ увѣщевалъ его тутъ-же принять крещеніе и личнымъ примѣромъ повліять на своихъ родовичей.

*) Или самъ вызвался.

«Это противъ моихъ понятій,—сказалъ Агаі,—если я крещусь здѣсь, якуты подумаютъ, что я трусъ, испугался начальства и принялъ христіанство по принужденію; они сочтутъ меня измѣнникомъ, и я потеряю силу и вліяніе среди моихъ соплеменниковъ. Я обѣщалъ быть христіаниномъ и принять крещеніе у себя дома: якуты увидятъ и сами пожелаютъ послѣдовать за мной». Въ залогъ-же и подтвержденіе своихъ словъ онъ тутъ-же просилъ окрестить своего маленькаго сына, котораго онъ привезъ туда съ собою. «Это былъ Джагджинъ, мой дѣдушка,—пояснилъ разсказчикъ. Возвратившись домой, Агаі сдержалъ свое слово и склонилъ къ крещенію многихъ родовичей своихъ. Тамъ-же,—закончилъ онъ,—гдѣ не было такихъ вліятельныхъ людей и склонныхъ къ православію, какъ Агаі, или-же, гдѣ они противились ему,—тамъ христіанство вводилось медленно, туго и съ большими непріятностями для обѣихъ сторонъ».

Даже въ лѣсу было невыносимо душно. Раскаленное солнце, какъ будто вознаграждая себя за долгое зимнее воздержаніе, лило на землю цѣлые потоки жгучаго зноя. И оскудѣвшая земля быстро воспринимала и жадно поглощала ихъ, раскрывала передъ ними свои омертвѣвшія и обледенѣвшія нѣдра и откликалась веселымъ роемъ молодыхъ побѣговъ, цвѣтовъ и зелени. Все смолкло передъ этимъ тайнымъ обмѣномъ горячей ласки... Все живое притаилось и замерло, какъ-бы въ сознаніи важности торжества обновленія... Даже комары перестали звенѣть въ воздухѣ, лѣзть въ носъ и уши и, очарованные—безсильные, скрылись въ темнотѣ чащи.

Слышенъ только легкій топотъ копытъ по мягкому ковру лѣсныхъ тропинокъ, постукиванье вьюковъ о бока лошадей да гортанное пѣніе ямщика, похожее то на завываніе звѣря, то на плачъ дитяти. Легкая стынь моего джоро (иноходца) укачиваетъ, какъ въ колыбели, я почти не открываю глазъ и только изрѣдка далеко впереди, точно призраки, покажется мнѣ это длинное туловище въ нахлобученной шапкѣ; оно подпрыгиваетъ и качается въ высокомъ сѣдлѣ,—то вынырнетъ въ прозрачномъ воздухѣ, то скроется за деревьями, и мнѣ чудится, что мы не въ пути, а что это шаманъ прыгаетъ, и скачетъ, и кривляется, и въ бубенъ стучитъ, и себѣ подпѣваетъ..

Да, это онъ предсказываетъ, что будетъ урожайный годъ, много сѣна въ лугахъ и рыбы въ озерахъ, что скотъ войдетъ въ хотоны въ

полномъ жиру, а люди въ зимники—безъ заботъ и труда. Но вотъ онъ поетъ что-то про своихъ вспотѣвшихъ лошадей, про жару и разлившуюся рѣку,—черезъ нее онъ будетъ таскать на спинѣ тяжелые ящики, и онъ замочитъ ихъ, и русскій разсердится .. Нѣтъ, русскій не будетъ ругать его,—онъ добрый: деньги платитъ, и чаемъ поитъ, и табакъ даетъ... Къ тому-же, онъ такъ любитъ сказки! Эти жители юга такіе страшные и капризные люди... Вотъ она, близко,—эта русская рѣчка! Нѣкогда, въ старину, въ долину ея нагрянули русскіе казаки. Они рыскали по всей странѣ въ поискахъ добычи и дорогихъ мѣховъ, шли по пятамъ убѣгавшихъ въ лѣса мирныхъ жителей и явились туда съ Татты. Они напали врасплохъ и взяли съ собой много скота и дорогихъ вещей. Собравшись въ большомъ числѣ, наши люди догнали ихъ въ пути и отомстили: скотъ свой, какой остался, забрали, а казаковъ перебили. Только двое изъ нихъ остались въ живыхъ, но не могли спастись бѣгствомъ: съ подстрѣленными руками и ногами они притаились въ кустахъ и лежали тамъ, пока ихъ случайно открыли. Они все лепетали «лучше», «лучше», и мы называемъ русскихъ «нутча» и рѣчку тѣмъ-же именемъ (Нутча—правый притокъ Татты).

Когда я очнулся отъ гипноза, въ который былъ повергнутъ однообразными и заунывными звуками,—мы спускались съ горки, и передъ нами вновь открылась широкая долина Татты, вся залитая блескомъ свѣта на темномъ фонѣ воды и зелени Нельзя было разобрать, гдѣ кончаются озера и начинается русло рѣки,—все слилось въ одинъ сплошной потокъ, заливший луга и покосы. Многіе лѣтники казались мелкими островками, которые должны исчезнуть съ каждымъ приливомъ волны. Сквозь густую дымку синевы темнѣлъ гористый правый берегъ рѣки, а тамъ, вдали, на горизонтѣ я смутно отгадывалъ ложбину рѣчки Нутча, чернымъ рубцомъ разсѣкающую сплошной хребетъ. Налѣво—все тѣ-же мягкіе душистые луга, изгороди и юрты безъ конца.

А вотъ, на холмѣ, и старая рѣзная коновязь, потрескавшаяся отъ вѣтра и дождей, почернѣвшая отъ времени,—одинокій памятникъ былого. Тутъ жили Тераспинскіе богатыри.

Одинъ изъ нихъ былъ женатъ на красавицѣ. Въ отсутствіе мужа, къ ней зашли два другихъ богатыря-сосѣда, давно желавшіе поиграть, помѣряться силой и потягаться съ женатымъ удальцомъ. Войдя въ юрту, они застали ее спящей у пылающаго комелька, повернувши голо-

ву въ сторону, противоположную отъ нихъ. Она сидѣла неподвижно и не обращала вниманія на вошедшихъ. Одинъ изъ братьевъ хотѣлъ поцѣловать ее и, приблизившись, взялъ ее руками за голову, но голова осталась неподвижной, и всѣ его старанія повернуть къ себѣ остались тщетными: только на кожѣ и щекахъ красавицы остались глубокіе слѣды его пальцевъ. Наконецъ, пришелъ и самъ хозяинъ, онъ также сѣлъ возлѣ огня. На немъ почти не было одежды, и только кожаный покровъ частью скрывалъ отъ глазъ его наготу. Вдругъ горящая головня съ трескомъ упала на его обнаженную ногу, но онъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ разговоръ съ пріятелями. Однако огонь дѣлалъ свое дѣло, и у него выгорѣло на ногѣ большое пятно, и обнажилась рана. Братья со страхомъ глядѣли на него и хотѣли бѣжать, но богатырь просилъ ихъ остаться, угощалъ и въ заключеніе устроилъ игры, въ которыхъ показалъ имъ свою силу и ловкость; особенно, отличался онъ въ бѣганьи и прыганьи. Когда гости ушли, мужъ сталъ упрекать жену въ невниманіи къ себѣ, говоря: «Ты видѣла, какъ огонь упалъ на мою ногу, какъ пожиралъ онъ мое тѣло, и ты не захотѣла снять головню и тѣмъ избавить меня отъ мучительнаго ожога!» Въ отвѣтъ жена показала ему свое лицо и на немъ слѣды пальцевъ одного изъ гостей и сказала: «Но еще раньше ты не пожелалъ избавить меня отъ любезностей твоихъ друзей!»

Когда отецъ этихъ двухъ братьевъ достигъ глубокой старости, такъ что не въ состояніи ужъ сталъ добывать себѣ пропитаніе и участвовать въ похожденіяхъ сыновей,—онъ просилъ ихъ и умолялъ избавить его отъ тяготы жизни и заживо похоронить его. Онъ говорилъ: «убейте меня,—я уже старъ и никуда не годенъ; главное-же, я слабъ и не могу защищаться отъ враговъ. Лучше умереть, чѣмъ терпѣть нужду и безнаказанно выносить обиду». Сыновья долго не соглашались, но вынуждены были исполнить волю отца: они вырыли яму и, набивъ ему ротъ конскимъ жиромъ, толкнули туда и засыпали землей. Три раза поднималась насыпь надъ тѣломъ заживо-погребеннаго [3])...

На южной сторонѣ холма, возлѣ самой дороги видны и сейчасъ остатки костра сгорѣвшей надмогильной постройки воздвигнутой впослѣдствіи потомками самоотверженнаго родоначальника.

Далеко, впереди, виднѣлась коническая вершина берестянаго шалаша (ураса). Точно шапка великана, качалась она въ воздухѣ, кивала

и манила къ себѣ; ближе,—она казалась бѣлымъ куполомъ огромнаго чернаго зданія, таинственно выросшаго надъ поверхностью водъ. Но вотъ обрисовались контуры острова, широкое основаніе урасы и у подошвы ея куча построекъ—русскіе дома, юрты, амбары, хотоны и клѣтчатыя изгороди. Это помѣстье богатаго и извѣстнаго въ томъ краю тоёна.

Встарину, когда всѣ эти мѣста заняты были тунгусами, на что указываютъ названія рѣкъ и рѣчекъ: Амга, Татта, Нангмара, Тея и проч.—слова, видимо, тунгусскія,—на этомъ островѣ поселился извѣстный въ то время шаманъ со всѣмъ своимъ родомъ. Онъ выселился съ береговъ Лены, перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто и шелъ впередъ, пока его передовой скотъ, найдя хорошій кормъ, не остановился. Это мѣсто названо Тохтобут—остановился (т. е. скотъ). Тутъ остановились и мы...

Тутъ-же, невдалекѣ, въ долинѣ рѣчки Нангмары, находится небольшое озеро Халынг-Мустах (толстый ледъ); берега его усѣяны небольшими холмами, остатками древнихъ насыпей и форпостовъ, за которыми укрывались враждовавшія войска; по преданію въ нихъ зарыты доспѣхи, золото и серебро нѣкоторыхъ военачальниковъ. Съ высоты этихъ холмовъ наносились другъ другу смертельные удары двумя враждебными родовыми войсками—Кутуяха, правнука Боятонго и—Багрынья, правнука Алчагара, потомковъ двухъ родныхъ братьевъ.

Мы уже знакомы съ нравомъ Кутуяха, не щадившаго даже родного брата,—тѣмъ менѣе сдерживалъ онъ свое властолюбіе, хищныя и стяжательныя наклонности по отношенію къ другимъ, не столь близкимъ по крови, но опаснымъ соперникамъ. Къ тому-же, онъ былъ очень богатъ и его многочисленныя стада простирались отъ Татты до Амги, размножались быстро и нуждались все въ новыхъ и новыхъ пастбищахъ. Чувствовалась тѣснота въ земляхъ, и Кутуяхъ требовалъ у Багрыныи уступки нѣкоторой части изъ его обширныхъ луговыхъ угодій. Послѣдній наотрѣзъ отказалъ ему въ этомъ, и тогда Кутуяхъ рѣшилъ силою оружія принудить его къ уступкѣ.

Однажды утромъ, при восходѣ солнца, на холмистыхъ берегахъ озера собрались войска противниковъ. Кутуяхъ занялъ выступъ—мысъ на правой сторонѣ озера, Багрынья расположился на такомъ-же холмѣ лѣваго берега,—нѣсколько вкось, и перестрѣлка началась...

Въ это время, мимо самаго поля сраженія проходилъ въ Охотскъ казенный обозъ съ провіантомъ и др. припасами. Начальникъ его,

увидѣвъ сражающихся, пріостановилъ обозъ и подошелъ къ ближайшему военачальнику—Кутуяху. Послѣдній командовалъ своимъ отрядомъ въ полной парадной формѣ въ кафтанѣ съ блестящими пуговицами и медалью, на боку висѣлъ серебряный кортикъ. Указывая на эти знаки отличія, русскій сталъ упрекать его въ нарушеніи довѣрія къ нему начальства, въ томъ, что онъ подаетъ другимъ дурной примѣръ сѣять смуту и вражду вмѣсто умиротворенія и расправы, какъ это подобаетъ должностному лицу, облеченному знаками власти. Кутуяхъ оправдывался и говорилъ, что можетъ сложить оружіе, когда ему уступятъ требуемую землю. Русскій позвалъ Багрынью и обратился къ нимъ обоимъ съ просьбою прекратить битву; онъ говорилъ имъ, что они родственники и братья, что они разорятъ народъ войнами и что лучше для нихъ обоихъ покончить споръ мировою. Противники долго спорили между собою и, наконецъ, согласились на посредничество русскаго, который, разобравъ тяжбу, рѣшилъ въ пользу Кутуяха часть спорной земли. Войска разошлись, но впослѣдствіи они еще не разъ собирались и враждебно встрѣчались на холмахъ этого озера и долины.

На досугѣ я осматривалъ эти любопытныя историческія мѣста. Въ этой экскурсіи меня сопровождалъ одинъ интеллигентный инородецъ, который давалъ посильныя объясненія на нѣкоторые мои вопросы и недоразумѣнія.

— Напрасно вы думаете, —сказалъ онъ по поводу одного моего замѣчанія,—напрасно вы полагали-бы, что Кутуяхъ представляетъ примѣръ, исключительный и рѣзкій по особенностямъ своей хищной и сварливой натуры. Это было въ духѣ того времени. Наши родоначальники, крупные богачи того времени, тоены и шаманы, были люди сытые и довольные, заносчивые и властолюбивые, тщеславные и честолюбивые. Они соперничали между собою изъ-за власти и вліянія, изъ-за богатствъ и земель, ссорились и дрались изъ-за женщинъ, нерѣдко изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ. Обладая богатствами, которыя обезпечивали существованія ихъ и потомковъ ихъ, держа въ кабалѣ все родственное имъ населеніе, они вели между собою повсемѣстныя и безконечныя войны, которыя кончались иногда полнымъ истребленіемъ цѣлыхъ родовъ, въ большинствѣ-же случаевъ—перемѣщеніемъ центровъ вліянія и богатства, а также перетасовкой въ распредѣленіи населенія и его типическихъ особенностей (напр., уводъ въ плѣнъ женъ, дѣтей и рабовъ).

Земля, т. е. луга, пастбища и покосы, считалась собственностью того рода, который впервые захватилъ ихъ. Съ увеличеніемъ-же народонаселенія, съ раздробленіемъ первоначальнаго рода на боковые отпрыски и вѣтви, районъ перваго заселенія долженъ былъ расшириться; но никто не хотѣлъ добровольно оставлять давно насиженныя мѣста, и споръ рѣшался на полѣ брани: уступалъ тотъ, кто былъ слабѣе, и, въ лучшемъ случаѣ, искалъ себѣ незанятыхъ мѣстъ, перекочевывалъ на вольныя пастбища и въ промысловые лѣса, подвигался на сѣверъ и сѣверо-востокъ; въ худшемъ—дѣлался данникомъ побѣдителя. Земельные споры кровавой полосой проходятъ черезъ всю исторію якутскаго народа. Къ концу прошлаго вѣка эта полоса, правда, чернѣетъ, но это потому, что изъ руки тоена вырвали пальму и вмѣсто нея вложили ему кляузное перо. Загадочный узелъ не разрубится уже болѣе, но запутывается все сильнѣе..

Особою ожесточенностью отличались войны изъ-за женщинъ. Недостатокъ ихъ въ родѣ, обычай брать себѣ жену изъ другого —не кровнаго рода, а часто и невозможность уплатить калымъ за дорогую невѣсту вызывали похищеніе женщинъ, кончавшееся кровавымъ мщеніемъ обиженнаго рода. Бѣдняку, работнику и господскому рабу не приходилось и тогда привередничать: онъ бралъ себѣ жену, гдѣ и какую случалось. Богачи, богатыри и удальцы, нерѣдко имѣвшіе до десяти женъ, кичившіеся своимъ происхожденіемъ и положеніемъ, всегда стремились къ равному браку: высматривали именитыхъ и богатыхъ невѣстъ для себя или сыновей своихъ и выбирали лучшихъ красавицъ. Нерѣдко они встрѣчали отказъ, неумѣренныя требованія калыма или оскорбительныя насмѣшки или отзывы,—и тогда загоралась война, въ которую втягивался весь родъ. Оскорбленіе, нанесенное родоначальнику или сыну его, чувствовалось всѣмъ родомъ и смывалось кровью обидчиковъ, воюющіе сражались до послѣдняго издыханія, пока оставался въ рядахъ хоть одинъ человѣкъ; побѣдители рѣзали и опустошали все кругомъ, уводили съ собою женщинъ и скотъ побѣжденныхъ.

Родовую месть вызывали иногда оскорбительные отзывы (даже за глаза), о богатырѣ или важномъ тоенѣ, пренебрежительное отношеніе къ богатому шаману, убійство, задѣтое самолюбіе и т. п. (напр., войны Омолона, Кыччи и др.). Большею частью эти войны кончались миромъ въ самомъ началѣ. Если поводъ былъ не серьезный,—напр., личная обида или дурной отзывъ,—побѣжденная или ослабѣвшая сторона

просила пощады, и побѣдители соглашались на уступку. Вся контрибуція побѣжденныхъ состояла въ хорошемъ угощеніи для побѣдителей. Послѣдніе всѣмъ лагеремъ располагались во дворахъ побѣжденныхъ, какъ у себя дома, занимали лучшія и почетныя мѣста въ юртахъ и урасахъ,—на оронахъ и на полу,—и ждали угощенія. Потерпѣвшіе рѣзали лучшихъ кобылъ и коней, варили въ большихъ котлахъ, ѣли мясо досыта, пили кумысъ доньяна, и пиръ длился не одинъ день. Торжество кончалось играми и единоборствомъ.

Въ рядовыхъ войнахъ принимали участіе не всѣ родовичи, но только способные носить оружіе, люди наболѣе сильные, смѣлые и удалые. Они отличались высокимъ ростомъ и физическою силою; возможно, что эти особенности передавались наслѣдственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Хотя они жили у богатырей, тоёновъ и богатыхъ родоначальниковъ въ качествѣ подневольной и послушной силы, но никогда не исполняли черныхъ работъ и не унижались до положенія простыхъ работниковъ. На ихъ обязанности лежала защита и охрана господскаго скота и имущества, въ мирное время, и полная, безпрекословная готовность выступать въ походъ,—по первому требованію тоёна, въ случаѣ войны или тревоги. Большинство этихъ воиновъ приходило съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ мѣстъ, привлекаемые славою, богатствомъ, могуществомъ или подвигами богатыря или тоёна. Иногда они бросали его и уходили къ другому, болѣе блестящему повелителю, но чаще оставались у одного, служили ему пожизненно, были женаты и имѣли дѣтей, которыхъ обучали ремеслу отцовъ.

Выступая въ походы, каждый изъ воиновъ облачался въ желѣзный панцырь, въ видѣ рубахи облегавшей грудь и шею, въ одной рукѣ держалъ лукъ, въ другой—пику (ӱпӱ), а за спиной имѣлъ колчанъ со стрѣлами (кäгäх или кäсäх), —все это въ пѣшемъ строю. По командѣ стрѣлять, воины втыкали въ землю свои копья и пускали стрѣлы въ противниковъ. Въ конномъ-же сраженіи,—въ аттакѣ верхомъ на коняхъ,—воины, кромѣ упомянутаго оружія, имѣли еще сабли—батыя и батас. Первая покороче, была заткнута за поясъ, вторая,—сабля побольше и съ болѣе длиннымъ древкомъ, достигавшимъ высоты лба, перевязывалась ремешкомъ, петлей накидывалась на руку и такимъ образомъ висѣла на ней до востребованія, когда ею приходилось рубить противника.

Боевой отрядъ каждаго изъ враждующихъ тоёновъ рѣдко превышалъ количество въ 50—60 человѣкъ. Выстроивъ своихъ воиновъ шеренгами въ нѣсколько рядовъ, предводитель, указывая на противниковъ, командовалъ: «ну, перестрѣляйте мнѣ этихъ чертей до единаго!» Воины втыкали въ землю свои пики и осыпали враговъ тучами стрѣлъ. Когда сила противниковъ не поддавалась, вожакъ кричалъ: «че! барын бысынг!» (ну, крошите ихъ!), и все войско съ дикимъ крикомъ бросалось въ рукопашную, рубя пиками и батыями направо и налѣво. Иногда изъ всего отряда оставался одинъ, но онъ предпочиталъ быть заруб.ленным на мѣстѣ, чѣмъ бѣжать къ своимъ на смѣхъ и поруганіе...

Когда я проѣзжалъ долиной Нангмары, на холмистыхъ берегахъ этой рѣчки и маленькаго озерка не видно было вооруженныхъ, выстроенныхъ въ шеренги воиновъ, не слышно было ни грозной команды: «че! барын бысынг!», ни яростнаго крика атаки. Кузнецы не ковали стрѣлъ, пикъ и батый, шаманы не призывали на острія оружія Ильбис-хана и его свирѣпую дочь «тетушку Ильбис-кыга»,—ничто не указывало на приготовленія къ рѣшительной битвѣ. Только слышенъ зловѣщій скрипъ многочисленныхъ писарскихъ перьевъ да грозный и горячій споръ «лучшихъ» людей въ родовыхъ собраніяхъ. Многотысячнымъ эхо отзывается онъ по долинѣ и рѣзко откликается въ каждой юртѣ, при каждой встрѣчѣ двухъ знакомыхъ или незнакомыхъ—все равно.

Это послѣдній актъ долгой и глухой борьбы, пятилѣтняго земельнаго спора между тремя смежными и родственными наслегами. На всѣхъ языкахъ имя Василія Кошкина, старосты и представителя одного изъ Хатылинскихъ наслеговъ, всѣ говорятъ о шансахъ на успѣхъ его притязаній. Всѣхъ задѣваетъ и трогаетъ эта неномѣрная жадность тоёна, требующаго огромной прирѣзки земли изъ владѣній двухъ смежныхъ наслеговъ—Жулейскаго и 1-го Хаяхсытскаго. Своими жалобами и просьбами онъ наводнилъ всѣ присутственныя мѣста; то и дѣло получаются предписанія удовлетворить его, то и дѣло пріѣзжаетъ начальство, допрашиваетъ и созываетъ собранія депутатовъ и родоначальниковъ.

Пять лѣтъ тянется эта тяжба, въ теченіе пяти лѣтъ получаетъ онъ отказъ отъ большинства 27 наслеговъ противъ 4-хъ, поддерживающихъ его притязанія,—но онъ не унимается. Онъ отстаиваетъ интересы своего наслега и обиженныхъ родовичей! Но развѣ послѣдніе не

испытали на себѣ его тяжелую руку? Развѣ послѣ наводненія 89 года онъ оказалъ имъ помощь, а въ неурожайный 92-й годъ подѣлился съ ними изъ своихъ обширныхъ запасовъ сѣна, изъ которыхъ 130 возовъ сгорѣло случайно? Жулейцы не забыли еще, что имъ пришлось вмѣшаться въ темныя дѣла Кошкина, разорившаго двухъ ихъ родовичей, и что имъ пришлось постановленіемъ общества запретить ему косить за долги покосы одного изъ этихъ двухъ бѣдняковъ.

Послушать Кошкина,—можно подумать, что положеніе Хатылинцевъ, въ сравненіи съ другими наслегами, приняло крайніе предѣлы, угрожающіе ихъ благосостоянію, въ настоящемъ, и платежной способности, въ будущемъ. Они страдаютъ отъ малоземелья, неурожайности покосныхъ мѣстъ, дороговизны сѣна, несоотвѣтствія платежей съ доходностью земель, вслѣдствіе чего часто вынуждены перекочевывать въ другіе наслеги для прокорма скота...

Но имъ, Жулейцамъ и Хаяхсытцамъ, хорошо извѣстно Кошкинское безкорыстіе и истинные мотивы его благороднаго заступничества. У нихъ есть свои Кошкины, и они тоже не дадутъ въ обиду своихъ родовичей и не менѣе ярко опишутъ всѣ невзгоды и бѣды своихъ наслеговъ. Они имѣютъ своихъ писарей и также знаютъ дорогу къ вліятельнымъ особамъ. Уравненіе земель и покосныхъ мѣстъ! Кто и когда мѣрялъ и размежевывалъ эти земли? Кѣмъ и по чьему указанію постановлены эти межевые знаки, обозначены наслежныя грани, разверстаны мелкіе участки? Русская власть никогда не вмѣшивается во внутреннія распорядки улусовъ, а наши тоёны всегда умѣли и нынѣ умѣютъ ловко отклонять въ сторону всякій шагъ ея, угрожавшій ихъ могуществу и богатству. Правда, предки Кошкина были тогда еще люди маленькіе, но Аенитъ Догордуровъ не забылъ свою родню; къ тому-же, они были ловкіе и умные люди. Кому не извѣстно, какъ легко утаиваются земли, какъ облыжно показывается количество урожая и покосныхъ мѣстъ въ различныхъ вѣдомостяхъ, которыя ведутся изъ года въ годъ для формальной отчетности? Малоземелье! А развѣ у нихъ, Жулейцевъ и Хаяхсытцевъ, мало безземельныхъ, вѣчно закабаленныхъ въ чужомъ трудѣ? Не платили-ли они по 3 руб. за возъ сѣна въ недавнюю голодовку, покупая его у тѣхъ-же богачей въ счетъ будущаго лѣтняго заработка или подъ масло, которое они скопятъ путемъ лишеній и недоѣданія семьи? Развѣ не случается и имъ въ тяжкую годину неурожая, голодовокъ, скотскаго падежа, оспы или дру-

гихъ бѣдствій покидать свои родныя мѣста и уходить къ сосѣдямъ, иногда и въ далекія мѣста, чтобы прокормить свою семью и скотъ въ долгую зимнюю стужу?.

Такъ разсуждали и роптали маленькіе люди при встрѣчахъ другъ съ другомъ, за чаемъ передъ комелькомъ и въ небольшихъ родовыхъ собраніяхъ. На большихъ совѣтахъ они отсутствовали или вовсе или стояли на заднемъ планѣ, скромно и пассивно,—за нихъ говорили «лучшіе люди»,—выборные и родоначальники.

Когда я возвратился въ городъ, на улицахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ я не разъ встрѣчалъ пожилого, высокаго, сухощаваго и сутуловатаго тоёна съ сумрачнымъ длиннымъ лицемъ, съ какой-нибудь бумагой въ рукѣ. Рядомъ съ нимъ всегда шелъ маленькій бойкій паренекъ, головой едва достававшій ему до плеча. Это былъ Василій Кошкинъ со своимъ писаремъ. Онъ озабоченно и неутомимо хлопоталъ по своему земельному иску, но, какъ я узналъ позже, совершенно напрасно и безуспѣшно

Н. Г.

ПРИМѢЧАНІЯ:

Къ стр. 287. Въ одной старинной якутской рукописи это событіе разсказано такъ: «у чужеземцевъ — бурятъ жилъ-былъ Омогой, сынъ Каярана, проницательнаго ума и злопамятнаго характера человѣкъ съ 3-мя женами, 4-мя сыновьями, 2-мя дочерьми и множествомъ братьевъ и невѣстокъ. Враждуя—сердясь со своими соплеменниками, надумалъ: не дурно-бы найти мѣсто въ далекой сторонѣ и зажить тамъ. Посовѣтовавшись съ преданными ему (соплеменниками) и своими семейными и посвятивъ ихъ въ свою тайну, убѣгаютъ, сами не вѣдая куда и гоня свой скотъ. Шествуя такимъ образомъ, попали на большую рѣку, внизъ по которой и пошли; письменность, какая была у нихъ по тому времени, въ пути этомъ пришла въ забвеніе. Зайдя порядочно таки далеко, населили эту хорошую страну; бывшее тамъ небольшое озеро назвали именемъ «Сайсары». Зажили они въ этой странѣ, и единственнымъ господиномъ и наибольшимъ былъ у нихъ

Омогой—богатый господинъ. Когда Омогой разстался со своимъ народомъ, тамъ оставался меньшой его братъ, по имени Эллей. Выросши, человѣкъ этотъ, будучи такого-же образа мыслей и характера, какъ и Омогой, и такъ-же враждуя со своимъ народомъ, пошелъ одинъ на-угадъ Зайдя далеко, нашелъ мѣсто, гдѣ давно разведены были людьми костры, и узналъ, что здѣсь прошли его соплеменники и что по этому пути пойдетъ и онъ; пошедши, такъ-же наткнулся на большую рѣку, по которой и прибылъ къ Омогою—богатому господину». Переводъ съ якутскаго Л. І. Л—ля.

Въ рукописи Борогонскаго улуса, отчасти послужившей матеріаломъ для статей В. Л. Приклонскаго «Три года въ якутской области», помѣщенныхъ въ «Живой Старинѣ» за 1891 г.,—сказано такъ: «первымъ прибылъ сюда изъ Татаръ племени Саха богатый человѣкъ, по имени Омогой-бай съ нимъ братъ жены Омогоя, Улу-Хора, и рабы,—всѣхъ ихъ было 13 человѣкъ». Пришедшій позже Эр-Эллій названъ бурятомъ. Жену Омогоя звали Сара; дочь—Ника-Харасхын и другую—Ан-Чинигаг.

Къ стр. 288. О завоеваніи и пришествіи сюда русскихъ существуетъ множество преданій и варіантовъ ихъ: въ разныхъ мѣстахъ они различны, отличаются особенностями творческой фантазіи сказочниковъ и приспособлены къ исторіямъ мѣстныхъ родоначальниковъ и героевъ. Въ Намскомъ улусѣ о пришествіи русскихъ разсказываютъ такъ: «Нѣкогда, къ якутамъ, жившимъ по Ленѣ, забрели три русскіе-казака. Инородцы никогда не видавшіе такихъ странныхъ, волосатыхъ и свѣтлоглазыхъ людей, долго дивились имъ и не знали, что имъ дѣлать съ этими пришельцами, не понимавшими ихъ языка и объяснявшимся жестами. Кто-то предложилъ обратить ихъ въ рабовъ—работниковъ. Но старикъ Нам, сынъ Ан-Эрясь-юна и внукъ Омогой-бай-тоена, родоначальникъ Намскаго улуса, удержалъ ихъ отъ этого. «Берегитесь!» сказалъ онъ—«эти люди просты, но умомъ сильны. Придетъ время, когда они поработятъ васъ самихъ»! И предложилъ отпустить ихъ. Русскіе вошли въ лодку и поплыли внизъ по Ленѣ. Черезъ много лѣтъ съ ними прибыло цѣлое войско казаковъ, которые и покорили якутовъ.

Въ упомянутой выше рукописи это событіе представлено такъ: «Знаменитые шаманы, видѣвъ видѣніе, (однажды) сказали: (люди) другаго облика, чѣмъ мы, съ глубокосидящими иного цвѣта глазами, съ большими носами, съ волосатою нижнею частью лица, съ тѣсною едва

только вмѣщающей ихъ тѣло одеждой. Много народу находитъ, безвыходная бѣда, безпросвѣтное горе наступаетъ: много народу собирается и совѣтъ держатъ, просятъ и молятъ шамана, богатые даютъ ему плату, чтобы убралъ ихъ назадъ. На это шаманъ много сутокъ подъ рядъ шаманитъ, но заявляетъ, что не одолѣваетъ (ничего не можетъ сдѣлать), и оставляетъ. «Я заставлялъ саховъ—народъ духовъ—засыпать пескомъ рѣку, чтобы остановить ея теченіе, но ничего изъ этого не вышло. Ибо послѣ того двойникъ (кордук умершаго человѣка), похожій наружностью на провидѣнный мною народъ, пришедъ, разметалъ этотъ песокъ». Поэтому, видя, что грядущей бѣды ничемъ не отвратить, плача-досадуя, оставилъ. Народъ тогдашній (скоро) забылъ про это и жилъ беззаботно еще сколько-то лѣтъ, т. е. до пришествія двухъ русскихъ, которые попали въ работники къ Тыгыну, сыну Дархана, и служили у него долго. Не смотря на предостереженія жены, Тыгынъ довѣрился имъ и когда они попросили у него земли, сколько займетъ бычья кожа,—онъ также согласился. Разрѣзавъ кожу на тонкіе ремни, русскіе захватили ими огромную площадь земли, поставили на ней колья—межевые знаки, а сами ушли невѣдомо куда. Якуты недоумѣвали, но на третій годъ явились русскіе въ большомъ количествѣ и на мѣстахъ, обозначенныхъ кольями, поставили городъ (крѣпость).

Къ стр. 297. Аналогическое преданіе сохранилось и о родоначальникѣ 1-го Исдейскаго наслега Батуругскаго улуса. Кромѣ этого древняго обычая—хоронить дряхлыхъ стариковъ при жизни,—существовалъ другой, болѣе поздній—снаряжать покойника всѣми предметами, окружавшими его при жизни. Нерѣдко хоронили вмѣстѣ съ однимъ или двумя рабами,—любимцами покойника. Въ большинствѣ случаевъ этотъ жестокій обычай обходился, видимо, безъ излишнихъ жертвъ и замѣнялся слѣдующимъ ритуаломъ: умершаго тоёна привозятъ къ могилѣ его любимый рабъ. Онъ садится верхомъ на обреченнаго къ жертвѣ коня и быстро мчится къ зіяющей впереди ямѣ. Онъ направляется туда съ такимъ разсчетомъ, чтобы конь запнулся о край ямы, и не перепрыгнулъ ее; конь спотыкается и падаетъ въ могилу, а обреченный рабъ падаетъ въ сторону и избавляется отъ смерти: земля не принимаетъ его. Еще недавно, пережитокъ этого обычая сказался въ похоронахъ богатой и родовитой якутки одного изъ сѣверныхъ наслеговъ Якутскаго округа. Когда все было приготовлено къ погребенію, всѣ ея родственники и домочадцы отправились къ могилѣ одной сто-

роной аласа; по другому-же краю его медленно двигалась похоронная процессія—запряженный въ сани быкъ, тащившій прахъ усопшей; ихъ сопровождалъ любимый работникъ покойницы. По прибытіи къ могилѣ, онъ не примінулъ запнуться о яму, упасть и откатиться далеко въ сторону въ знакъ того, что онъ желалъ-бы сопровождать свою госпожу и въ другой міръ, но земля отвергла и не принимаетъ его.

По Восточной Маньчжуріи

въ 1895—96 году.

На западъ отъ нашихъ отдаленныхъ владѣній, образующихъ Приморскую область, по восточному берегу Азіи, расположена безлюдная страна, которая, составляя восточную часть Маньчжуріи, извѣстна въ Китаѣ подъ именемъ Сѣверныхъ горъ.

Укрывшись въ сторонѣ отъ міровыхъ путей и охраняемая суровой природой горнаго рельефа, при отсутствіи населенія и придирчивости властей сосѣднихъ китайскихъ провинцій, она не занимаетъ видная мѣста въ литературѣ извѣстныхъ путешествій по Азіи, и лишь не ясными контурами, предположительно зачерчена на географическихъ картахъ.

До сихъ поръ лишь немногимъ европейцамъ удавалось проникнуть сюда, и эти немногіе, приподымая край таинственной завѣсы надъ невѣдомой страной, освѣщаютъ то уголокъ земли съ дикимъ враждебнымъ населеніемъ и подозрительными китайскими чиновниками, то одиноко стоящій при пустынной дорогѣ китайскій военный карауль, оплотъ отъ хунхузовъ, то извивающуюся скалистымъ горнымъ ущельемъ, прегражденную камнями тропу, то уединенную фанзу съ клочкомъ обработанной земли.

Часть сѣверныхъ горъ между русской границей и р. Мудань-дзянь представляетъ возвышенную страну, заполненную отрогами горныхъ хребтовъ и изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ ущельями и горными долинами рѣкъ.

По поверхности этой возвышенности выдѣляются три параллельныхъ магистральныхъ водораздѣла: пограничный хребетъ (Ванъ-лунъ-гоу), Тай-пинъ-линъ и Чанъ-линъ-цза. Общее направленіе ихъ болѣе или менѣе близко къ направленію меридіана, а средняя высота на перевалахъ около 300 саж. *).

*) Подробныя свѣдѣнія о топографіи страны составятъ предметъ спеціальной статьи.

Съ этихъ перевалокъ виденъ далекій горизонтъ, задернутый снизу непрозрачною сизою дымкой; въ ней утонули ущелья, долины и холмистыя очертанія высотъ. Лишь мѣстами, подымаясь съ глубины надъ поверхностью ея, точно плаваютъ въ туманѣ скалистые гребни хребтовъ и отдѣльныя вершины сопокъ.

На сѣверѣ и западѣ возвышенность обрѣзана долинами рѣкъ Амурской системы, на востокѣ, ограниченная въ видѣ порога Русско-Китайскимъ хребтомъ, она падаетъ крутымъ скалистымъ уступомъ, выдѣляя въ наши предѣлы хребетъ Сухотэ-Алинъ, который, обнимая Южно-Уссурійскій край, рѣзко опредѣляетъ и топографическій характеръ и климатическія особенности этого края. На югѣ заполняющіе страну отроги хребтовъ, соединяясь, проходятъ между верховьями притоковъ Суй-фунъ, Мурень и Мудань-дзянь, двумя хребтами: Лоэ-линъ и Чанълинъ-цзы. Эти хребты, подымаясь, направляются къ пересѣченію въ верховьяхъ р. Суй-фунъ, географическое положеніе которой еще не обслѣдовано.

Землистый слой, прикрывающій массивъ горной страны, крайне незначителенъ; по откосамъ отдѣльныхъ сопокъ, ущелій и рѣчныхъ долинъ всюду скалистыя обнаженія. Рѣки также текутъ по каменистому ложу. Судя по обнаженіямъ, горныя породы распредѣляются здѣсь слѣдующимъ образомъ: въ юговосточной части страны, по хребту Ванълунъ-гоу — архейскіе граниты, гнейсы и кристаллическіе известняки. Отъ хребта Ванъ-лунъ-гоу породы эти, распространяясь съ одной стороны на сѣверо-западъ, по рѣкѣ Джу-анъ-цзя-гоу, образуютъ хребетъ Лоэ-линъ, а съ другой стороны, на сѣверо-востокъ, образуютъ возвышенности обоихъ береговъ долины Сяо-Суй-фунъ и слагаются въ верхнемъ теченіи р. Селин-хэ, по восточному склону хребта Тай-пинъ-линъ и по возвышенностямъ праваго берега долины Маціо-хэ. Въ вершинѣ долины Бадаохэцза, въ средней части долины Селин-хэ и по лѣвому берегу долины Мурень, у устья Лю-люза-хэ, залегаютъ метаморфическіе сланцы и песчаники.

Въ промежуткѣ между названными группами породъ расположены изверженныя породы, а именно: по среднему теченію Бадао-хецза — порфиры, по лѣвому берегу нижняго теченія Селинхэ — діориты и діабазы; на перевалѣ хребта Тай-пинъ-линъ — базальты; по восточному склону его — порфиры, а по западному, вдоль р. Хулинхэ, сначала діориты и діабазы, а ниже — граниты и сіениты; по правому берегу

Мурея, у подножія западнаго склона хребта Яо-лин-за—базальты; хребетъ Чанъ-линъ-за сложенъ изъ діоритовъ и діабазовъ, а отрогъ его между рѣками Піенза и Пелодза оканчивается возвышенностями базальтоваго сложенія.

Орошающія страну рѣки, сближаясь вершинами горныхъ ручьевъ, зарождаются въ смежныхъ ущельяхъ и сбѣгаютъ по горнымъ долинамъ въ бассейны системъ Суйфунъ, Мурень и Мудань-Дзянъ.

Рѣка Суйфунъ, среднее и нижнее теченіе которой принадлежитъ Россіи, въ верхней части совсѣмъ не изслѣдована. Истоки ея даже не нанесены на географическія карты.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ на мѣстѣ, нужно полагать, что она начинается на горномъ узлѣ, образующемся пересѣченіемъ хребтовъ Лоэлинъ и Мухдехенъ, приблизительно подъ 44° широты, откуда течетъ на сѣверо-востокъ до впаденія въ нее слѣва р. Сяо-Суйфунъ (Волынка), послѣ чего, поворачивая подъ прямымъ угломъ, и направляясь сначала на юго-востокъ, а затѣмъ прямо на востокъ, принимаетъ съ правой стороны р. Ушагоу и вступаетъ въ предѣлы Россіи.

Отъ Сяо-Суйфуна до нашей границы Суйфунъ имѣетъ характеръ горной рѣки съ мелкими перекатами; по ней производится сплавъ лѣса. Долина ея, ограниченная мѣстами холмистыми возвышенностями, мѣстами крутыми скалистыми утесами, то расширяется до 2—4 верстъ, образуя прекрасныя мѣста для земледѣльческой культуры, то сжимается береговыми высотами почти до ширины рѣки. Маньчжурскіе притоки Суйфуна, вливаясь въ него черезъ Сяо-Суйфунъ, имѣютъ верховья, сбѣгающія съ покатостей болѣе или менѣе значительной крутизны, а въ среднемъ и нижнемъ теченіи они представляютъ горныя рѣки, извивающіяся по дну долинъ съ высокими, крутыми и нерѣдко утесистыми берегами.

Мѣстами долины имѣютъ видъ узкихъ, извилистыхъ горныхъ ущелій. По дну долинъ встрѣчаются болота. Русла рѣкъ каменистыя.

Рѣка Мурень (въ меженнюю воду шириною 18 саж. и среднею глубиною 0,40 саж.) протекаетъ по дну широкой и ровной долины съ высокими, крутыми скалистыми берегами. По Мурею можетъ производиться сплавъ лѣса и движенье на лодкѣ. Общій характеръ притоковъ Муреня сходенъ съ притоками Сяо-Суйфуна, но верховья ихъ, кромѣ рѣки Хулмихэ, образуются узкими и глубокими, скалистыми ущельями.

Рѣка Мудань Дзянь имѣетъ характеръ удобной славной рѣки. Она протекаетъ по обширной долинѣ, съ возвышеннымъ скалистымъ правымъ берегомъ. Горы лѣваго берега значительно удалены отъ рѣки. Ширина рѣки въ меженюю воду 52 саж., средняя глубина 0,60 саж. Скорость теченія 2,46′ въ 1″.

Справа рѣки Мудань Дзянь открывается широкая, пологая долина Эхэ, съ берегами бугристаго характера, и ровная долина Мудони, шириною около одной версты и длиною двадцать верстъ.

Названныя рѣчныя системы образуются слияніемъ множества мелкихъ рѣчонокъ. Вообще страна орошена чрезвычайно обильно. По дну ущелій и горныхъ расщелинъ всюду пробѣгаютъ ручьи. Вода просачивается по скалистымъ откосамъ и пробивается ключами у подножія возвышенностей, образуя по пологимъ покатостямъ и плоскимъ долинамъ мелкія болотца и топи.

Послѣдними особенно славится долина Маціохэ, въ которой есть топкое мѣсто, названное, вслѣдствіе большаго числа увязшихъ и погибшихъ въ немъ лошадей,— «Лошадиный мостъ». Даже склоны значительной крутизны, будучи покрыты густыми зарослями кустарниковой или травянистой растительности и въ большинствѣ кочковатые, бываютъ пропитаны водою все лѣто. Такое обиліе водъ обусловлено физико-географическими свойствами страны. Расположенная между 44 и 45 градусами широты при значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, она не достаточно защищена отъ вліянія холоднаго сѣвернаго теченія Японскаго моря. Это теченіе, направляясь съ сѣвера черезъ Татарскій проливъ, идетъ вдоль береговъ материка. Вліяніе его на климатъ страны выражается общимъ пониженіемъ лѣтней температуры и обиліемъ атмосферныхъ осадковъ, приносимыхъ южными и юго-западными вѣтрами, преобладающими здѣсь въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы.

Ограждающіе страну отъ этихъ вѣтровъ хребты, при высотѣ въ 2—3 тысячи футъ, не въ состояніи защитить ее, хотя они все-таки нѣсколько умѣряютъ вліяніе этихъ вѣтровъ, что выражается отсутствіемъ здѣсь лѣтомъ тѣхъ частыхъ густыхъ и холодныхъ тумановъ, которымъ подвержено все сѣверное побережье Японскаго моря.

Вліяніе-же дующихъ съ Желтаго моря, къ тому-же болѣе рѣдкихъ теплыхъ юговосточныхъ вѣтровъ, парализуется высокимъ хребтомъ Чабо-шань.

Зимою страна находится подъ вліяніемъ сухихъ и холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, тяжелыя волны которыхъ, спускаясь по терасовиднымъ уступамъ Монгольской возвышенности, притекаютъ сюда изъ далекой холодной Сибири.

Лучшее время года здѣсь осень,—тихая, сухая и ясная.

Въ 1895 году осенняя погода установилась въ первыхъ числахъ сентября, и до начала октября термометръ не падалъ ниже нуля Первый морозъ наблюдался въ долинѣ Баэлохецза 4-го октября въ 6 час. утра.

Къ концу ноября морозы ночью и на восходѣ солнца достигали 10° R, но въ полдень, въ большинствѣ, термометръ показывалъ +

Въ ночь съ 30-го ноября на 1-е декабря выпалъ первый снѣгъ, и установилась зима. Рѣки начали покрываться льдомъ около 20-го ноября.

Въ эту зиму слой снѣга на ровныхъ открытыхъ мѣстахъ, въ среднемъ, былъ толщиною около 1'.

Наибольшіе морозы были въ декабрѣ, когда они доходили до 30° R

Въ теченіе зимы была три раза пурга. Зима эта по разспроснымъ свѣдѣніямъ не была исключительной. Вообще зимы здѣсь снѣжныя, холодныя и ясныя. Преобладающіе вѣтры N и NW, сухіе и холодные. Теплый-же S и SO, нагоняя облака и повышая температуру, обыкновенно сопровождается обильнымъ выпаденіемъ снѣга и нерѣдко пургой, которая продолжается каждый разъ отъ 2-хъ до 4-хъ дней.

Для перевозокъ и работъ, особенно плотничныхъ, зима здѣсь вообще благопріятная и уступаетъ только осени, самому благопріятному времени года.

Весна холодная и сырая. Подъ вліяніемъ непрерывныхъ дождей рѣки, ручьи и болота переполнены водою, почва раскисаетъ, и дороги дѣлаются непроѣзжими. Таковы въ этой странѣ мартъ, апрѣль и май мѣсяцы. Рабочая производительность этого времени года весьма незначительна. Земляныя работы можно начинать лишь около половины мая (12—15 числа).

Немногимъ лучше бываетъ обыкновенно и лѣто. Частые дожди смѣняются лишь рѣдкими ясными днями. Воздухъ насыщенъ парами въ такой степени, что сохраняемыя даже въ закрытомъ помѣщеніи папиросы весьма трудно раскуриваются, а бѣлье и обувь зацвѣтаютъ. Такая погода въ концѣ лѣта, когда наступаетъ дождливый періодъ, смѣ-

няется проливными дождями, которые льютъ почти непрерывно иногда въ теченіе цѣлаго мѣсяца, прекращая совсѣмъ сообщенія и вызывая бѣдствія наводненій отъ переполненныхъ водою рѣкъ.

Кромѣ атмосферныхъ вліяній, и люди и животныя здѣсь страдаютъ лѣтомъ отъ гнуса. Нѣсколько различающихся цвѣтомъ и величиною разновидностей мошекъ, комаровъ и паута съ ожесточеннымъ остервенѣніемъ массами носятся вокругъ нихъ, не давая отдыха ни днемъ, ни ночью; эти мучители точно отбывая очередныя дежурства, аккуратно смѣняютъ другъ друга, не оставляя своимъ жертвамъ, въ теченіе сутокъ, ни минуты спокойнаго отдыха. Паутъ летаетъ лишь днемъ, и отъ него страдаютъ больше лошади; нерѣдко обезсиленныя непрестаннымъ отмахиваніемъ отъ паута, выбившись изъ силъ и покрытыя кровью, онѣ падаютъ, если человѣкъ во время не подоспѣетъ на помощь.

Появленіе комаровъ и мошекъ, безъ отношенія къ времени сутокъ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ силы вѣтра, при которомъ они не всегда въ состояніи направлять свой полетъ къ цѣли. Отъ нихъ больше всего страдаетъ человѣкъ, хотя и лошади не всегда въ состояніи переносить ихъ мученья.

Для избавленія отъ назойливаго мучительнаго преслѣдованія гнуса нѣтъ радикальнаго средства. Лучшее изъ извѣстныхъ, конечно, дымокуры.

Вліяніе гнуса несомнѣнно отражается на цѣнахъ и срочности лѣтнихъ работъ въ странѣ.

По продолжительности производительнаго рабочаго времени лѣтній періодъ, іюнь, іюль и августъ, здѣсь весьма незначителенъ.

Не красна здѣсь лѣтомъ погода. Небо пасмурно, и на раскисшую землю льются непрерывные дожди, но въ рѣдкіе дни, при ясной лазури, земля обливается горячимъ свѣтомъ полуденнаго солнца. Такое сочетаніе тепла и влаги, при невоздѣланности пустынной страны, создало здѣсь могучее растительное царство. Здѣсь гребни высокихъ хребтовъ увѣнчаны темной короной хвойныхъ лѣсовъ кедровъ, сосенъ и лиственницы. Густой подлѣсокъ изъ разнообразныхъ лиственныхъ породъ, спускаясь по склонамъ, образуетъ въ долинахъ густую чащу. Перевалы усѣяны лиственнымъ лѣсомъ. Преобладаетъ въ немъ дубъ, зимою сдѣтый въ осеннюю листву; съ нимъ перемѣшаны: кленъ, ясень и липа, и, отдѣляясь, бѣлѣютъ семейныя группы стройныхъ березъ и осинъ. По дну ущелій, гдѣ по каменистымъ русламъ пробѣгаютъ ручьи,

обыкновенно кустарниковая растительность, съ преобладаніемъ ивы. Одинокія сосны кой-гдѣ зеленѣютъ на темной поверхности обнаженныхъ скалъ. Буйная травянистая растительность покрываетъ дно широкихъ долинъ и пологіе влажные склоны.

Лиственные лѣса для сплошной вырубки, при лѣсныхъ заготовкахъ, для строительныхъ работъ не пригодны. Деревья, достигшія необходимаго развитія по высотѣ и толщинѣ, рѣдко имѣютъ совершенно здоровую древесину, не пораженную гнилью или червоточинами. Обыкновенно, годные для строительныхъ работъ экземпляры разъединены пространствомъ, занятымъ дровянымъ лѣсомъ. Хорошіе строевые лѣса имѣются въ верхнемъ теченіи Суйфуна изъ лиственницы и въ верховьяхъ Сылнхэ и Мурени—изъ кедра.

Изъ крупныхъ представителей млекопитающихъ здѣсь водятся: тигръ, барсъ, медвѣдь, волкъ, кабанъ, козуля, изюбръ и др.

Изъ птицъ очень много фазановъ и тетеревовъ.

Вообще растительное и животное царство достигло здѣсь могучаго развитія, но страна не покорилась еще человѣку. Пытливыя историческія изслѣдованія, унося воображеніе въ отдаленную эпоху глубокой древности, оживляютъ страну движеніемъ воинственныхъ народныхъ массъ. Въ VII в. въ сунгарійскомъ бассейнѣ и нашемъ Южно-Уссурійскомъ краѣ было Бохайское царство съ столицею около Нингуты. На мѣстѣ Бохая затѣмъ возникаетъ царство Киданей, которое въ XI в. уступаетъ мѣсто царству Гинъ, или Золотому.

Но, исполнивъ культурную миссію въ прошломъ, страна потеряла свою исторію и, позабытая человѣкомъ, застыла въ суровомъ величіи дикой природы. Въ теченіе многихъ вѣковъ, когда въ кровавой борьбѣ и мирной жизни народовъ и развивались и падали культуры другихъ странъ, въ странѣ Сѣверныхъ горъ совершался лишь процессъ разрушенія горныхъ породъ атмосферными вліяніями, да глухая тайга медленно, шагъ за шагомъ совершала свое завоеваніе.

Текущія событія нашего времени, привлекая политическіе интересы Европы на Азіатскій востокъ, создаютъ здѣсь новую эру для историческихъ судебъ страны Сѣверныхъ горъ. Европейская культура, въ непрестанномъ движеніи къ востоку непрерывнымъ Сибирскимъ путемъ, достигаетъ береговъ Великаго океана. Въ нашемъ Уссурійскомъ краѣ, пробуждая тайгу, быстро забился пульсъ народной жизни.

Подъ вліяніемъ этихъ событій Китай измѣняетъ вѣковымъ традиціямъ

маньчжурской династіи сохранить Маньчжурію для Маньчжуръ, и, вопреки коренному закону имперіи, воспрещающему выселеніе китайцевъ за предѣлы великой стѣны, созданіемъ административныхъ пунктовъ и матеріальной поддержкой переселенцевъ, стремится къ колонизаціи Сѣверныхъ горъ.

Предшествуя осѣдлому населенію, по тайгѣ разсыпаются манзы — бродяги, розыскивая чудодѣйственный драгоцѣнный корень жень-шень, промышляя цѣлебные панты и добывая дубовые грибы. Въ глухихъ ущельяхъ горныхъ ручьевъ производится хищническая промывка золота, бродятъ шайки хунхузовъ изъ озлобленныхъ до звѣрства нуждой и разбоемъ отбросовъ населенія китайскихъ провинцій. Формируясь изъ бѣглыхъ солдатъ, преступниковъ, бродягъ и вообще людей, лишенныхъ собственности и мѣстныхъ связей, шайки хунхузовъ и по настоящее время занимаются на дорогахъ грабежомъ путешественниковъ и купцовъ, а въ населенныхъ пунктахъ нерѣдко совершенно разоряютъ хозяйства зажиточныхъ людей, которыхъ обязываютъ взносомъ постоянныхъ налоговъ; нерѣдко хунхузы, похищая людей, жестокостями вымогаютъ выкупъ.

Вотъ факты этого рода, ближайшіе къ намъ.

Въ устьѣ долины Мудоши, въ населенной мѣстности, былъ большой винокуренный заводъ, нанесенный даже на географическихъ картахъ. При посѣщеніи нами, заводъ стоялъ бездѣйствующимъ и заброшеннымъ, хозяинъ бросилъ его, вынужденный къ тому хунхузами.

Расположенная у подножія хребта Ванъ-лун-гоу фанза Данъ, при слѣдованіи нашемъ въ Нингуты, въ концѣ сентября производила впечатлѣніе большими запасами окружавшихъ ее послѣ осенняго сбора хлѣбовъ. При обратномъ-же слѣдованіи, во время ночлега въ ней двухъ изъ моихъ спутниковъ, эта фанза подверглась нападенію хунхузовъ, и всѣ хлѣбные запасы были сожжены.

Пользуясь близостью границы, хунхузы проявляютъ свои подвиги и въ нашихъ предѣлахъ. Въ 1894 г. они напали ночью на Муравьевъ-Амурскій, конечную станцію открытой въ то время для движенія Южно-Уссурійской желѣзной дороги, и послѣ перестрѣлки разграбили магазинъ купца Овсянкина и убили подрядчика Попова.

Въ прежнее время случаи, подобные описаннымъ, составляли чуть не повседневныя явленія, чему много способствовала близость нашей границы, невыясненность нѣкоторыхъ пограничныхъ отношеній и пу-

стынность страны. Бывали примѣры, что хунхузы, соединяясь въ большомъ числѣ, образовывали цѣлые отряды. Такъ, въ 1868 году партія хунхузовъ въ шестьсотъ человѣкъ перешла границу, заняла принадлежащій намъ островъ Аскольдъ, въ пятидесяти верстахъ отъ Владивостока, и начала тамъ промывку золота. Высланное противъ нихъ военное судно заставило ихъ очистить островъ и перейти на материкъ въ семи верстахъ отъ острова. Здѣсь они разорили и выжгли село Никольское, деревни Шкотову и Суйфунскую и два поста.

Разбитые подоспѣвшими войсками хунхузы были оттѣснены за-границу.

Въ 1874 году партія хунхузовъ разграбила и выжгла часть Нингуты.

Для борьбы съ хунхузами богатые люди содержатъ караулы изъ вольнонаемныхъ солдатъ, китайское правительство устраиваетъ военные караулы для охраны дорогъ и селеній и высылаетъ военныя команды для поимки хунхузовъ, которые тутъ-же казнятся. Головы казненныхъ, для устрашенія оставшихся, выставляются на видныхъ мѣстахъ.

Однажды по дорогѣ въ Нингуту странный предметъ привлекъ наше вниманіе; при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ оказался подвѣшенной за косу къ дереву головою казненнаго хунхуза; голова была безъ ушей и помѣщалась въ деревянной клѣткѣ особаго устройства. Въ другомъ мѣстѣ у дороги валялась на землѣ подобная-же голова, но уже въ видѣ голаго черепа.

Во время нашего путешествія смѣнные часовые изъ сопровождавшаго насъ конвоя все время несли правильную караульную службу посмѣнно и день и ночь, а отъ начальниковъ китайскихъ карауловъ мы всегда имѣли указанія на мѣста, требующія особенной бдительности. Всѣ встрѣчавшіеся намъ въ пути купцы и вообще болѣе или менѣе состоятельные люди всегда имѣли при себѣ вооруженный конвой. Страхъ китайцевъ передъ хунхузами основанъ на той мстительной жестокости, съ которой хунхузы обходятся съ своей жертвой, подвергая ее съ особымъ наслажденіемъ истязаніямъ и мучительнымъ пыткамъ. Въ 1893 году въ Черниговской волости Приморской области былъ слѣдующій случай: задержанные по подозрѣнію четыре хунхуза препровождались въ Никольское, конвоируемые между селами мѣстными крестьянами по наряду. Такъ-какъ дѣло было въ страдную пору,

то, не желая отрываться отъ работы, крестьяне с. Осиновки отправили отъ себя арестованныхъ лишь подъ конвоемъ одного человѣка, который съ добродушной безпечностью повелъ ихъ. На другой день онъ былъ найденъ мертвымъ у дороги, раздавленный, съ обрѣзанными ушами и другими увѣчьями. Въ послѣдствіи виновныхъ судили въ Никольскомъ военно-окружномъ судѣ и приговорили къ каторгѣ, но, по слухамъ, они бѣжали изъ владивостокской тюрьмы.

Китайцы никогда не рѣшаются выдать хунхуза изъ опасенія мести. Въ прежніе годы, пойманные въ Приморской области хунхузы выдавались пограничнымъ китайскимъ властямъ, у которыхъ они обыкновенно выкупались оставшимися на свободѣ товарищами и, возвратившись обратно, мстили своимъ врагамъ. Конечно, хунхузы не могутъ быть такъ опасны для русскихъ, которыхъ они вообще боятся, какъ для трусливыхъ и слабыхъ китайцевъ *). Мнѣ лично близко извѣстенъ одинъ случай, когда (при постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги между станціями Свіягина и Спасская) два хунхуза, угрожая дряннымъ револьверомъ, остановили китайскій обозъ изъ сорока подводъ и потребовали выкупъ въ 300 рублей. Такъ-какъ такой суммы у подводчиковъ китайцевъ не оказалось, то хунхузы, отобравъ всѣ наличныя деньги ихъ (40 рублей), согласились отпустить обозъ съ обязательствомъ внести недоставшую сумму на обратномъ пути. Вскорѣ, однако, дѣйствовавшіе въ этомъ мѣстѣ хунхузы были разогнаны, и служившая имъ притономъ уединенная гольдская фанза сожжена распоряженіемъ администраціи.

Борьба съ хунхузами, озабочивая правительства двухъ сосѣднихъ имперій, привела къ почти совершенному уничтоженію ихъ въ нашихъ владѣніяхъ; но въ сосѣдней странѣ борьба не была столь успѣшна, чему много способствовала пустынность страны.

Съ обстоятельствомъ этимъ придется серьезно считаться при культивированіи страны, причемъ военная охрана потребуется не только въ постоянныхъ пунктахъ, но и для сопровожденія транспортовъ. Китайцы, даже при громадномъ численномъ превосходствѣ, не въ состояніи оказать никакого сопротивленія хунхузамъ, передъ которыми питаютъ паническій страхъ. Не смотря на жадность къ деньгамъ, они предпочитаютъ отказаться даже отъ хорошаго заработка, чѣмъ подвергать

*) Мой спутникъ М. Васильевъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ совершенно безопасно дѣлалъ отдѣльныя поѣздки.

себя риску случайной встрѣчи съ хунхузами. Вспоминаю одинъ случай изъ времени нашего пребыванія въ странѣ. Желая сдѣлать поѣздку отъ фанзы Данинъ и имѣя свѣдѣнія о томъ, что въ требуемомъ направленіи существуетъ тропа, я искалъ проводника, который могъ-бы провести насъ этою тропою. Вскорѣ изъ группы находившихся въ фанзѣ китайцевъ выдвинулся впередъ весьма развязнаго вида оборванецъ, который очень бойко заявилъ, что онъ всѣ мѣста отлично знаетъ и можетъ провести куда угодно; въ ночь наканунѣ поѣздки онъ исчезъ. Пришлось искать другого проводника, которымъ согласился быть одинъ изъ возчиковъ нашего обоза. Часовъ около десяти ночи, когда уже все было приготовлено для предстоящей поѣздки, которая по темнымъ намекамъ бывшихъ при насъ китайцевъ казалась опасной, я передалъ проводнику, что мы выѣзжаемъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня; вдругъ, совершенно неожиданно, онъ заявилъ, что не поѣдетъ съ нами. Никакіе уговоры и денежныя предложенія (я предлагалъ ему 10 рублей въ день за поѣздку на нашей лошади) не заставили его измѣнить рѣшенія, мотивы котораго онъ не желалъ объяснить. Не смотря на то, что цѣль нашей поѣздки отстояла всего верстъ на двадцать отъ фанзы, ни одинъ китаецъ ни за какія деньги не соглашался сопровождать насъ. Между тѣмъ, проводникъ былъ необходимъ, кромѣ указанія пути, главнымъ образомъ, для сообщенія мѣстныхъ названій урочищъ. Пришлось отправиться безъ проводника. Поѣздка обошлась вполнѣ благополучно и безъ всякихъ приключеній. Впослѣдствіи, много позже, при вторичномъ посѣщеніи этой мѣстности, уже зимою, выяснилось, что во время первой поѣздки нѣсколько далѣе того мѣста, гдѣ мы были тогда, человѣкъ около двухсотъ хищниковъ, между которыми были хунхузы, промывали золото, и мы лишь случайно туда не попали и избѣжали опасности.

Энергія и настойчивость, съ которыми китайское правительство, не жалѣя затратъ, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, проводитъ мѣры, клонящіяся къ заселенію сосѣдней намъ страны, несомнѣнно приведутъ и къ уменьшенію хунхузовъ. Первою мѣрою въ этомъ направленіи было устройство дороги между Нингутой и Сиича-коу. Для охраны путешественниковъ вдоль дороги, на разстояніи 30—40 верстъ другъ отъ друга, размѣщены военные караулы и казенные постоялые дворы. Въ край привлекается осѣдлое китайское населеніе. Переселенцы надѣляются землею и получаютъ отъ казны натурою рабочій скотъ, хо-

зяйственный инвентарь и хлѣбные запасы на льготныхъ условіяхъ.

Въ настоящее время осѣдлое населеніе образуетъ поселенія по широкимъ долинамъ рѣкъ съ песчано-глинистой почвой Суйфунъ, Муренъ, Мудоши и Мудань Дзянь, группируясь около центровъ: городъ Санъ-ча-коу на Суйфунѣ, крѣпость Муреньхэ на Муренѣ и городъ Нингута на Мудань-Дзянѣ. По мѣрѣ удаленія отъ этихъ пунктовъ, населеніе рѣдѣетъ, деревни смѣняются уединенными фанзами, и обработанныя поля переходятъ въ пустыню. Главное занятіе жителей въ названныхъ районахъ осѣдлости—хлѣбопашество, хозяйство фермерское. Фермы изъ разбросанныхъ группами по 2—3 и болѣе фанзъ непосредственно окружены полями, засѣянными разными видами, проса, ячменемъ, пшеницею, бобами; горохомъ, кукурузой, коноплею, табакомъ, макомъ (для выдѣлки опіума) и проч.

По долинѣ Суйфуна есть также посѣвы овса. Огороды встрѣчаются часто, но сорта овощей: салатъ, лукъ, чеснокъ и проч. не соотвѣтствуютъ нашему вкусу.

Скотоводство развито слабо. Китайцы, кромѣ мусульманъ, вообще не ѣдятъ говядины и не знаютъ молочнаго хозяйства. Впрочемъ, на базарахъ можно почти всегда достать говяжье мясо.

Овцеводство также мало развито. Зато свиней здѣсь разводятъ въ большемъ количествѣ, и свинина является почти единственной мясной пищей жителей. Кромѣ того, большія стада свиней пригоняютъ отсюда въ Приморскую область.

Быки имѣютъ цѣнность только какъ рабочій скотъ. Запряжка одиночная. Кромѣ быковъ, какъ вьючныя и упряжныя животныя, здѣсь употребляются ослы, мулы и лошади. Послѣднія очень мелкой породы, но выносливыя и по отношенію къ росту сильныя.

Запасовъ сѣна не дѣлаютъ. Обыкновенный кормъ просяная солома, которую даютъ въ видѣ сѣчки. Овесъ замѣняется особымъ сортомъ проса (чумиза) и бобами въ распареномъ видѣ.

Китайцы вообще любятъ извозный промыселъ. Въ свои тяжелыя двухъ-колесныя арбы они запрягаютъ по 5—7 дружно съѣзженныхъ лошадей, въ оригинальной легкой упряжи.

Въ способѣ веденія хозяйства и во внѣшнемъ видѣ фермъ проявляется основная черта китайскаго характера,—аккуратность и терпѣливая внимательность въ отдѣлкѣ деталей.

Земледѣліе въ Китаѣ пользуется исключительнымъ покровительствомъ закона и находится на высокой степени культурнаго развитія Поля обрабатываются весьма тщательно и, въ виду примитивности орудій производства, съ большей затратою труда; чистые дворы, аккуратно построенные, и опрятно содержимыя фанзы производятъ пріятное впечатлѣніе

Около деревень, фермъ, отдѣльныхъ фанзъ при большихъ дорогахъ и вообще въ мѣстахъ, носящихъ слѣды культурной жизни человѣка, вездѣ поставлены кумирни, которыя, сохраняя характерный архитектурный типъ постройки, измѣняются въ величинѣ отъ совершенно игрушечнаго домика, въ 8—10 вершковъ, прислоненнаго къ стволу одинокаго дерева, до размѣровъ настоящаго молитвеннаго дома, осѣненнаго тѣнью деревьевъ. Нерѣдко можно встрѣтить 3—5 такихъ кумирень, стоящихъ непосредственно другъ около друга. Размѣры ихъ, представляя какъ-бы младшихъ и старшихъ членовъ одной семьи, указываютъ на прогрессивное увеличеніе средствъ строителя. Первая кумирня имѣетъ видъ небольшого ящика, сколоченнаго изъ почернѣвшихъ отъ времени досокъ, а послѣдняя, ярко раскрашенная, своимъ изогнутымъ конькомъ кровли подымается на двѣ—три сажени. При ней на деревѣ подвѣшенъ мѣдный колоколъ. Интересна кумирня, строящаяся въ пустынной мѣстности на самомъ перевалѣ хребта Ванъ-лунъ-гоу. Она построена изъ камня, довольно затѣйливо убрана внутри и уставлена большими гипсовыми фигурами, изображающими какихъ-то животныхъ и людей въ натуральную величину.

Поселенія по долинѣ Суйфуна занимаютъ пространство отъ нашей границы до выхода ущелья Ванъ-лунъ-гоу-хэ. Значительность обрабо-танныхъ около фермъ полей, обстоятельно обстроенные хозяйственными строеніями дворы и большіе запасы сложенныхъ осенью въ скирды хлѣбовъ, указываютъ на успѣшное развитіе здѣсь хлѣбопашества Населеніе этого района, какъ сказано выше, группируется около города Санчакоу, мѣстопребыванія гражданскаго чиновника Чжао-кен-цзюй, завѣдывающаго населеніемъ всего района отъ нашей границы до р Мурень включительно.

Вблизи у границы расположенъ китайскій военный карауль. Начальникъ караула—офицеръ. Городъ Санчакоу, основанный около 15 лѣтъ назадъ заботами китайскаго правительства, имѣетъ въ настоящее время до 300 фанзъ. Въ окрестностяхъ расположенъ гончарный заводъ и нѣ-

сколько значительныхъ водочныхъ заводовъ для производства сули, ввозъ которой въ русскіе предѣлы запрещенъ. Впрочемъ, не смотря на это, благодаря дешевизнѣ (до 10 коп. бутылка), она имѣетъ довольно значительное распространеніе въ Южно-Уссурійскомъ краѣ между русскимъ и инородческимъ населеніемъ. На винокуренныхъ заводахъ обыкновенно держатъ свиней, которыхъ откармливаютъ бардою.

Мѣстное населеніе занимается также сплавомъ лѣса по Суйфуну съ верховьевъ его въ наши предѣлы и обжиганіемъ извести у устья р. Хынъ-доо-хэ.

Городъ Санчакоу имѣетъ и нѣкоторое торговое значеніе, опредѣляемое его пограничнымъ положеніемъ. Черезъ него производится торговля съ Маньчжуріею, т. е. собственно Нингутинскимъ райономъ. Его участіе въ этой торговлѣ невелико, такъ какъ всѣ товары проходятъ транзитомъ. Только грузы, прибывшіе къ границѣ на тяжелыхъ двухколесныхъ китайскихъ телѣгахъ въ 5—6 лошадей, которыхъ въ Приморскую область не пропускаютъ, во избѣжаніе порчи мостовъ и дорогъ, перегружаются здѣсь на русскія четырехколесныя телѣги. Вслѣдствіе этого обстоятельства въ Санчакоу можно доставать подводы, въ небольшемъ, впрочемъ, количествѣ.

Выше устья ручья Вонъ-лунъ-гоу-хэ, по Суйфуну есть лишь нѣсколько уединенныхъ фанзъ съ клочками обработанной земли.

По ручью Вонъ-лунъ-гоу-хэ, выше фанзы Данъ, въ рядъ стоятъ еще нѣсколько отдѣльныхъ фанзъ, а далѣе въ ущелья начинаются золотые прииски. Запрещенная правительствомъ, промывка золота производится здѣсь хищническимъ способомъ. Вся мѣстность вдоль ручья, по дну ущелья, изрыта ямами, окруженными валами выброшенной земли и щебня. Мѣстами изъ ямъ подымаются головы золотоискателей, съ враждебнымъ любопытствомъ оглядывающихъ путешественниковъ, но большинство ямъ являютъ слѣды давней заброшенности, и окружающіе ихъ земляные валы покрылись зарослями кустарника. По разспроснымъ свѣдѣніямъ, богатыя прежде содержаніемъ золота розсыпи уже выработаны, и добыча теперешнихъ золотоискателей-бродягъ— ничтожна.

Такой-же золотой пріискъ есть по ущелью «Пріисковая падь», выходящему къ Сяо-Суйфунъ; здѣсь въ октябрѣ 1895 года занято было промывкою золота около 200 человѣкъ. Къ этому-же району относится и пріискъ въ верховьяхъ притока р. Патахэцза— «Золотая падь». Выходъ этого ущелья, но уже безъ золота, находится въ русскихъ предѣлахъ.

По рѣкѣ Мурень населеніе сгруппировано вблизи крѣпости Мурень-хэ, образуя здѣсь зачатки будущаго города. Теперь здѣсь около 80 фанзъ и одна жалкая лавчонка. Въ этомъ поселкѣ живетъ завѣдывающій населеніемъ по Муреню китайскій чиновникъ. Крѣпость Мурень-хэ расположена по серединѣ долины на отдѣльной возвышенности, отвѣсными скалами падающей къ омывающей ее съ юга рѣкѣ и полого спускающейся внизъ по долинѣ. Она состоитъ изъ четырехъ фанзъ, обнесенныхъ глиняной стѣной. Вблизи осыпавшіеся рвы и земляные валы— остатки древняго укрѣпленія

Отсюда поселенія изъ группъ по 10—15 фанзъ, расположенныхъ въ одну улицу, вдоль дороги съ промежутками въ 1—3 версты тянутся внизъ по р. Мурень до устья р. Яо-лин-ца-хэ. Далѣе идутъ лишь отдѣльныя фанзы, съ большими пустующими пространствами между ними, до сгруппированнаго у устья р. Хул-ми-хэ населенія въ 20—25 фанзъ. Всего въ этомъ районѣ 200 фанзъ. Жители занимаются хлѣбопашествомъ.

По Мудони населеніе, отъ устья р. Пѣнза до р. Мудань-Дзянь, распредѣлено по всей долинѣ группами отъ 2 до 10 фанзъ, сгущаясь къ устью р. Мудони. Здѣсь не пришлое, а коренное маньчжурское населеніе.

Отъ устья Мудони населеніе, подымаясь по широкой долинѣ Мудань-Дзянь, распространяется по долинѣ рѣки Эхэ, на лѣвомъ берегу которой расположены укрѣпленные военные лагери и вдоль Ниигутинскаго тракта. Постепенно сгущаясь по этимъ направленіямъ, оно концентрируется у города Ниигуты.

Историческое прошлое этого района насчитываетъ болѣе двѣнадцати столѣтій. Во второй половинѣ VII вѣка здѣсь была столица могущественнаго Бахайскаго царства. Послѣдующіе вѣка сохраняютъ за Ниигутой политическое значеніе и отводятъ ей почетное мѣсто въ Маньчжуро-Китайской исторіи, какъ родинѣ нынѣ царствующей въ Дайцинской имперіи династіи.

Здѣсь широкая и ровная долина Мудань-Дзяна окаймлена синѣющими вдали на горизонтѣ горами.

Тщательно обработанныя поля оживляются разбросанными группами деревьевъ и фермерскими фанзами. По дорогѣ большое движеніе; проходятъ караваны изъ щегольски завьюченныхъ муловъ, щелкаютъ длинные бичи погонщиковъ, сидящихъ на тяжело нагруженныхъ двухколес-

ныхъ арбахъ, съ длинной запряжкой въ 5—7 лошадей, проѣзжаютъ маньчжурскіе всадники на низкихъ невзрачныхъ лошаденкахъ мѣстной породы, или медленно движется арба, которую везетъ одинъ быкъ и на которой, высоко взмостившись, возсѣдаетъ разодѣтая китаянка съ ярко накрашенной физіономіей и съ массивными серебряными украшеніями въ чудовищной прическѣ.

Нингута расположена на плоской мѣстности лѣваго берега Мудань-Дзяня и издали показывается сѣрою массою плоскихъ домовъ.

При въѣздѣ въ предмѣстье первое, что бросается въ глаза, это кладбище безъ могилъ. У самой дороги, подъ тѣнью нѣсколькихъ развѣсистыхъ деревьевъ, на поверхности земли въ безпорядкѣ разбросаны гробы. Нѣкоторые изъ нихъ развалились и показываютъ истлѣвшіе трупы, тутъ-же лежатъ и трупы совсѣмъ безъ гробовъ.

Въ странѣ, гдѣ культъ служенія предкамъ и почитанія покойниковъ, основанный на вѣрѣ въ существованіи прочной связи между живыми и умершими проникаетъ во всѣ сферы частной жизни и отражается на общественномъ строѣ народной жизни такая картина меня поразила. Мнѣ объяснили, что это кладбище бѣдныхъ, которыхъ по смерти кладутъ здѣсь, предоставляя сердобольнымъ людямъ пожертвовать для нихъ гробъ и уложить въ него покойника. Не знаю, насколько это вѣрно.

Самый городъ состоитъ изъ узкихъ и грязныхъ кривыхъ переулковъ между высокими оградами и низкими фанзами. Большинство фанзъ имѣетъ видъ обыкновенныхъ деревенскихъ построекъ съ деревянными стѣнами и соломенной крышей, но есть фанзы изъ обожженаго кирпича и крытыя черепицей. Городъ производитъ впечатлѣніе, общее ту всѣхъ азіатскихъ городовъ отъ Заравшана и Мургаба до береговъ Великаго океана. Видоизмѣняясь подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій Маньчжуріи, этотъ типъ отличается здѣсь лишь преобладаніемъ дерева надъ глиной въ постройкахъ. Здѣсь уже не глинобитные, а деревянные заборы. Выходы на улицу имѣютъ только торговыя помѣщенія. Жилыя-же постройки помѣщаются внутри дворовъ или выходятъ на улицу глухою стѣною. Въ центрѣ города обширное пространство обнесено высокой оградой съ затѣйливыми башнями по угламъ. Въ срединѣ не застроенная базарная площадь, тутъ-же домъ казенныхъ учрежденій фудутуйства (губерніи).

Фудутунь (военный губернаторъ) занимаетъ помѣщеніе, состоящее

изъ нѣсколькихъ внутреннихъ дворовъ, вымощенныхъ кирпичемъ плашмя. Вдоль ограды размѣщены жилыя помѣщенія. Домъ самого фудутуна находится на дальнемъ внутреннемъ дворѣ. Окна у него со стеклами, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ видѣнныхъ нами въ странѣ фанзахъ онѣ заклеены промасленной бумагой. Въ пріемной комнатѣ есть нѣсколько креселъ съ краснымъ сидѣньемъ и позолотой на ручкахъ. Но печей здѣсь, какъ и во всей Маньчжуріи, нѣтъ Ихъ замѣняютъ каны—особаго устройства лежанки, возвышающіяся четвертей на пять надъ поломъ и служащія и для обогрѣванія помѣщенія и мебелью.

Въ городѣ есть одна прямая и довольно широкая улица, вымощенная деревянными пластинами. Здѣсь сосредоточена торговля въ открытыхъ лавкахъ обыкновеннаго азіатскаго типа. Товары почти исключительно китайскаго производства: платье, обувь, матеріи, женскія туалетныя принадлежности, бѣлила, румяна и массивныя серебряныя головныя украшенія, кондитерскія печенья съ отвратительнымъ запахомъ кунжутнаго масла, леденцы и сахаръ весьма низкаго качества. Тутъ-же продается лошадиная сбруя, веревки, мука и мѣха. Охотничій промыселъ въ окрестныхъ горахъ дѣлаетъ Нингуту центромъ мѣховой торговли. Въ городѣ есть телеграфъ, соединенный черезъ Цицикаръ и Гиринъ съ европейскою телеграфною сѣтью. Телеграфистъ китаецъ. Телеграммы пишутся латинскими буквами. Число жителей Нингуты, судя по личному впечатлѣнію, должно быть отъ десяти до двадцати тысячъ. Въ городѣ и окрестностяхъ есть заводы для выдѣлки мѣховъ, для витья пеньковыхъ веревокъ, для изготовленія большихъ круглыхъ бобовыхъ галетъ,—для корма скота, вывозимыхъ даже въ Уссурійскій край,—мельницы, изготовляющія пшеничную муку, довольно высокаго качества, имѣющую также значительный вывозъ въ наши предѣлы, заводы для изготовленія лапши, весьма распространеннаго пищеваго продукта, напоминающаго по формѣ вермишель, а по прозрачности и вязкости—вязигу.

Есть въ городѣ и мастерскія, выдѣлывающія изъ бумажной массы ярко раскрашенныя фигуры пѣшихъ и конныхъ людей въ натуральную величину. Эти фигуры такъ-же какъ и музыка, составляютъ необходимую принадлежность церемоній торжественныхъ похоронъ. Музыканты помѣщаются обыкновенно на временно устроенной на столбахъ и обтянутой циновками вышкѣ, поставленной на улицѣ противъ воротъ

покойника, а бумажныя фигуры въ это время разставлены во дворѣ передъ фанзою. По окончаніи церемоніи, фигуры сжигаются на могилѣ покойника.

Заводовъ кирпичныхъ, гончарныхъ, водочныхъ и кожевенныхъ есть нѣсколько. Горная промышленность не развита, хотя въ Нингутинскомъ районѣ есть каменный уголь и желѣзная руда.

Описанные населенные районы соединены дорогой, идущей отъ нашей границы до Нингуты. Дорога проложена распоряженіемъ правительства. Во многихъ мѣстахъ она завалена камнями. Есть мѣста болотистыя. Черезъ встрѣчаемыя по дорогѣ рѣки переправляются въ бродъ, безъ особенныхъ неудобствъ. Въ общемъ, дорога довольно удобна для перевозокъ. Вдоль дороги на рр. Бадаохецза, Сяо-Суйфунъ, Селихэ и въ вершинѣ Нѣнза разставлены въ фанзахъ, окруженныхъ высокимъ частоколомъ, военные караулы изъ 10—20 солдатъ при начальникѣ караула. Въ воротахъ караульныхъ дворовъ и вообще у дворовъ всѣхъ начальствующихъ лицъ въ странѣ разставлены, какъ атрибуты власти, традиціонныя китайскія бамбуковыя палки. На самомъ дѣлѣ онѣ сдѣланы изъ мѣстнаго дерева съ округленной рукояткой съ одного конца и плоскія на всей остальной длинѣ при ширинѣ въ $1^1/_2$—2 вершка. Иногда отдѣлка ихъ претендуетъ на изящество, а плоская поверхность выглажена продолжительнымъ употребленіемъ въ дѣло.

Между этими караулами у дороги стоятъ постоялые дворы. Обыкновенно постоялый дворъ состоитъ изъ одной или двухъ фанзъ, расположенныхъ внутри большаго двора. Здѣсь можетъ помѣститься 20—30 человѣкъ и такое-же число лошадей и подводъ. Только немногія фанзы имѣютъ небольшія хозяйства изъ посѣвовъ, домашнихъ животныхъ, свиней и куръ, а всѣ остальныя отпускаютъ проѣзжимъ продукты, завезенные изъ описанныхъ выше культурныхъ районовъ.

Въ сторонѣ отъ дороги, въ тайгѣ, есть еще нѣсколько уединенныхъ фанзъ, служащихъ притонами для бродячаго населенія края. Здѣсь находятъ временный пріютъ и мѣсто для сбыта добычи искатели женьшеня, дубовыхъ грибовъ и проч., а также охотники и золотоискатели.

Днемъ обыкновенно въ фанзѣ пусто, но вечеромъ, при мигающемъ свѣтѣ чаднаго маслянаго свѣтильника, она оживляется. По серединѣ фанзы на очагѣ грѣется чай. На теплыхъ канахъ вдоль стѣнъ располагаются группы посѣтителей. Здѣсь, усѣвшись вокругъ маленькихъ столиковъ на низкихъ ножкахъ, ѣдятъ, попивая маленькими глотками

подогрѣтую водку; тамъ играютъ въ азартныя игры, карты и кости или собравшись группою у очага и обнажившись до пояса, занимаются ловлею безпокойныхъ насѣкомыхъ и оживленно бесѣдуютъ. Между отдѣльными группами на канахъ лежатъ на боку, подогнувъ колѣни, истощенныя фигуры безъучастныхъ къ окружающему курильщиковъ опіума съ сгорбленной спиной, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ лица и апатичнымъ, безжизненнымъ выраженіемъ глазъ. У самаго изголовья курильщика чадитъ маленькій огонекъ масляной лампочки для постояннаго раскуриванія курительнаго аппарата. Къ ночи фанза наполняется чадомъ и вонью. Возбужденный говоръ продолжается за полночь, перемѣшиваясь съ храпомъ почлежниковъ. Вообще почью фанзы имѣютъ видъ отвратительнаго грязнаго вертепа. Однако, не смотря на неприглядность описанной обстановки, каждая фанза здѣсь, среди дикой природы, имѣетъ большое значеніе для края, какъ обжитое человѣкомъ мѣсто въ тайгѣ и какъ убѣжище отъ гнуса и непогоды. По простотѣ конструкціи и примитивности приспособленія къ потребностямъ культурнаго человѣка, фанзы производятъ впечатлѣніе временныхъ построекъ Онѣ представляютъ какъ-бы переходную ступень между войлочной юртой кочевника номада, лишь въ слабой степени защищающей отъ непогоды и не стѣсняющей свободы перекочевокъ, и основательными постройками нашихъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ, которые постройкою избъ на много поколѣній привязываются къ мѣсту. И дѣйствительно маньчжуръ съ такою-же легкостью бросаетъ свою фанзу, какъ и строитъ ее; намъ попадались не разъ пустующія фанзы, покинутыя ихъ обитателями.

Кромѣ мѣстъ съ кореннымъ маньчжурскимъ населеніемъ по Мудани и Мудань-Дзяну и небольшого числа семействъ на Мурени и въ Санчакоу, на всемъ остальномъ пространствѣ нѣтъ ни женщинъ, ни дѣтей. Многіе имѣютъ семейства въ Китаѣ, но не рискуютъ перевозить ихъ въ дикую страну хунхузовъ.

Въ административномъ отношеніи описанная страна входитъ въ составъ Гиринской провинціи. Во главѣ администраціи стоитъ Цзянь-цзюнь (генералъ-губернаторъ), проживающій въ Гиринѣ.

Гиринское цзянь-цзюнство дѣлится на девять фудутунствъ (губерній), изъ которыхъ главное считается Нингутинское, обнимающее всю описанную мѣстность. Фудутунъ (военный губернаторъ) живетъ въ Нингутѣ. При насъ этотъ постъ занималъ Фу-юй-дань. По гражданскому

вѣдомству ему непосредственно подчинен проживающій въ Санчакоу Чжао-кенъ-цзюй, завѣдывающій хлѣбопашествомъ района отъ нашей границы до Мудоши. Эту должность, соотвѣтствующую должности нашего начальника уѣзда или исправника, при насъ занималъ Цюй-цзо-инъ; ему непосредственно подчинены два гражданскихъ чиновника (пристава): завѣдывающій населеніемъ отъ Нань-тянь-мынь до Мацюхэ, живущій на Селинхэ (при насъ Цзя-юй-дей) и начальникъ отдѣленія по сбору поземельныхъ податей, на Мурени (при насъ Чжу-цюанъ).

Изъ военной администраціи въ краѣ находятся начальникъ военнаго поста у нашей границы, близъ Санчакоу, начальникъ Худтускаго караула (Дэ-лунъ), расположеннаго въ крѣпости на Мурени, и начальники карауловъ въ менѣе важныхъ пунктахъ, на Бадао-хэцзе (Лю-юй ци), на Суйфунѣ (Чень-юй-танъ) и въ фанзѣ Шито-мяо, въ вершинѣ рѣчки Ніенза. При каждомъ изъ этихъ начальниковъ карауловъ, въ зависимости отъ важности пункта, находится команда въ 10—20 нижнихъ чиновъ, вооруженныхъ ружьями разныхъ системъ, преимущественно винчестерами, частью берданками; встрѣчаются, впрочемъ, и шестопные дробовики. Это оружіе смѣнило древнее вооруженіе воинственныхъ маньчжурскихъ полчищъ. Лукъ совершенно исчезъ изъ употребленія, а вмѣстѣ съ нимъ отошла въ область преданій и воинственность древнихъ покорителей Китая. Впрочемъ, умѣнье владѣть лукомъ по традиціямъ до сихъ поръ считается обязательнымъ для каждаго воина, и не выдержавшій испытанія въ этомъ искусствѣ лишается права на полученіе перваго военнаго класснаго чина. Для этой цѣли въ казенныхъ арсеналахъ имѣются луки, но въ частномъ пользованіи и въ продажѣ ихъ уже нѣтъ.

Всѣ видѣнные нами въ странѣ чиновники-китайцы уроженцы южныхъ провинцій. Они съ грустью вспоминаютъ мѣсто своей далекой родины и жалуются на тяжелыя условія жизни въ странѣ. Въ моихъ воспоминаніяхъ изъ нихъ выдѣляются Фу-юй-дань — пухлый старичекъ, съ добродушнымъ симпатичнымъ лицемъ, еще бодрящійся, но уже тронутый старческой слабостью, Цюй-цзо-инъ — высокая худощавая фигура съ сѣдыми китайскими усами, Чен-юй-танъ — съ краснымъ возбужденнымъ лицемъ, хвастливый и навязчивый, имѣющій особый знакъ чиновнаго отличія павлиньяго пера на шапкѣ, Цзя-юй-дей — высокій здоровый китаецъ, съ громкимъ грубымъ голосомъ, весьма обстоятельно устроившійся въ казенномъ помѣщеніи на Селинхэ, имѣю-

щій здѣсь хорошее хозяйство и занимающійся торговыми оборотами, Чжу-цюанъ и Дэ-луинъ — два невысокихъ человѣчка съ заискивающей улыбкой и желаньемъ заслужить расположеніе. Первый тоскуетъ по родинѣ и оставленной тамъ семьѣ и жалуется на скуку. «Вотъ отъ нечего дѣлать собралъ ребятишекъ и занимаюсь ученьемъ ихъ», говоритъ онъ, указывая на группу сидящихъ въ сосѣдней комнатѣ мальчиковъ. Второй недоумѣваетъ передъ неожиданнымъ исходомъ японо-китайской войны. «И кто-бы могъ подумать» разсуждаетъ онъ, «что такой маленькій народъ побѣдитъ наши войска Да, съ ними нельзя и воевать», уныло заключаетъ онъ «когда ихъ еще не видно, а они уже убиваютъ». И въ словахъ его слышится укоръ, жалобы на какое-то нарушеніе высшей справедливости по отношенію къ его родной странѣ.

По опыту личныхъ сношеній, китайскіе чиновники даже на низшихъ должностяхъ своей церемонной любезностью и деликатной мягкостью обращенья производятъ впечатлѣніе воспитанныхъ въ извѣстныхъ правилахъ людей. Въ большинствѣ, они имѣютъ интеллигентную наружность и отличаются гостепріимствомъ.

Впечатлѣніе моихъ личныхъ сношеній съ китайскими чиновниками сильно расходится съ свидѣтельствомъ моихъ предшественниковъ, бывшихъ здѣсь до японо-китайской войны. Въ описаніяхъ этихъ послѣднихъ рѣзко выставляется заносчивость, подозрительность, придирчивость и вѣроломство китайскихъ властей, тогда какъ я съ моими спутниками, будучи совершенно частными путешественниками съ ученой цѣлью, безъ всякой оффиціальной представительности, встрѣчали лишь любезность гостепріимство и выраженіе симпатіи къ русскимъ. Таково вліяніе послѣднихъ политическихъ событій въ Китаѣ. Конечно, какъ въ нашемъ случаѣ, такъ и въ предшествующихъ, мѣстныя власти являлись лишь выразителями полученныхъ изъ Пекина инструкцій, и для путешествія въ странѣ, какъ раньше, такъ и теперь, необходимо спеціальное разрѣшеніе, китайскаго правительства Мы пользовались такимъ разрѣшеніемъ, благодаря покровительству генерала Гродекова, замѣщавшаго въ это время отсутствовавшаго генералъ-губернатора Приамурскаго края.

Маньчжуръ мы встрѣчали лишь между военными чинами. Они представляютъ болѣе грубый типъ съ суровымъ лицемъ, мужественной осанкой и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, но, конечно, лишь по сравненію съ китайцами. Среди нижнихъ чиновъ мѣстныхъ войскъ маньчжуры

составляютъ преобладающій, если не исключительный, элементъ. Маньчжурскіе всадники, не смотря на ихъ неуклюжій, скрывающій формы костюмъ, отличаются ловкостью. Они очень легко и быстро спѣшиваются и вскакиваютъ въ сѣдло. Этотъ маневръ они продѣлываютъ весьма часто. При встрѣчѣ двухъ знакомыхъ всадниковъ, оба останавливаются на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, сходятъ съ лошадей и, ведя ихъ въ поводу, идутъ на встрѣчу пѣшкомъ. Не доходя шага на два, оба останавливаются и, держа передъ собою сложенныя ладонями вмѣстѣ руки и низко приседая, дѣлаютъ глубокій реверансъ, послѣ чего уже привѣтствуютъ словами. Какъ-бы часто ни попадались по дорогѣ знакомые, церемонія соблюдается съ педантичной точностью. Воображаю, какими невѣжами казались мы имъ, когда даже при почетныхъ встрѣчахъ и проводахъ принимали визитныя карточки и отвѣчали на привѣтствія не сходя съ лошадей, тогда какъ привѣтствовавшіе насъ туземцы при этомъ обязательно спѣшивались. Вообще знаменитыя китайскія церемоніи, проникая во всѣ слои общества, играютъ большую роль въ этой классической странѣ формализма.

Денежное обращеніе въ странѣ довольно запутанное. Валюта серебряная. Въ обращеніи серебряные слитки особой формы—ямбы, цѣнность которыхъ опредѣляется вѣсомъ въ лянахъ. Стоимость одного ляна въ сентябрѣ 1895 года была около 1 р. 70 к. Большіе ямбы вѣсятъ обыкновенно около 50 лянъ. При мелкихъ платежахъ ямбы рубятся на куски требуемаго вѣса. Кромѣ того, есть въ обращеніи мелкая размѣнная монета, круглой формы, съ квадратнымъ отверстіемъ въ срединѣ, изъ какого-то сплава вродѣ чугуна, покрытаго желтой мѣдью (чохи). Ихъ два сорта: цянь и вынъ; 1 цянь=2 вынъ, 1000 вынъ= 1 дяо.

Дяо соотвѣтствуетъ приблизительно нашему полтиннику и представляетъ только счетную единицу;—монеты такого достоинства нѣтъ.

Кромѣ металлическаго обращенія въ странѣ—и при томъ преимущественно—обращаются кредитные билеты достоинствомъ въ 1, 2, 3 и т. д. дяо. Билеты эти, однако, выпускаются не правительствомъ, какъ у насъ, а частными торговыми фирмами, и ихъ платежная способность опредѣляется кредито-способностью выпустившей ихъ фирмы.

Отправляясь въ Маньчжурію, мы имѣли съ собой серебряные ямбы стоимостью въ 80—90 руб., мексиканскіе доллары (1 р 15 к) и серебряные рубли. При расходованіи денегъ оказалось, что доллары охот-

но принимались въ уплату и стояли по курсу выше, чѣмъ въ Россіи; рубли принимались менѣе охотно и по курсу менѣе выгодно, а ямбы въ виду неудобства храненія и расходованія ихъ, пришлось, съ потерей на курсѣ, размѣнять на доллары и китайскіе кредитные билеты.

Вся торговая дѣятельность страны сосредоточена въ Нингутѣ и лишь частью въ Санчакоу. На всемъ остальномъ пустынномъ пространствѣ никакой торговли нѣтъ, если не считать ничтожныхъ торговыхъ оборотовъ постоялыхъ дворовъ, но здѣсь проходитъ дорога, по которой совершается торговое движеніе между нашими владѣніями и тѣмъ райономъ Маньчжуріи, который въ торгово-промышленномъ отношеніи тяготѣетъ въ Нингутѣ. О размѣрахъ этого торговаго движенія можно составить понятіе по свѣдѣніямъ пограничной заставы у станицы Полтавской; сумма вывоза отъ насъ въ 1894 году опредѣлена въ 136,264 р., а сумма ввоза къ намъ за то-же время 358,159 рублей.

Пренебрегая утомительнымъ перечисленіемъ мелкихъ подробностей, кончаю описаніе пзслѣдованной мѣстности, которая въ общей картинѣ представляетъ дикую страну съ жалкими зачатками культуры, искусственно насаждаемой здѣсь китайскимъ правительствомъ. Нынѣ надъ страной занимается заря новой жизни и близится время, когда сила человѣческаго генія сокрушитъ враждебную дикость природы.

Н. Свіягинъ.

РАБОЧАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ ВЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Въ текущей періодической печати мы находимъ много данныхъ, характеризующихъ представителей народной интеллигенціи, — преимущественно городской, – не какъ отдѣльныя и случайныя единицы, а какъ явленіе общее, постоянное и законное, пустившее глубокіе корни въ почвѣ той среды, въ которой оно выросло; оказывается, что эта среда, какъ и всякая другая общественная среда, развивается и совершенствуется, стремится къ свѣту и познанію добра, чутка ко всѣмъ вліяніямъ, выводящимъ ее изъ обычныхъ сумерекъ трудовой колеи на путь сознанія и мысли, а въ лучшихъ своихъ представителяхъ достигаетъ своего общественнаго самосознанія и общечеловѣческаго призванія. Эти послѣдніе, являясь носителями идей и просвѣщенія нашего времени въ своей средѣ, перестаютъ быть отщепенцами своего сословія и становятся въ ряды русской интеллигенціи.

Въ предлагаемыхъ бѣглыхъ замѣткахъ мы отнюдь не разсчитываемъ исчерпать вопросъ о народной интеллигенціи и дать обстоятельный очеркъ ея характеристическихъ чертъ и тѣхъ причинъ, которыя вызвали ее на свѣтъ. Мы воспользуемся только наиболѣе въ этомъ отношеніи характерными, по нашему мнѣнію, журнальными статьями послѣдняго времени, въ которыхъ найдемъ данные о просвѣтительномъ движеніи въ рабочей средѣ и объ особенностяхъ нѣсколькихъ типичныхъ представителей его.

Быть въ толпѣ, носиться въ ея волнахъ и чувствовать себя неотъемлемой частью этого первнаго тѣла и капризной воли—представляетъ непреодолимую заманчивость. Вы хотите знать, что думаетъ эта тысячеголовая масса, что ее занимаетъ и волнуетъ въ данную минуту, и вы идете съ ней все дальше, и васъ заноситъ въ ту часть площади, гдѣ въ темнотѣ ночи на экранѣ красивой будки показываются народу туманныя картины: портреты государей, картины изъ русской исторіи и исторіи церкви [*]). Въ глубокой тишинѣ толпа жадно прислушивает-

*) Этотъ эпизодъ мы беремъ изъ коронаціонныхъ празднествъ, устроенныхъ для народа Иркутской городской думой.

ся къ выкрикиваемому названію картины, иногда недоумѣваетъ, иногда толкуетъ по своему и каждый разъ выражаетъ свое одобреніе или недовольство; вы слышите живой обмѣнъ мыслей и впечатлѣній, отвѣты сосѣда на вопросъ другого, объясненія случайнаго истолкователя, собирающаго вокругъ себя массу слушателей,—вы слышите все это и невольно думаете, что въ этой толпѣ назрѣла потребность знанія, тутъ-же вы видите какъ легко и просто удовлетворить ее, а также дать исходъ лучшимъ ея стремленіямъ и запросамъ и не толкать ее на путь дурного времяпрепровожденія и всякихъ пзлишествъ.

Эти запросы и стремленія почти не требуютъ доказательствъ и констатированы многими опытными наблюдателями народной жизни. Послушаемъ одного изъ нихъ [1]). Упоминая о «могущественнѣйшихъ орудіяхъ распространенія научныхъ знаній» въ западной Европѣ, какъ, наприм., лекціи, бесѣды, курсы, странствующіе лекторы и т. п., г. Рубакинъ оговаривается, что «и у насъ въ настоящее время, даже въ *широкихъ слояхъ* городского и особенно фабричнаго населенія, потребность въ знаніяхъ пробуждается, можно сказать, *не по днямъ, а по часамъ*. Надѣюсь, это впечатлѣніе, вынесенное мною изъ личныхъ столкновеній непосредственно съ читателями изъ народа, подтвердятъ и другіе свидѣтели, гг. учащіе въ фабричныхъ школахъ и завѣдующіе библіотеками и читальнями. Читатель въ этихъ слояхъ несомнѣнно *наростаетъ* и *требуетъ знаній*, ищетъ ихъ въ воскресной школѣ, въ книгѣ, въ бесѣдахъ съ товарищами, знающими болѣе его, въ народныхъ аудиторіяхъ».

Мы не можемъ остановиться тутъ болѣе подробно на интересныхъ характеристикахъ того положенія и тѣхъ условій, въ которыя поставлено у насъ распространеніе знаній въ народѣ, и тѣхъ улучшеній, которыя предлагаются авторомъ для удовлетворенія назрѣвшей потребности въ этихъ знаніяхъ. Возвращаемся къ характеристикѣ послѣдней и послушаемъ отзывъ другого наблюдателя. Вотъ что говоритъ г. Оболенскій въ статьѣ о «Невскомъ обществѣ устройства народныхъ гуляній», помѣщенной въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» [2]): «Я имѣлъ возможность убѣдиться лично, какъ отзывчиво и разумно отнеслись ра-

---

[1]) Н. Рубакинъ. Условія распространенія естественно-научныхъ знаній въ Россіи (докладъ, читанный на II съѣздѣ русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональному образованію въ Москвѣ). «Новое Слово», 1896 г., № 7, ст. 97.

[2]) Не имѣя подъ рукой этой газеты, цитируемъ изъ «Амурской газеты» № 28-й 1896 года.

бочіе ко всѣмъ этимъ развлеченіямъ (рѣчь идетъ о вечернихъ и праздничныхъ развлеченіяхъ для народа, устраивавшихся Невскимъ обществомъ, а именно: драматическихъ спектакляхъ и концертахъ, литературныхъ чтеніяхъ, чтеніяхъ съ фонаремъ и, наконецъ, танцовальныхъ вечерахъ для рабочихъ); *залы были переполнены; вниманіе самое напряженное; восторгъ безграничный,* трогающій до слезъ постороняго наблюдателя; танцовальные вечера рабочихъ отличались скромностью и поразительно-приличными формами взаимнаго обращенія, совершенно *неожиданными* для того, кто не знаетъ этой среды, не знаетъ, что она уже *успѣла создать* въ себѣ *новый типъ работниковъ и работницъ, почти не отличающійся отъ нашей средней интеллигенціи,* а быть можетъ шагнувшій во многомъ дальше ея». (Между прочимъ, имъ приводится тотъ фактъ, что за десятилѣтіе 1885—1895 гг. въ учрежденіяхъ общества перебывало 842,346 человѣкъ, и, «не смотря на такое количество народа, не было *ни единаго* случая, который потребовалъ-бы серьознаго вмѣшательства полиціи»).

И это говоритъ противникъ гг. Струве и Бельтова и, стало быть, человѣкъ далекій отъ преувеличеній сторонниковъ экономическаго матеріализма, преувеличеній во всемъ, что касается наличности у насъ всѣхъ особенностей капиталистическаго производства и, въ томъ числѣ, развитаго, достигающаго классоваго сознанія, пролетаріата.

Въ послѣднемъ отношеніи очень интересны сравненія Лондонскаго «Народнаго дворца» съ «Невскимъ обществомъ» въ Петербургѣ. «На Народный дворецъ въ первые-же два года было собрано пожертвованій около *милліона руб.* на наши деньги; за шесть первыхъ лѣтъ существованія кружка, положившаго основаніе Невскому обществу, въ кассу его поступило пожертвованій *3375 руб.* Народный дворецъ имѣетъ концертный залъ, вмѣщающій *2500* чел., библіотеку, разсчитанную на *250,000* томовъ, техническое училище и т. д. и т. д.; деревянный театръ Невскаго общества вмѣщаетъ *250 человѣкъ*, и, какъ видно изъ воззванія комитета, общество *мечтаетъ*, послѣ десятилѣтняго существованія, о «постройкѣ большого каменнаго зданія для народныхъ развлеченій, которое вмѣщало бы зрительный залъ на *1600 чел.*, залъ танцовальный, гимнастическій, библіотеку, читальню, чайную, *быть можетъ*, музей. «Число посѣтителей разныхъ учрежденій Народнаго дворца *въ первый-же* отчетный годъ достигло *полутора милліона*, кромѣ почетныхъ членовъ и учащихся; въ учрежденіяхъ Невскаго об-

щества *за десять лѣтъ* перебывало взрослыхъ посѣтителей *767.944* и дѣтей 84,402» [1]). И это въ томъ самомъ Шлиссельбургскомъ участкѣ съ 60,000 населенія, которое является райономъ дѣятельности Невскаго общества и которое характеризуется воззваніемъ комитета слѣдующимъ образомъ: «Въ рабочіе дни и часы тихія, пустынныя улицы кажутся безлюдными, но зато по вечерамъ, послѣ «шабаша» и особенно по праздникамъ, картина совершенно мѣняется: весь рабочій людъ высыпаетъ на улицы и запружаетъ ихъ до такой степени, что мѣстами едва возможно пройти по панели или проѣхать по улицѣ. Кабаки и другія питейныя заведенія набиты биткомъ. Свои свободные часы здѣшній рабочій рѣдко проводитъ дома, что вполнѣ понятно: квартиры рабочихъ, большей частью, грязны, зловонны и страшно переполнены. Въ лучшемъ случаѣ рабочій толкается безцѣльно по улицѣ» и т. д.

Тѣмъ не менѣе, дѣятельность общества, достойная всякой похвалы и подражанія, имѣетъ все-же громадный и неслыханный у насъ успѣхъ, не смотря на недостатокъ средствъ и другія неблагопріятныя условія. Этимъ успѣхомъ оно обязано отзывчивости и готовности къ безкорыстной дѣятельности лучшей части нашей интеллигенціи и, главнымъ образомъ, готовности самихъ рабочихъ ухватиться за первую соломинку, вытаскивающую его изъ омута на путь сознательнаго и разумнаго отношенія къ окружающему. Въ данный моментъ насъ интересуютъ не самые успѣхи общества и не всѣ причины ихъ, а только послѣднія изъ указанныхъ выше; кромѣ того, мы останавливаемся и на томъ фактѣ, что въ этой 60,000-ной толпѣ находится-же извѣстный контингентъ лицъ, который сразу и безъ особыхъ подготовокъ можетъ критически отнестись къ данному явленію и дать ему надлежащую оцѣнку. Примѣромъ могутъ служить многочисленные отзывы посѣтителей учрежденія общества, данные на слѣдующіе вопросы, предложенные имъ комитетомъ Невскаго общества:

1) Удовлетворяютъ-ли посѣтителей вполнѣ развлеченія, устраиваемыя Невскимъ обществомъ, и если не удовлетворяютъ, то почему? 2) Каково значеніе этихъ развлеченій для посѣтителей въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ? 3) Всѣ-ли театральныя пьесы на от-

---

[1]) Н. К. Михайловскій. Литература и Жизнь. Русск. Богатство, кн. 6, 1896 г. Всѣ дальнѣйшія цитаты заимствованы изъ той-же статьи, такъ-какъ намъ, къ сожалѣнію, не доставлены ни отчетъ комитета «Невскаго общества» за 1894–95 гг., ни брошюра Е. П. Карпова «Десятилѣтіе народныхъ гуляній за Невской заставой».

крытой и закрытой сценахъ были понятны, и какія были особенно интересны? 4 и 5) Удовлетворительны-ли продукты, продаваемые на гуляньяхъ и дѣйствія—распоряженія администраціи общества во время этихъ гуляній? 6) Не имѣется-ли замѣчаній по какимъ-либо другимъ вопросамъ?

Извѣстные намъ отвѣты мы можемъ раздѣлить на двѣ категоріи: 1) характерные для мнѣнія большинства и 2) характерные, какъ голосъ наиболѣе интеллигентнаго меньшинства.

Къ первой категоріи могутъ быть отнесены слѣдующіе отвѣты: Крестьянина, рабочаго Обуховскаго сталелитейнаго завода: «Самъ Господь научилъ Невское общество устроить народныя развлеченія, за которыя *много бѣдныхъ людей* отдаютъ великую благодарность обществу. У меня духу не хватаетъ выложить на бумагу *нравственность* (?), но я скажу: когда я смотрю на открытую сцену, то душа моя никогда, кромѣ этого, *такъ радостна не бываетъ. Понятны-ли, не понятны-ли пьесы*, этого я не скажу, но не было такой игры, которая мнѣ не нравилась».

Крестьянина, рабочаго фабрики Торитона: послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о необходимости предварительныхъ поясненій къ нѣкоторымъ труднымъ пьесамъ, онъ восклицаетъ: «Процвѣтай-же народное гулянье безъ крѣпкихъ напитковъ, а вамъ, труженики, члены гуляній и *желатели добра* темнымъ людямъ, большое и очень большое спасибо, тысячу разъ спасибо!!!».

Одного «мастерового»: «О понятіи и интересующихъ пьесъ я ничего не скажу, а думаю, если общество будетъ выставлять письменное пояснение, какъ понимать пьесы, въ рамкѣ подъ стекломъ, такъ навѣрное никто не откажется прочитать, если кто не понимаетъ пьесы, и будетъ благодаренъ».

Другого, болѣе грамотнаго посѣтителя, мѣщанина, рабочаго Обуховскаго сталелитейнаго завода: «Развлеченія, доставляемыя Невскимъ обществомъ, удовлетворяютъ въ общемъ; но въ частности желательно было-бы измѣнить нѣсколько порядокъ развлеченій, какъ, наприм., заведенные съ начала гуляній танцы для однихъ доставляютъ удовольствіе, но такихъ меньшинство, между тѣмъ какъ другіе принуждены услаждать свой слухъ крайне избитыми мотивами полекъ и кадрилей; а потому не дурно было-бы, чтобы танцовальныя увеселенія чередовались съ музыкальными... Что-же касается того, что они доступны для

всѣхъ, то это видно изъ того приблизительно разсчета, который можетъ служить доказательствомъ (слѣдуютъ доказательства)... Что-же касается того, понятны-ли пьесы, ставимыя Невскимъ обществомъ, то можно отвѣтить, что большинство пьесъ принадлежитъ Островскому. А *такія пьесы* объясненій не требуютъ. Мотивы ихъ взяты изъ той-же почти среды, какъ и среда рабочихъ, и языкъ ихъ—это родной языкъ каждаго русскаго человѣка; но тоже желательно было-бы ставить на открытой сценѣ болѣе легкаго содержанія пьесы, чтобы *лѣтнее время отвѣчало своему назначенію, т. е. служило-бы отдыхомъ.* И въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть въ какой-нибудь чудный лѣтній вечеръ, когда человѣкъ такъ радостно настроенъ, такія пьесы, какъ «Гроза», очень тяжело, и вообще надо стараться *избавиться* отъ такого репертуара, который оставляетъ *гнетущее* впечатлѣніе».

«Въ общемъ-же—говоритъ г. Михайловскій—выборомъ театральныхъ пьесъ всѣ довольны, причемъ кромѣ Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, любопытно отмѣтить нерѣдко встрѣчающіяся похвалы «Тартюфу» Мольера. Однако, повторяются и желанія видѣть, по крайней мѣрѣ, на открытой сценѣ пьесы болѣе легкаго, веселаго содержанія,—дескать, горя и мрака и безъ того много.... Въ общемъ—читаемъ мы нѣсколько выше—всѣ довольны, и самый желчный изъ доставившихъ отвѣты, крестьянинъ, рабочій на чугунномъ заводѣ, отвѣчаетъ на предложенные вопросы по пунктамъ такъ: «1) Удовлетворяютъ. 2) Значеніе развлеченій: въ нравственномъ отношеніи хороши, но въ матеріальномъ не очень. Можетъ быть, вамъ кажется и дешево, но и мы не дороги. 3) Пьесы, ставленныя на сцену, *всѣ* были *понятны*, а особенно «Ревизоръ», «Горе отъ ума», «Гроза» и проч. Но первая была ставлена, чтобы рабочіе не попадали въ матеріальномъ отношеніи (?). 4) Съѣстные припасы, можетъ быть, и удовлетворительны, но я ихъ не ѣдалъ, а по чужому вкусу судить плохо»...

Приведемъ еще два отзыва малограмотныхъ и едва-ли исключительныхъ въ общей массѣ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, рабочій Спасской бумагопрядильной и ткацкой фабрики, выражаетъ свои мысли о театрѣ, по поводу представленія «Доходнаго мѣста», видимо производившаго, вообще, впечатлѣніе:

«Театральныя представленія знакомятъ съ жизнью и правами людей, которымъ намъ приходится служить, исправить себя, угождать по вкусу имъ; выводятъ образъ жизни праведной и неправедной, какою

жизнью легче, какою труднѣе жить; каковъ этотъ трудъ ведшаго праведную жизнь, кто больше сдѣлаетъ пользы другимъ; принявшій стремленіе къ праведности, кто принималъ (?) постепенно или въ короткое время».

О театрѣ-же такъ отзывается крестьянинъ-мастеровой: «Тамъ можно видѣть, что требуется въ жизни и что можетъ разбить жизнь, что дѣлаетъ скупость, гордость, обманъ; все это видѣвши, оно завсегда живо представляется, и ты хотѣлъ-бы кого-нибудь обмануть, но какъ вспомнишь представленіе гдѣ обманъ ведетъ къ худшему, и оставишь этотъ нехорошій порокъ». (Во всѣхъ приведенныхъ выпискахъ «орфографія и пунктуація» рабочихъ исправлена г. Михайловскимъ, причемъ слогъ оставленъ въ подлинникѣ).

Во всѣхъ этихъ простыхъ и безъискусственныхъ сужденіяхъ простыхъ людей мы видимъ критическое и разумное отношеніе къ новымъ для нихъ условіямъ, желаніе извлечь изъ нихъ пользу не только для себя, но и для другихъ, стремленіе найти въ видѣнномъ и слышанномъ хоть какія-нибудь указанія на улучшеніе личныхъ и общественныхъ недостатковъ своей среды.

Это еще видиѣе изъ отзывовъ рабочихъ болѣе грамотныхъ, начитанныхъ и развитыхъ, которыхъ мы причисляемъ ко второй категоріи.

Приведемъ отрывки изъ очень «оригинальныхъ» отвѣтовъ крестьянина, столяра въ вагонныхъ мастерскихъ: «I) Развлеченія, устраиваемыя Невскимъ обществомъ, въ общемъ вполнѣ удовлетворительны. II) Въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи садъ большую пользу приноситъ, а именно: глазъ не видитъ, такъ и зубъ не горитъ. Когда человѣкъ въ саду, онъ связанъ приличіемъ и т. д... III) Пьесы многія были неудовлетворительны и даже наводили тоску и какое-то *досадное размышленіе.* Прошедшимъ лѣтомъ пьесы игрались, кажется, нѣсколько разъ изъ фабричнаго быта, иногда и изъ крестьянскаго, но *эти* пьесы такъ утомительны, что, кажется, самъ режиссеръ можетъ видѣть по волненію публики, нравится ей или нѣтъ. На сцену выводился фабричный безнравственный разгулъ, правда, очень оригинально, но *какъ хочется фабричному смотрѣть на эту прозаическую игру на сценѣ, когда она ему противна въ дѣйствительности? Какъ винить человѣка, чуть не помышляющаго работой?* Посмотрите, какъ они выходятъ вечеромъ изъ фабрики, —какъ очумѣвшіе, выпущенные на свѣтъ Божій. Въ такой жизни человѣку даже нѣтъ вре-

мени обдумать о сохраненіи своей нравственности... Человѣкъ пришелъ въ садъ, чтобы разсѣять свою скуку, отогнать вседневныя нерадостныя мысли, пускай и тѣло отдохнетъ, а *тутъ душу его терзаютъ*. Мнѣ скажутъ: не нравится видѣть образъ свой въ зеркалѣ. *Напротивъ, тутъ не всѣ такіе*, какъ Стешка (?), но *за людей обидно. Хотя это и народная сцена, но, прошу васъ, дайте намъ то, что намъ въ зубахъ не навязло, чего мы въ жизни не знаемъ*».

Мы нарочно подчеркнули нѣкоторыя мѣста этого отзыва, такъ-какъ они не только выражаютъ настроеніе рабочихъ, но и подтверждаютъ наблюденія сторонннхъ лицъ, что простолюдину нравится больше изображеніе чуждой среды, чѣмъ своей (такъ, наприм., «Въ мірѣ отверженныхъ» г. Мельшина, арестанты не любили, когда имъ читались картинки изъ ихъ жизни). Къ тому-же, рабочій всегда спѣшитъ и *старается* въ возможно короткое время *извлечь* возможно *болѣе полезныхъ* и *новыхъ* для себя свѣдѣній. «*Дайте намъ то, чего мы въ жизни не знаемъ*»,—говоритъ онъ,—а отъ того, что мы лишній разъ увидимъ себя въ зеркалѣ, мы не станемъ и не сумѣемъ стать лучше; какъ мы *живемъ*,—мы и сами знаемъ, а вы научите насъ, какъ лучше-бы *жить* и какъ этого достигнуть,—будто хотѣлъ онъ сказать. Тутъ мы припомнимъ и выше приведенный отзывъ другого рабочаго, который протестуетъ противъ слишкомъ тяжелыхъ и удручающихъ душу драматическихъ сюжетовъ, и это намъ вполнѣ понятно: рабочій и безъ того «помѣшанъ продолжительной работой», какъ «очумѣвшій», выходитъ онъ изъ фабрики, и его нервы требуютъ успокоенія, умиротворенія, высокаго наслажденія, а не сильныхъ ощущеній и острыхъ впечатлѣній.

Послушаемъ, что думаетъ о народныхъ развлеченіяхъ «интеллигентъ изъ народа, бывшій рабочій, а нынѣ помощникъ мастера на Невскомъ механическомъ заводѣ: «Въ вашемъ саду я не встрѣтилъ спанванья и не встрѣтилъ пьяныхъ; не встрѣтилъ группъ мужчинъ, плотоядно оглядывающихъ проходящихъ мимо женщинъ; не встрѣтилъ въ саду и буфетъ стремленія обобрать бѣдняка; не встрѣтилъ грязныхъ сценъ по выходѣ изъ сада. Но зато впервые встрѣтилъ *что-то, отъ чего сердце радостно забилось и жизнь показалась веселье*». Многіе назрѣвшіе умственные запросы народа онъ признаетъ какъ фактъ и для лучшаго, а также скорѣйшаго удовлетворенія ихъ, онъ предлагаетъ свой проектъ: «Слѣдуетъ въ саду устроить галлерею портретовъ

друзей человѣчества всего свѣта. Подъ портретами краткія біографіи, годъ рожденія и смерти и въ чемъ состояло совершенное на пользу общую. При галлереѣ слѣдуетъ устроить павильонъ для чтенія лучшихъ газетъ и журналовъ, а также завести торговлю книгами, въ особенности дешевыми изданіями. На стѣнахъ, въ пустыхъ пространствахъ между портретами, повѣсить списки лучшихъ популярныхъ книгъ для самообразованія по всевозможнымъ отраслямъ знанія, съ указаніемъ цѣнъ и что эти книги продаются тутъ-же въ павильонѣ. Списки постараться размѣстить такъ, чтобы механика была между портретами Стефенсона и Фультона, астрономія между Коперникомъ и Галилеемъ, географія около Реклю и т. д. *Среди народа есть не мало интересующихся всевозможными вопросами:* одного интересуетъ ремесло, другого небо, третьяго литература и т. д. Общество, открывъ вышеупомянутую галлерею, первое пришло-бы народу на помощь и *дало-бы отвѣтъ каждому* на интересующій его вопросъ. Народъ любопытенъ, и этимъ надо воспользоваться для его-же собственной пользы».

Если такой вполнѣ развитой представитель рабочей интеллигенціи, знакомый съ Коперникомъ и Галилеемъ, Стефенсономъ и Фультономъ, если такой человѣкъ приходитъ въ восторгъ отъ устраиваемыхъ для народа разумныхъ развлеченій, если и у него «сердце радостно забилось и жизнь показалась веселѣе», то можно себѣ представить восторги и радость людей болѣе простыхъ и болѣе нуждающихся въ разумныхъ указаніяхъ мысли и осмысленномъ времяпрепровожденіи. Отчасти мы это видѣли уже выше. Приведемъ еще отрывки изъ экспансивнаго, восторженнаго отвѣта женщины, работницы на фабрикѣ Паля:

«Театръ это отдыхъ для народа, но не такой отдыхъ, какой-бы мы видѣли дома Придешь въ театръ, и внимательно смотришь и слушаешь, что происходитъ на сценѣ. *Такъ слушаешь, что не видишь ничего вокругъ себя,* кромѣ сцены. Вся уйдешь въ то, что видишь и слышишь, и себя какъ будто чувствуешь дѣйствующимъ лицомъ. *Придя домой, долго еще не можешь заснуть... На работу встаешь со свѣжей головой и весело* принимаешься за работу, чувствуя себя довольной за проведенный праздничный вечеръ. . (Идетъ разсказъ о томъ, какой живой обмѣнъ впечатлѣній происходитъ между работницами фабрики послѣ представленія)... Театръ знакомитъ насъ съ *другимъ,* высшимъ классомъ людей. И мы видимъ ихъ жизнь, ихъ взгляды на

жизнь и отношеніе къ низшимъ классамъ. *И невольно подумаешь:* будутъ-ли когда-нибудь всѣ люди такими, какъ, напр., въ пьесѣ «Доходное мѣсто» тотъ молодой человѣкъ, который хотѣлъ жить своимъ трудомъ, а не взятками. Или будутъ-ли когда-нибудь всѣ такими умными и честными, какъ Чацкій, *чтобы некому было смѣяться надъ умниками*... Театръ исправляетъ людей отъ ихъ недостатковъ (идетъ развитіе этой мысли). Признаюсь чистосердечно, театръ и меня исправилъ отъ одного недостатка. Я часто вмѣстѣ съ подругами осуждала ту изъ нихъ, которой съ нами не было, смѣялась надъ ней, выдвигала передъ подругами ея недостатки, а своего въ то-же время не замѣчала. А теперь, благодаря театру, я *поняла*, какъ стыдно и глупо смѣяться надъ подругами»...

«Конечно,—прибавляетъ къ этимъ отзывамъ Н. К. Михайловскій,—конечно, не всѣ посѣтители учрежденій Невскаго общества выносятъ то настроеніе, которое характеризуется этими отзывами. Но *многіе-ли изъ насъ*, вверху стоящихъ, «что городъ на горѣ, дабы всѣмъ виденъ былъ», относятся къ своимъ развлеченіямъ съ *такою* серьезною вдумчивостью, съ *такою* трогательною жаждою уловить въ развлеченіи нравственный урокъ?».

И мы отвѣтимъ: «да, *не* многіе изъ насъ». И, однако, эти не многіе представляютъ насъ, «вверху стоящихъ», выражаютъ наши лучшія надежды и стремленія, и мы привыкли называть ихъ «своей» интеллигенціей; мы видѣли также, что и внизу стоящіе имѣютъ своихъ «немногихъ» и что они также выражаютъ лучшіе запросы и настроеніе своей среды, только до сихъ поръ мы не привыкли считать ихъ рабочей интеллигенціей,—слишкомъ ужь намъ обидно дѣлиться своимъ патентомъ съ кѣмъ-бы то ни было...

Въ общихъ чертахъ, мы уже познакомились выше съ тѣми назрѣвающими запросами, которые выдвигаютъ эту новую трудовую силу, а также съ общими характерными чертами ея.

Въ заключеніе мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь стихотвореніе цитированнаго уже выше крестьянина, столяра въ вагонныхъ мастерскихъ, который далъ столь оригинальные отвѣты. Оно лучше всего характеризуетъ настроеніе средняго интеллигентнаго рабочаго и посвящено одному изъ учрежденій, которыя приходятъ на помощь въ трудную минуту его жизни:

Вотъ отрывокъ этого стихотворенія, цѣликомъ помѣщеннаго въ статьѣ Н. К. Михайловскаго:

НЕВСКІЙ САДЪ.

Куда душѣ моей, какъ странницѣ усталой,
Уйти отъ жизни будничныхъ невзгодъ?
И гдѣ блеснетъ ей яркой искрой малой
Отрадный свѣтъ? *И гдѣ мой умъ найдетъ*
(Отъ юныхъ лѣтъ, какъ узникъ, скованный цѣпями
Труда, терпѣнья, мелочныхъ тревогъ)
Убѣжище, гдѣ-бъ онъ постигнуть могъ
Прекрасный міръ, упившись красотами?
И это ты, садъ мой, завѣтный уголокъ!
Когда бывалъ я жизнію стѣсненный,
Просилъ людей о помощи,—вокругъ
Молчали всѣ, и мой печальный звукъ
Мнѣ сердце жегъ сильнѣй, чѣмъ уголь раскаленный.
И я, убитый, слабый, утомленный,
Спѣшилъ скорѣй, скорѣй подъ тѣнь твою,
И ты прохладой радовалъ мою
Измученную грудь. Тутъ нѣгой идеальной
И сладострастьемъ дышитъ каждый кустъ.
И здѣсь, въ тѣни, съ душой моей печальной,
Внимая жадно трели музыкальной,
Спадаетъ желчь, и свѣтъ не кажется мнѣ пустъ
. . . . . .

Послѣ этого мы позволимъ себѣ перейти къ характеристикѣ отдѣльныхъ типовъ рабочей интеллигенціи, которые найдемъ въ текущей-же журнальной литературѣ.

Иванъ Кузьмичъ—истинный представитель двухтысячнаго населенія Тугаевской фабрики [1]), той самой фабрики, на которой, по выраженію разсказчика-ямщика, народъ не кормится, а «обколачивается», получая 12—13 руб., и куда, тѣмъ не менѣе, стремится со своихъ «четвертныхъ» и «нищенскихъ» надѣловъ, бросая землю и убѣгая изъ пустопорожнихъ деревень.

Иванъ Кузьмичъ родился на этой фабрикѣ, грамотѣ научился у своего отца—рабочаго-же, который училъ его съ «смертнымъ боемъ»;

---

[1]) Все нижеизложенное мы заимствуемъ изъ двухъ очерковъ г. Рубакина: «Лицомъ къ лицу (изъ путевыхъ наблюденій)» и «Взыскующіе града (изъ наблюденій надъ русскимъ читателемъ)». Новое Слово, № 5, февраль 1896 г. и № 1-й, октябрь 1895 г.

одиннадцатилѣтнимъ мальчишкой онъ ужь стоялъ у какой-то машины, въ атмосферѣ тридцати градусовъ по Реомюру; пятнадцати лѣтъ онъ сдѣлался жертвой «несчастнаго случая», втянувшись въ пасть чудовища-машины, и чуть не остался калѣкой на всю жизнь. Отлежавшись и оправившись, онъ тихонько подвигался по «фабричной лѣстницѣ» и достигъ званія машиниста. «И вотъ, стоя цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, изо-дня въ день, у своего нагрѣтаго чудовища, которое вѣчно пыхтитъ, свиститъ, временами постукиваетъ и громыхаетъ, Иванъ Кузьмичъ, еще молодымъ человѣкомъ, началъ думать «свою собственную» задушевную думу. Думалъ онъ и о томъ, «какъ люди до всего дошли» и о томъ, какъ они «фабрику устроили» и т. п. Бывали всякія «столкновенія» и «недоразумѣнія», которыя наводили его на разныя мысли, но точно онъ не помнитъ, что именно впервые натолкнуло его на размышленія,—знаетъ онъ навѣрное, что не книги, которыхъ онъ не видѣлъ до 25-лѣтняго возраста, не образованные люди, которыхъ онъ и совсѣмъ не видалъ до встрѣчи съ сестрой хозяина фабрики.

Все-же, книги играли въ его жизни главную роль. Познакомившись съ такими книжками, какъ «Черный воронъ», «Заднѣпровская вѣдьма», «Ермакъ» и т. п., захотѣлось узнать, что на свѣтѣ было и бываетъ. Сначала *такъ просто захотѣлось*, ну, а потомъ это стало неодолимой потребностью, и онъ началъ покупать самъ книжки и читать ихъ не только про себя, но и другимъ. Охотниковъ всегда было много, чтенія стали общими, читали въ казармѣ и на фабрикѣ. Послѣднія, будучи замѣчены мастеромъ—нѣмцемъ, кончились непріятностями: протоколомъ съ отобраніемъ романа Шпильгагена, слѣдствіемъ и запрещеніемъ общихъ чтеній.

Но это еще больше раззадорило Ивана Кузьмича: получивъ мѣсячное жалованье, онъ отправился въ городъ и на всѣ купилъ на базарѣ цѣликомъ библіотеку офени, въ которой были: «Никласъ—медвѣжья лапа» и томъ Лермонтова, «Ожерелье королевы» и томъ «Исторіи крестьянской войны». Чтенія возобновились, даже безграмотные приходили послушать, что написано въ этихъ книгахъ. Еще лучше наладилось-бы дѣло образованія при помощи фабричной библіотеки, если-бы хозяинъ, особенно-же сестра его, не устроили «фильтра», т. е. если-бы они не считали вредными или недоступными для рабочихъ тѣ книги, которыя они сами читаютъ.

«Пробовалъ и я ихъ спрашивать у хозяина,—говоритъ Иванъ Кузьмичъ,—дайте мнѣ вотъ «политическую экономію». Такъ что-же вы думаете? Въ глаза вѣдь мнѣ засмѣялся... Не далъ.. *Только ни къ чему все это. Замедленіе одно*, а не дѣло Да обидно только, что какъ будто *они* всѣхъ насъ за дураковъ считаетъ, словно у насъ и своей головы нѣтъ; и думать мы вовсе не умѣемъ»...

Особенно сильна антипатія Ивана Кузьмича къ сестрѣ хозяйской, красивой и образованной барышнѣ, учившейся на курсахъ, къ особѣ нѣкогда очень горячей и недовольной, проникавшей анализомъ въ самыя глубины общественныхъ неустройствъ и мечтавшей о коренныхъ улучшеніяхъ и перемѣнахъ; теперь она не волнуется и очень довольна собой и своей дѣятельностью: устроенной школой, чтеніями для школьниковъ съ волшебнымъ фонаремъ, яслями, больницей. О чтеніяхъ ея рабочіе говорятъ: «жуютъ, жуютъ, да еще съ поученіями... Вотъ изъ-за этого и барышня многимъ не полюбилась: ужь больно *поучительна*». Она перестала опускаться въ глубины размышленій и читаетъ лекціи рабочимъ по гигіенѣ, *зная*, что причиной ихъ болѣзней является *дурное* питаніе; она не замѣчаетъ всѣхъ ужасовъ фабричной работы и смущается и краснѣетъ, когда ей напоминаютъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ... «Онъ (народъ) не пойметъ значенія этой мѣры, какъ и вообще не понимаетъ и не цѣнитъ многаго изъ того, что мы для него дѣлаемъ»... Она превозноситъ страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, устроенное ея братомъ («хозяинъ себя-то отъ убытковъ застраховалъ», — по остроумному толкованію Ивана Кузьмича) и не захотѣла предотвратить стачку рабочихъ, когда они настаивали на прибавкѣ платы за «накинутый» вечерній часъ работы.

Ивану Кузьмичу теперь много дѣла: со всѣхъ сторонъ къ нему идутъ за совѣтами, его осаждаютъ вопросами, запросами и спорами о томъ, какъ быть дальше,—начинать-ли работу или еще потерпѣть. Трудное его дѣло: надо все обсудить и обдумать, взвѣсить всѣ шансы за и противъ, нужно убѣдить строптивыхъ и унять горячихъ; онъ говоритъ много и горячо, не столько краснорѣчиво, сколько убѣдительно и вразумительно... Потъ градомъ струится съ его утомленнаго и умнаго лица!..

Ивану Кузьмичу это не впервые: много непріятностей и болѣе крупныхъ пришлось испытать ему, не разъ покидалъ онъ свою фабрику и съ семьей «кочевалъ» на другую: тамъ онъ вновь становился

средоточіемъ своего круга и учителемъ и совѣтникомъ, и только въ очень трудныя минуты общаго горя и отчаянія онъ говорилъ со слезами въ голосѣ: «Охъ, Господи, вотъ тяжело приходится!... Вѣдь это всѣ мои—кровные. Только... только въ темнотѣ они всѣ ходятъ, охъ, въ какой темнотѣ!... И какой все это хорошій народъ .. Непонимающій только»...

Таковъ, въ общихъ чертахъ безвѣстный представитель стеклянной фабрики, фамилію котораго намъ не удалось даже узнать, но мы не узнаемъ ея и у двухъ другихъ интеллигентовъ-рабочихъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ вагонѣ Варшавской желѣзной дороги. На обоихъ фуражки съ синимъ бархатнымъ околышемъ и длинные сапоги; на одномъ черное драповое пальто, широкое и неуклюжее, отъ котораго онъ кажется «четвероугольнымъ», на другомъ сѣрый пиджакъ, изъ-подъ котораго выглядываетъ синяя засаленная блуза. Младшій изъ нихъ сразу обращаетъ на себя вниманіе своимъ высокимъ лбомъ, прямымъ и красивымъ носомъ, рѣзко очерченнымъ подбородкомъ, глубокой складкой между бровей и тѣмъ глубокимъ и вдумчивымъ выраженіемъ своихъ голубыхъ глазъ, которое придавало его лицу ясность, спокойствіе и въ то-же время характерное выраженіе сосредоточенности и мысли.

Товарищъ его, — постарше, — былъ рослый мужчина съ угрюмымъ лицомъ, нерѣдко принимавшимъ желчное и даже злое выраженіе. Онъ не могъ равнодушно выслушивать разговоры, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ положенію рабочихъ, и не разъ вмѣшивался въ чужую рѣчь, не смотря на то, что младшій товарищъ дергалъ его за рукавъ и всячески унималъ. Не вытерпѣлъ онъ и на этотъ разъ, сидя въ вагонѣ, гдѣ шелъ разговоръ между двумя пассажирами. Служащій въ конторѣ одного изъ южныхъ рафинадныхъ заводовъ разсказывалъ купцу о двухъ «несчастныхъ случаяхъ» на ихъ заводѣ, причинившихъ ему не мало хлопотъ. Сперва жертвой «случая» сдѣлалась женщина-поломойка, платьемъ зацѣпившаяся за толстый желѣзный валъ, который и намоталъ ее на себя: платье содралъ до-нага, а ей самой размозжилъ голову о близъ стоящій столбъ. Потомъ рабочій упалъ въ чанъ, быстро вертящійся—нѣсколько тысячъ разъ въ минуту.

Въ обоихъ случаяхъ, по словамъ разсказчика, виноваты были поломойка и рабочій, такъ-какъ на валъ не нарывались многія другія поломойки, а мѣшать въ чанѣ было строго запрещено рабочимъ.

Естественно, что нервный и желчный рабочій не могъ равнодушно выслушивать такой приговоръ и безпрестанно вмѣшивался въ разговоръ, вставляя свои ѣдкія замѣчанія, доказывая, что на валу долженъ быть предохранительный чехолъ, что фабрикантъ долженъ отвѣчать за всѣ несчастные съ рабочими случаи, что «они» привыкли къ послѣднимъ, а мелкія уродства, въ родѣ оторванія пальцевъ—при этомъ онъ показалъ отсутствующіе на его лѣвой рукѣ два пальца—и что, наконецъ, умѣютъ улаживать эти случаи передъ кѣмъ слѣдуетъ

— Еще-бы вамъ не знать,—говорилъ онъ.

Вопросъ о страхованіи рабочихъ интересовалъ его по преимуществу, онъ изучалъ его по всѣмъ доступнымъ источникамъ и лучшимъ авторитетамъ, читалъ и выписывалъ соотвѣтствующія цифры,—и все-же долженъ былъ усомниться въ спасительности этого средства: «весь ихъ заводъ, вся тамъ маята рабочая—одинъ сплошной несчастный случай»..., не совсѣмъ ясно формулировалъ его мысли старшій товарищъ.

Онъ начиналъ сомнѣваться даже въ томъ, что составляло основу его дѣятельности и умственной жизни и съ робостью спрашивалъ другихъ: «если всѣ люди сдѣлаются людьми учеными, книжными, начитанными, настроятъ вездѣ школы, да заведутъ библіотеки,—станетъ-ли имъ отъ этого лучше жить»?

— Дружества у насъ вотъ нѣтъ,—самъ отвѣчалъ онъ на свой вопросъ, но все-же не могъ успокоиться на этомъ

Но откуда-же на общемъ темномъ фонѣ являются эти свѣтлыя точки?

«По крайней мѣрѣ я,—говоритъ нашъ авторъ,—проживъ нѣсколько лѣтъ на одной фабрикѣ, потолкавшись по другимъ фабрикамъ и познакомившись съ умственной физіономіей рабочаго люда, прежде всего вынесъ изъ этого знакомства то впечатлѣніе, что въ глубинѣ этой рабочей, фабричной среды несомнѣнно умственный подъемъ *возрастаетъ*, что *возрастаніе* это идетъ безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, такъ сказать, самопроизвольно и обусловлено двумя причинами: во 1-хъ, тѣмъ, что въ этой рабочей средѣ не мало есть умныхъ, отзывчивыхъ людей, голова которыхъ не можетъ не думать, сердце не можетъ не чувствовать; во 2-хъ, что наша текущая жизнь о многомъ заставляетъ подумать и почувствовать ее на себѣ».

Въ этомъ непрерывномъ и фатальномъ процессѣ «возростанія» наибольшую роль играетъ *книга*, книги содержательныя, которыя пишутся и печатаются для людей взрослыхъ и здравомыслящихъ.

Разъ человѣкъ задумалъ свою задушевную думу,—тутъ ничего не помогутъ «листовки» и пятикопѣечныя брошюрки: онѣ возбуждаютъ въ читателѣ изъ народа только чувство досады и обиды, *законной* обиды на то, что *мы*, пишущіе, считаемъ его, *читателя*, ниже себя, неспособнымъ понять то, что намъ доступно, мало того, мы считаемъ его младенцемъ, которому нужно «жевать, жевать и въ ротъ положить».

Это чувство горечи и обиды всегда очень живо въ читателяхъ изъ народа и оно еще долго будетъ служить поводомъ и причиной взаимнаго недовѣрія и непониманія, многихъ недоразумѣній и несогласій между лучшими представителями интеллигенціи, стоящей вверху и выходящей снизу.

Н. І.

Дозволено цензурою. Иркутскъ, 2 октября 1896 года.

258

Телефонъ № 85.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ,

ПЕРЕПЛЕТНОЕ И ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЯ

К. І. ВИТКОВСКОЙ

въ г. Иркутскѣ.

Типографія обстановлена скоропечатными, просѣкальной, бумагорѣзальными и номеровальной машинами, типографскими и литографскими станками и бостонскимъ прессомъ для выполненія мелкихъ работъ,

РАЗНООБРАЗНЫМИ ШРИФТАМИ,

ПОЛИТИПАЖАМИ,

всевозможными украшеніями и прочими типографскими принадлежностями,

имѣетъ возможность

скоро и аккуратно выполнять разнообразныя типо-литографскія работы:

бланки, заголовки для книгъ и разсчетныхъ листовъ, табелей, раскомандировокъ, квитанцій, фактуръ, контр-актовъ, реестровъ, прейсъ-курантовъ, винныхъ этикетовъ и проч.,

КОТОРЫЕ БУДУТЪ ВЫПОЛНЯТЬСЯ

по удешевленнымъ въ сравненіи съ прошлыми годами цѣнамъ.

Литографія принимаетъ печатаніе: ярлыковъ, этикетовъ, картъ, плановъ. Составленіе рисунковъ новыхъ ярлыковъ и этикетовъ. Хромолитографія. Автографія.

ПЕРЕПЛЕТНО-ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

изготовляетъ:

конторскія книги, ученическія тетради, бархатные альбомы, памятныя книжки и проч., линуется бумага по всевозможнымъ образцамъ, наклеиваются карты и картины на коленкоръ и картонъ.

При типографіи всегда имѣются въ большомъ количествѣ книги на записку золота, для винокуренныхъ заводовъ и складовъ, ученическія тетради, транспаранты и проч.

Гг. иногороднимъ заказы могутъ быть высылаемы наложеннымъ платежемъ, при уплатѣ впередъ, въ видѣ задатка, не менѣе трети стоимости заказа. Заказы на сумму менѣе 1 р.—наложеннымъ платежемъ не высылаются.